

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

9-й год издания

№ 8

Август 1939 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ

РЕЧЬ ТОВА. МОЛОТОВА

ПРИ ОТКРЫТИИ ВСЕСОЮЗНОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ВЫСТАВКИ
1-го августа 1939 года

Товарищи! Открытие Всесоюзной Сельскохозяйственной Выставки является всенародным торжеством. В ней находит свое отражение великая победа колхозного строя, окончательно очистившего советскую землю от кулаков и других эксплуататоров, освободившего путь для победоносного под'ема социалистического сельского хозяйства и всей нашей страны.

Всесоюзная Сельскохозяйственная Выставка, почин организации которой принадлежал 2-му Всесоюзному Съезду колхозников-ударников в 1935 г. — это, прежде всего, выставка колхозов, выставка колхозных побед, в которых мы видим всепобеждающую силу союза рабочих и крестьян под знаменем коммунизма (аплодисменты), под знаменем великой партии Ленина — Сталина. (Бурные аплодисменты. Возгласы «Ура!»). В этом ее коренное отличие от сельскохозяйственной выставки 1923 года, когда в нашей стране господствовало единоличное мелкое крестьянское хозяйство, а колхозы и совхозы были еще совсем слабы и занимали малозаметное место.

Настоящая Сельскохозяйственная Выставка подводит итог десятилетию, в начале которого крестьянские массы окончательно повернули от мелкого единоличного хозяйства к крупному колхозному хозяйству. Вспомните, товарищи, «год великого перелома» — 1929 год, когда совершился этот поворот крестьянства на путь коллективизации. Тогда, десять лет тому назад, почва для перестройки сельского хозяйства на основе колхозов была уже во многом подготовлена. Советская власть окрепла. Наша индустрия начала массовую выработку тракторов и машин для сельского хозяйства. Борьба с кулачеством, особенно во время хлебозаготовок 1928—1929 г.г., развернулась по всему фронту и превратилась в общее наступление против капиталистических элементов. В деревне имелся уже большой опыт сельскохозяйственной кооперации. Успехи первых колхозов и совхозов получили известность. Партия и Правительство провели к этому времени большую работу по разъяснению крестьянам того, что настоящий под'ем сельского хозяйства и обеспечение городов хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами возможен только с переходом крестьян на путь колхозов, на путь коллективизации единоличных хозяйств. Тогда произошел исторический поворот крестьянства нашей страны на путь колхозов. В своей знаменитой статье «Год великого перелома» товарищ Сталин писал в конце 1929 года:

«В колхозы пошел середняк. В этом основа того коренного перелома в развитии сельского хозяйства, который составляет важнейшее достижение Советской власти за истекший год...

Рушится и превращается в прах последняя надежда капиталистов всех стран, мечтающих о восстановлении капитализма в СССР, — «священный принцип частной собственности». Крестьяне, рассматриваемые ими как материал, унаваживающий почву для капитализма, массами покидают хваленое знамя «частной собственности» и переходят на рельсы коллективизма, на рельсы социализма. Рушится последняя надежда на восстановление капитализма».

Этот поворот крестьянства на путь коллективизации позволил нашей партии и Правительству поставить задачу перехода от политики ограничения кулачества к новой политике — к политике ликвидации кулачества, как класса, на основе сплошной коллективизации. Преодолевая бешеное сопротивление кулаков и других контрреволюционных элементов в деревне, преодолевая сопротивление охвостья буржуазии в нашей стране, — всех этих троцкистов, правых и иже с ними, — большевистская партия сплотила трудящихся деревни под своим знаменем, под знаменем советской власти, строившей колхозы, несмотря на все сопротивление враждебных элементов и несмотря на опасные вывихи всякого рода «левых» перегибщиков, — и одержала славную победу. **(Бурные аплодисменты).** Поворот крестьянства на путь колхозов в 1929 — 1930 г.г. и окончательная победа колхозного строя в нашей стране, как и последующие успехи колхозов, неразрывно связаны с именем великого вождя нашей партии и народов Советского Союза — с именем великого Сталина. **(Бурные, продолжительные аплодисменты. Возгласы «Ура»).**

Чтобы закрепить свои победы, колхозы должны были пройти через трудный период реорганизации сельского хозяйства. Три — четыре года потребовалось на то, чтобы организация колхозов в основном была закончена, чтобы основная масса крестьянства окончательно закрепилась в колхозах. После этого начался постепенный и неуклонный подъем сельского хозяйства на основе колхозов, на основе колхозного строя.

И вот теперь, всего через десять лет, мы имеем уже окончательно окрепшие колхозы и безраздельно господствующую в нашей стране социалистическую систему сельского хозяйства. Теперь уже вся посевная площадь, за малым исключением, принадлежит колхозам и совхозам. Меньше полпроцента составляют сейчас посевы единоличных хозяйств в нашей стране. Наше сельское хозяйство богато вооружено новой техникой, какой оно раньше не знало. Количество мощных тракторов в сельском хозяйстве превышает полмиллиона штук. Эти трактора выполняют громадную работу, во многом облегчая труд колхозников. Количество комбайнов достигло 165 тысяч. Комбайны должны в этом году убрать больше половины всей посевной площади зерновых культур. Количество грузовых автомобилей превышает 200 тысяч. В сельском хозяйстве много также других, нужных ему машин, и с каждым годом растет мощь его новой техники. Число машинно-тракторных станций достигло 6,5 тысяч. Эти МТС выполняют главную организаторскую работу в деле подъема всего колхозного хозяйства. Число совхозов достигло почти 4 тысяч, и среди них растут ряды образцовых хозяйств. Все это позволяет нам сказать, что в основном уже завершена реконструкция нашего земледелия на основе новой современной техники. **(Аплодисменты).** Оснащение современной техникой в нашем сельском хозяйстве стоит теперь выше, чем в любой другой стране.

Создались многочисленные кадры механиков, трактористов, комбайнеров, шоферов, — их число превышает 1,5 миллиона человек. Из этой среды и, особенно, из среды трактористов и комбайнеров, выдвинулись уже многие знатоки дела, давшие замечательные образцы стахановской

работы, и имена лучших среди них знает весь наш советский народ. **(Аплодисменты)**. Сотни тысяч и миллионы людей из крестьян превратились за эти годы в опытных организаторов крупного общественного хозяйства в колхозах, в колхозных звеньях и бригадах. Эти люди стремительно овладевают передовой сельскохозяйственной культурой, сельскохозяйственной наукой.

Все это говорит за то, что созданы благоприятные условия для могучего под'ема сил нашего земледелия и всего сельского хозяйства. Валовая продукция сельского хозяйства превысила уже в прошлом году в полтора раза валовую продукцию сельского хозяйства в 1913 году. Под'ем идет во всех отраслях сельского хозяйства: по зерну и по хлопку, по свекле и по льну, по овощам и по цитрусовым субтропическим культурам. Поставленная нашей партией задача обеспечить 7 — 8 миллиардов пудов урожая зерна успешно выполняется. Так, и в этом году при хорошей организации уборки мы имеем полное основание рассчитывать на сбор 7 миллиардов пудов зерна. **(Аплодисменты)**. Это лишь один из примеров того, какими крупными шагами идет под'ем социалистического земледелия.

И в области животноводства, где у нас было наибольшее отставание, мы имеем за последние годы серьезное улучшение. Последнее решение партии и Правительства о под'еме животноводства сыграет в этом отношении важную роль. Принятые этим решением меры к под'ему животноводства и к переходу от старой системы к новой системе мясопоставок, по количеству имеющейся у колхоза земли, облегчают положение колхозов, наиболее заботившихся о развитии животноводства, и вместе с тем дают толчок к решительному под'ему животноводства во всех колхозах. Можно с уверенностью сказать, что 1939 год значительно двинет вперед колхозное животноводство. **(Аплодисменты)**.

Прошло всего десять лет, как наше крестьянство в массе своей начало строить колхозы. Теперь мы имеем 240 тысяч колхозов, в которых объединено почти все крестьянство нашей страны. На наших глазах во всех отраслях сельского хозяйства идет неуклонный, все расширяющийся, под'ем социалистического сельского хозяйства. Освобожденное от пут капитализма, вооруженное передовой техникой, организованное, как крупное общественное производство, наше сельское хозяйство растет и крепнет с каждым годом. Наша деревня окончательно освободилась от помещиков и кулаков, от всяких эксплуататоров. В нашей деревне нет больше и крестьянской бедноты, которая недавно еще составляла треть крестьянской массы, а до революции составляла больше половины крестьянства. Мы навсегда освободились и от этого спутника старого, буржуазно-помещичьего государства. Крестьяне-колхозники трудятся теперь только для себя самих, для своего благополучия и счастья. **(Аплодисменты)**. Для всех крестьян-колхозников в нашей стране открыт путь к зажиточной и культурной жизни. **(Аплодисменты)**. Ни в одной другой стране, никогда при капитализме, трудящиеся крестьяне не могут об этом и мечтать.

Всесоюзная Сельскохозяйственная Выставка дает многочисленные доказательства этому показом многих тысяч живых примеров роста и укрепления наших колхозов и совхозов, показом многочисленных примеров зажиточной и культурной жизни колхозников. Эта выставка дает показ начавшегося могучего расцвета сил всех республик, краев и областей нашей великой страны. Она освещает ярким светом рост и под'ем всех отраслей нашего сельского хозяйства, под'ем сельскохозяйственных культур и различных видов животноводства, успехи машинно-тракторных станций и колхозов, успехи совхозных и колхозных ферм, успехи научных учреждений и отдельных выдающихся работников сельскохозяйственной науки, успехи и достижения отдельных передовиков и знатных людей нашей колхозной деревни. **(Аплодисменты)**.

Всесоюзная Сельскохозяйственная Выставка организована не по обычным шаблонам. Здесь не просто представлены те или иные хорошие образцы работы, те или иные образцы сельскохозяйственной продукции. Право участия на Сельскохозяйственной Выставке определяется точными научно-обоснованными условиями отбора кандидатов. Чтобы получить право участвовать на Всесоюзной Сельскохозяйственной Выставке колхозы, совхозы, машинно-тракторные станции, колхозные и совхозные фермы, научно-исследовательские учреждения, селекционные и опытные станции должны иметь определенные показатели своей работы за последние два года, а именно — за 1937 — 1938 г.г. Для каждой сельскохозяйственной культуры, по соответствующим зонам, установлена определенная высота урожайности, для каждого вида животноводческого хозяйства установлены определенные показатели выращивания молодняка и продуктивности, при достижении которых за последние два года только и можно получить право участия на Сельскохозяйственной Выставке. Установлены определенные показатели хорошо организованной работы МТС, а также установлены показатели работы за последний 1938 год для передовиков сельского хозяйства. Только при достижении этих показателей колхозы, совхозы и другие организации, а также отдельные передовые люди сельского хозяйства, получали возможность стать участниками Всесоюзной Сельскохозяйственной Выставки и тогда заносились в почетную книгу Выставки. Устанавливая эти показатели по образцам передовых хозяйств и по хорошим образцам работы отдельных знатных людей колхозного и совхозного хозяйства, мы исходили из того, чтобы поставить перед каждой отраслью сельского хозяйства и перед каждой группой работников социалистического земледелия и тем самым перед всей массой колхозов и совхозов свои конкретные задачи на ближайшее время. Мы руководствовались при этом тем, что это должны быть такие показатели, достижение которых, в среднем, всей массой колхозов и совхозов означало бы выполнение и даже перевыполнение заданий третьего пятилетнего плана по сельскому хозяйству. Это дает, вместе с тем, возможность определить, какая республика или область идет впереди или, наоборот, отстает по тому или иному виду сельского хозяйства, в какой из них выращено больше передовых людей сельского хозяйства. В программе показателей для Сельскохозяйственной Выставки дана, таким образом, программа нового подъема сельского хозяйства в соответствии с планом третьей сталинской пятилетки. **(Бурные аплодисменты).**

Чем скорее мы обеспечим выполнение всей массой колхозов и совхозов показателей, установленных для участников Сельскохозяйственной Выставки, тем скорее мы обеспечим выполнение всего плана третьей пятилетки по сельскому хозяйству. В этом значение Всесоюзной Сельскохозяйственной Выставки, как организатора социалистического соревнования за выполнение третьей пятилетки. **(Бурные аплодисменты).**

Отбор участников Всесоюзной Сельскохозяйственной Выставки показал, что у нас уже не мало таких колхозов, совхозов, МТС, колхозных ферм, а также передовиков колхозного и совхозного хозяйства, которые идут на уровне требований третьей пятилетки, а во многих случаях идут и значительно впереди этих требований. На Всесоюзной Сельскохозяйственной Выставке получили право участвовать 15.059 колхозов, 11.004 колхозных ферм, 268 МТС, 795 совхозов. Кроме того, на Всесоюзной Сельскохозяйственной Выставке получили право участвовать 155.821 человек из передовиков и знатных людей сельского хозяйства. **(Бурные аплодисменты).** При достижении хороших показателей работы за 1939 год, в будущем 1940 году в Сельскохозяйственной Выставке смогут принять участие новые тысячи и тысячи колхозов и совхозов, новые десятки тысяч передовиков сельского хозяйства. Пожелаем же, чтобы как можно шире развернулось социалистическое соревнование между республиками, краями, областями и районами, между колхозами, МТС и совхозами

за завоевание права на участие в Сельскохозяйственной Выставке не только в этом, но и в 1940 году! (Аплодисменты).

По всем отраслям сельскохозяйственных культур, по всем отраслям животноводства на этой Выставке имеются в натуре самые замечательные образцы и достижения, нередко превышающие мировые рекорды. Сила колхозного строя демонстрируется этой Выставкой с исключительной убедительностью, а тысячи ее образцов, представленные здесь всеми республиками, краями и областями, дают представление о бесчисленных богатствах сельского хозяйства Советского Союза, об его исключительном разнообразии, неуклонном подеме и великих творческих силах. Наша Выставка не только дает итог побед, но и является мощным призывом к дальнейшему подему сельского хозяйства, к новым славным победам социализма. Демонстрацией побед колхозного строя мы демонстрируем великую силу организации нашего нового советского колхозного крестьянства, самого многочисленного класса трудящихся нашей страны. Рабочий класс нашей страны организован в могучую советскую силу, благодаря росту и неуклонному подему крупной социалистической индустрии. Колхозы, превратившие наше крестьянство из разрозненных и распыленных мелких хозяев в строителей общественного социалистического хозяйства, превратили советское колхозное крестьянство в великую силу, демонстрирующую сегодня громадные успехи своей хозяйственной организованности, культурного роста и социалистической сознательности. (Аплодисменты). Таким образом, демонстрация колхозных побед означает громадные успехи в хозяйственной и политической организации всего нашего народа. Спаянные нерушимой дружбой народы Советского Союза представляют невиданную в прошлом, невозможную при капитализме великую, организованную силу. (Аплодисменты). В этом — залог дальнейших успехов коммунизма в нашей стране. В этом — великое международное значение демонстрации колхозных побед.

Разрешите всех, кто своей примерной работой обеспечил себе право участия на Всесоюзной Сельскохозяйственной Выставке, горячо приветствовать от лица партии и правительства. (Бурные, продолжительные аплодисменты. Возгласы «ура!»). Разрешите передать большевистский привет зачинателям дела строительства колхозов и всем тем, кто теперь ведет неуклонную борьбу за новые и новые успехи колхозов и совхозов. (Бурные аплодисменты). Разрешите поздравить организаторов и строителей, архитекторов и художников, ответственных руководителей и рядовых работников Выставки, с успехом выполнивших свою задачу. (Бурные аплодисменты).

Да здравствует победоносное колхозное крестьянство Советского Союза! (Бурные аплодисменты. Возгласы «ура!»).

Да здравствует несокрушимый союз рабочих и крестьян, строящих социализм! (Бурные аплодисменты. Возгласы «ура!»).

Да здравствует организатор наших побед — великая партия Ленина — Сталина! (Бурные, продолжительные аплодисменты. Возгласы «ура!»).

Да здравствует великий вождь страны колхозов и социализма товарищ Сталин! (Бурные, продолжительные аплодисменты. Возгласы «ура!»).

По поручению Центрального Комитета большевистской партии и правительства Советского Союза объявляю Всесоюзную Сельскохозяйственную Выставку открытой. (Бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию. Возгласы — «Да здравствует Глава Советского Правительства товарищ Молотов! Ура! Товарищу Сталину ура!»).

О ГЕНИАЛЬНОМ ТРУДЕ В. И. ЛЕНИНА „ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ“

1

Книга Ленина «Государство и революция» была написана в августе — октябре 1917 года. Это был, как известно, период все более обострившейся борьбы между нарастающими силами социалистической революции, организуемой партией большевиков, и силами контрреволюции. Буржуазное Временное правительство Керенского, ощущая приближение своего краха, стремилось всеми средствами разоружить революцию, задержать ход ее развития, разгромить ее организации. На большевиков обрушился жестокий террор буржуазной контрреволюции белогвардейских генералов, меньшевиков и эсеров. 7 июля был издан приказ об аресте Ленина. Был арестован ряд крупных деятелей большевистской партии. Ленин вынужден был скрываться в это время в шалаше близ станции Разлив.

В «Кратком курсе» в следующих словах характеризуется этот момент: «Кончилось двоевластие.

Кончилось в пользу буржуазии, ибо вся власть перешла в руки Временного правительства, а Советы с их эсеро-меньшевистским руководством превратились в придаток Временного правительства.

Кончился мирный период революции, ибо в порядок дня был поставлен штык.

Ввиду изменившейся обстановки большевистская партия решила изменить свою тактику. Она перешла в подполье, укрыла своего вождя Ленина в глубоком подпольи и стала готовиться к восстанию, чтобы свергнуть власть буржуазии силой оружия и установить Советскую власть»¹.

В этот решающий период необычайно ярко выявилась важнейшая отличительная особенность партии Ленина — Сталина — единство ее революционной теории и ее революционной практики. Партия Ленина — Сталина готовила массы к восстанию, вооружая их не только винтовкой и пулеметом, но особенно и в первую очередь ясным пониманием как ближайших задач революции, так и ее величайших всемирно-исторических задач и перспектив. Пропагандируя в широких массах рабочих, крестьян и солдат научно обоснованные и испытанные жизнью ленинские лозунги под-

готовки социалистической революции, партия превратила ленинские идеи в победоносную, всеобрушающую материальную и организующую силу.

В деле подготовки большевистских кадров, а через них и широких революционных масс к завоеванию власти решающее значение имела пропаганда ленинских идей о государстве вообще, о пролетарском, социалистическом государстве в особенности. Книга «Государство и революция» — это одновременно и величайший научный труд о государстве и программа практической борьбы за пролетарское государство в конкретных условиях капана Октябрьской революции 1917 года, подлинное непревзойденное по своей силе боевое руководство к действию.

В арсенале плетеного оружия мировой пролетарской революции, в сокровищнице маркенистско-ленинского учения «Государство и революция» занимает виднейшее место. В этом труде, небольшом по объему (Ленин называл его «брошюрой») и по обстоятельствам времени незаконченном, пролетарская теория государства понята на вершины научного обобщения. Буквально нескечерпаемое богатство мыслей, выраженных с изумительной по глубине и четкости силой, содержит в себе это произведение ленинского гения.

Единство теории и практики — важнейшая особенность материалистической диалектики — выступает в этом произведении с исключительной силой. На основании всестороннего учета и обобщения всего мирового исторического опыта классовой борьбы, развития государства, его соотношения с революцией Ленин разработал научно обоснованную программу слома эксплуататорского, буржуазно-помещичьего государства и создания первого в мировой истории государства нового типа — государства советского, социалистического.

В самой исторической фигуре Ленина — величайшего теоретика, идейного вдохновителя и одновременно организатора и руководителя социалистической революции и пролетарского государства — воплотилось единство теории и практики классовой борьбы, которое свойственно только пролетариату и недоступно буржуазии и ее вождям.

¹ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 187.

Марксистско-ленинская теория государства есть единственно научное обобщение всемирного революционного опыта. Ленин говорит: «У Маркса нет и канельки утопии в том смысле, чтобы он сочинял, фантазировал «новое» общество. Нет, он изучает, как естественно-исторический процесс, рождение нового общества из старого, переходные формы от второго к первому. Он берет фактический опыт массового пролетарского движения и старается извлечь из него практические уроки»¹. Эти слова относятся целиком и полностью также и к Ленину и к товарищу Сталину. Ленин и Сталин, обобщая опыт мирового рабочего движения, непрерывно обогащают теорию, поднимая ее шаг за шагом на все новую высоту. Можно в качестве примера привести вопрос о двух фазах коммунизма. Ленин писал: «Маркс, не пускаясь в утопии, определил подробнее то, что можно теперь определить относительно этого будущего, именно: различие высшей и высшей фазы (степени, этапа) коммунистического общества»². Дальше того, что Маркс считал возможным научно установить, он не пошел, ибо опять-таки «у Маркса нет ни тени попыток сочинять утопии, поэтому гадать насчет того, чего знать нельзя»³. Но то, что Маркс точно установил, научно предсказав, оправдывается на наших глазах, в нашей практике поразительнейшим образом.

Для написания работы «Государство и революция» Владимир Ильич проделал огромную подготовительную работу, непосредственно начатую им еще в 1916 году в Швейцарии. Представление об этой подготовительной работе дают многочисленные литературные источники, которые были изучены Лениным. Ленин заново проштудировал классические работы Маркса и Энгельса, в которых освещаются вопросы государства, уделив особое внимание при этом перенесенным Маркса и Энгельса. В них нисколько, как это показал Ленин, не содержится много важнейших положений о пролетарской революции и диктатуре пролетариата, которые замалчивались либо отрицались и извращались теоретиками II интернационала. Анализ различных высказываний Маркса и Энгельса по вопросу о государстве, проделанный Лениным с исключительной тщательностью и глубочайшим проникновением в сущность взглядов и идей великих основоположников научного коммунизма, указывает на ту огромную работу, которая Лениным была для этого проделана. Ленин перерыл архивы теоре-

тического журнала германской социал-демократии «*Neue Zeit*» («Новое время»), разыскивая соответствующие документы, за период с 1890 по 1914 год. Он прочитал многочисленные книги и статьи извратителей и противников марксизма: Каутского, Бернштейна, Ханекука, Бакунина и других — для того, чтобы дать наиболее полную и уничтожающую критику их извращений и опровержений марксистского учения о государстве⁴.

Работа Ленина «Государство и революция» и особенно являющаяся ее прямым продолжением вышедшая в 1918 году «Пролетарская революция и ренегат Каутский» направлены прежде всего против кауткианства.

Во втором издании «Государства и революции», вышедшем в самом конце 1918 года, Ленин дополнил II главу 3-м параграфом. Этот параграф является откликом на вышедшую в августе 1918 года брошюру Каутского «Диктатура пролетариата», которую Ленин характеризует как «образец мешанского некажества марксизма и полного отречения от него на деле, при лицемерном признании его на словах»⁵.

В борьбе против социалистической революции и возрастающего влияния большевизма в Германии и других странах Европы Каутский в противовес ленинским Апрельским тезисам поднял знамя буржуазной, парламентской демократии.

Каутский «доказывал», что революции могли служить средством перехода от феодализма к капитализму, ибо при феодализме не было такого средства для мирного перехода к новому строю, как парламентская демократия, которой теперь должен воспользоваться рабочий класс передовых капиталистических стран для мирного перехода к социализму путем завоевания абсолютного большинства голосов в буржуазном парламенте. Избирательный бюллетень — вот то «небоязненное» оружие, которое вместо революционного меча навязывали рабочему классу каутские.

Прикрашивая капитализм и эксплуататорское государство, Каутский, по существу, создал теоретическую защиту социалпатриотизма и отречения от марксистского учения о государстве, от пролетарской революции и диктатуры пролетариата. «Марксист лишь тот, кто признает борьбу классов до признания диктатуры пролетариата»⁶.

⁴ Этот материал, собранный Лениным в «серий» тетради, издан Институтом Маркса—Энгельса—Ленина в 1934 году отдельной брошюрой «Марксизм и государство».

⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 392.

⁶ Там же.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 402.

² Там же, стр. 432.

³ Там же, стр. 428.

рата буржуазного государства — все это при империализме чрезвычайно усиливается.

«В особенности же империализм, эпоха банкового капитала, эпоха гигантских капиталистических монополий, эпоха перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, показывает необыкновенное усиление «государственной машины», неслыханный рост ее чиновничьего и военного аппарата в связи с усилением репрессий против пролетариата как в монархических, так и в самых свободных, республиканских странах»¹. Отсюда «всемирная история подводит теперь, несомненно в несравненно более широком масштабе, чем в 1852 году, к «концентрации всех сил» пролетарской революции на «разрушение» государственной машины»².

Со всей силой Ленин выдвигает на первый план тот факт, что государственная машина при империализме становится все более угнетательской, паразитической и антидемократической по существу, что именно для сокрытия этого обстоятельства буржуазия прибегает, поскольку у нее есть для этого возможности, к парламентски-демократической маскировке.

Истекшие с момента написания книги «Государство и революция» годы блестяще подтвердили эти ленинские указания. Фашистская диктатура доводит до высшей степени, в чудовищных и гнусных, уродливых формах, рост военно-полицейских, террористических репрессий против народа. При фашизме демократические учреждения уничтожаются и отбрасываются прочь. Ленин не уставал предупреждать рабочий класс о неизбежности такого рода тенденций правящих олигархических групп монополистического капитала. «Государство и революция» своими основными установками ориентирует на борьбу с этими тенденциями, наличие которых всячески отрицали и затушевывали до последнего времени оппортунизм и реформизм, и предостерегает против недооценки силы и роли буржуазного государства в борьбе буржуазии против социалистической революции.

«Государство и революция» дает нам необходимые позиции для разоблачения реакционной сущности империалистических государств, в особенности их фашистской разновидности. Поскольку государственная власть остается в руках буржуазии, последняя будет «совершенствовать» машину подавления, приспособ-

ляющая ее к конкретным условиям подавления трудящихся масс. «Приспособить» эту машину для политического господства пролетариата ни при каких условиях невозможно. Пролетариат обязан ее в ходе революции сломать, уничтожить. Более того, сама пролетарская революция для своего успешного, победоносного развития обязательно требует, в качестве своей элементарной предпосылки, предварительного условия — уничтожения этой машины.

Октябрьская социалистическая революция 1917 года в положительной форме блестяще подтвердила это положение. Революции в Австрии (1918 год) и Германии (1919 год) подтвердили его в отрицательной форме: военно-бюрократический государственный аппарат, спасенный и сохранный при решающей помощи предательских вождей социал-демократии, при существовании капиталистической собственности, был той главной силой, посредством которой буржуазия не только удержала свое господство, но впоследствии шаг за шагом отняла у трудящихся все их завоевания и усилила в огромной степени и в кровавых формах подавление и угнетение трудящихся. Слом военно-бюрократической государственной машины капитализма, как необходимая предпосылка перехода к социализму, является сегодня и будет оставаться до тех пор, пока существует капитализм, центральной революционной задачей международного пролетариата по отношению к буржуазному государству. «Государство и революция» при решении этой задачи служит и будет служить основным теоретическим и практическим руководством к действию.

Что развитие классовой борьбы неизбежно поставит перед пролетариатом задачу разрушения буржуазной государственной машины, Маркс установил еще в 1851 году. Но чем же пролетариат заменит развитую им государственную машину?

«...Открывать политические формы этого будущего Маркс не брался»³, — говорит Ленин. «Не владеясь в утопии. Маркс от опыта массового движения ждал ответа на вопрос о том, в какие конкретные формы эта организация пролетариата, как господствующего класса, станет выливаться...»⁴.

Первый опыт был дан Парижской коммуна. Крупнейшая заслуга Маркса состоит в том, что он, теоретически обобщив опыт Коммуны, ее революционный геро-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 391

² Там же.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 408.

⁴ Там же, стр. 397.

В. ИЛЬИНЪ (В. Ленинъ).

ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦІЯ.

Ученіе марксизма о государствѣ и задачи пролетариата въ революціи.

Цѣна 2 р. 50 к.

833

ПЕТРОГРАДЪ.
1918.

Сблжка первого издания книги В. И. Ленина «Государство и революция». 1918 год.

изм, ее государственное творчество, установил, что она была первой попыткой пролетарской революции разбить государственную машину буржуазии и заменить ее новым типом государства. В этом плане Маркс и анализировал недостатки и ошибки Парижской коммуны, в частности и в особенности — недостаточное и непоследовательное применение ею революционного насилия над буржуазией. Ревизионисты, реформисты: Бернштейн, а затем и Каутский — истолковывали опыт Парижской коммуны противоположным образом. Этот опыт, говорили они, свидетельствует о том, что переход государственной власти к пролетариату может и должен произойти в результате не слома старого государственного аппарата, а путем постепенного овладения им и приспособления его пролетариатом к целям мирного реформирования буржуазного общества в социалистическое. Не революционное насилие, а «демократические реформы» как «путь к власти» — такой «урок» извлекли из Парижской коммуны социал-соглашатели. Перед Парижской коммуной они испытывали «спасительный ужас», по словам Энгельса. В свое время трусливые германские буржуа насмерть неугаались «ужасов» и «крайностей» террора бо

Французской буржуазно-демократической революции 1789 года. Они отказались от «революции снизу» и в союзе с юнкерством, под гегемонией его, пошли путем реформ и компромиссов, «прусским путем», к капиталистическому строю.

Ленин не оставляет камня на камне от реформистских, антимарксистских, каутскианских «теорий» государства. Он разбивает вдребезги и антигосударственные концепции анархистов. Пролетариат без своего государства не может обойтись, ему необходимо свое государство, и он его создаст. Парижская коммуна была исторически первой попыткой создать государство нового типа. Советы, рожденные революцией 1905 года и с первых же дней февральской революции 1917 года созданные по всей стране, являющиеся дальнейшим развитием Парижской коммуны, — вот та конкретная политическая форма, в которой может, должно быть и будет создано в ходе социалистической революции государство нового типа, государство пролетарское, государство диктатуры пролетариата.

Таков важнейший теоретический вывод, сделанный Лениным из анализа всего мирового революционного движения, из конкретного анализа исторического развития буржуазного государства, особенно в эпоху империализма.

«Новое у Ленина состоит в этой области в том, что: а) он открыл Советскую власть, как государственную форму диктатуры пролетариата, используя для этого опыт Парижской Коммуны и русской революции; б) он раскрыл скобки в формуле диктатуры пролетариата под углом зрения проблемы о союзниках пролетариата, определив диктатуру пролетариата, как особую форму классового союза пролетариата, являющегося руководителем, с эксплуатируемыми массами непролетарских классов (крестьянства и пр.), являющимися руководимыми; в) он подчеркнул с особой силой тот факт, что диктатура пролетариата является высшим типом демократии при классовом обществе, формой пролетарской демократии, выражающей интересы большинства (эксплуатируемых), — в противовес демократии капиталистической, выражающей интересы меньшинства (эксплуататоров)»¹.

3

Историческое значение советов Ленин оценил еще в 1905 году, сразу же после их возникновения. Естественно, что его

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 170.

революционный подход к Парижской коммуне сыграл при этом особенно большую роль. В 1915 году в статье «Несколько тезисов» Ленин говорит со всей определенностью: «Советы Рабочих Депутатов и т. п. учреждения должны рассматриваться, как органы восстания, как органы революционной власти»¹. В первые же дни февральской революции Ленин, еще будучи за границей, выдвигает перед партией задачу организации советов, причем не только среди рабочих, но и в армии и в деревне. В «Искрах из далека» (написанных между 20 марта и 8 апреля по новому стилю) Ленин говорит о совете рабочих и солдатских депутатов как о «зародыше рабочего правительства». В «Апрельских тезисах» он говорит о советах как «единственно возможной форме революционного правительства» и о задачах пропаганды за «...необходимость перехода всей государственной власти к Советам Рабочих Депутатов.»².

Ленин развивает основной тезис: «Пе парламентарная республика, — возвращение к ней от С. Р. Д. было бы шагом назад, — а республика Советов Рабочих, Батрацких и Крестьянских Депутатов по всей стране, снизу доверху»³. По этому вопросу мы читаем в «Кратком курсе истории ВКП(б)» следующее: «В области политической Ленин предлагал переход от парламентарной республики к республике Советов. Это был серьезный шаг вперед в области теории и практики марксизма. До сих пор марксистские теоретики считали парламентарную республику лучшей политической формой перехода к социализму. Теперь Ленин предлагал заменить парламентарную республику республикой Советов, как наиболее целесообразной формой политической организации общества в переходный период от капитализма к социализму»⁴.

С изумительной силой исторического и теоретического анализа, со всей целеустремленностью гениального мастера революционной стратегии и тактики Ленин вновь и вновь с разных сторон, под разными углами зрения, в разных планах развивает свое учение о советах, как о конкретной форме государства нового типа — государства диктатуры пролетариата. С величайшим вниманием он следит за распространением и деятельностью советов, которые все больше подтверждают правильность его теоретического прогноза,

и черпает в них опыт для еще более глубокого, всестороннего, конкретного и практического обоснования лозунга «Вся власть советам!» Ленин разбивает одно за другим все «возражения» противников советов как формы пролетарской диктатуры и «возражения» различных фальсификаторов сущности советов.

Против лозунга диктатуры пролетариата выступают под маской «старых большевиков» презренные саботажники и штрейкбрехеры социалистической революции, впоследствии, через ряд других контрреволюционных наскоков на социализм и на пролетарское государство, дендиные до службы диверсантами и шпионами фашистских охранок, Зиновьев и Каменев. Вновь и вновь беспопально разоблачает Ленин этих противников диктатуры пролетариата, советов. Ленин вскрывает весь вред, всю реакционность анархистского отрицания государства, полуанархистских идей «взрыва» государства, пушенных в оборот Бухаринным, ставшим злейшим врагом народа, агентом фашизма.

Меньшевики и эсеры, имевшие одно время большинство в советах, стремились к тому, чтобы превратить советы в пустые парламентские говорильни, обессилить их, свести их на-нет, с тем чтобы полностью сконцентрировать власть в руках буржуазного правительства.

Ленин срывает маску с этих агентов буржуазии и кулачества; он показывает контрреволюционность их нападков на большевистскую программу превращения советов в единовластный орган пролетарского государства. На анализе конкретных условий, сложившихся в то время в стране, он иллюстрирует теоретическую и историческую правильность лозунга создания государства нового типа.

Коренные интересы трупящихся, абсолютного большинства народа: революционный выход из империалистической войны, заключение демократического мира, конфискация помещичьей земли и передача ее крестьянам, восстановление хозяйства, предупреждение грядущей катастрофы голода и разрухи, борьба против восстановления полиции, установление демократического законодательства в стране — все это невозможно осуществить старым государственным аппаратом, с его бюрократией, чиновничеством, теснейшим образом связанными с капиталом и преданными ему. Эти коренные интересы конкретно выявляют **необходимость** в новом государственном аппарате, без полиции, без буржуазно-помещичьей армии, без привилегированного и несменяемого чиновничества. С другой стороны, в лице советов восставший пролетариат

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 312.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XX, стр. 83.

³ Там же.

⁴ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 177.

создал политическую и организационную форму нового государства. Советы, и только они, в силу своей классовой сущности, в состоянии решить коренные вопросы революции.

Совершенно несостоятельной является в той или иной, открытой или прикрытой, форме пропагандировавшаяся буржуазными и мелкобуржуазными партиями и их прессой «идея» о том, что лишь бюрократический, чиновничий, независимый от народа и стоящий над народом аппарат в состоянии вести государственные дела. Советы представляют собой организацию несравненно более высокого типа по своим творческим, организационным возможностям, ибо они не стоят над большинством общества, а являются государственной организацией этого большинства. Ленин писал: «...Добросовестный, смелый, повсеместный приступ к передаче дела управления в руки пролетариев и полупролетариев даст таковой невиданный в истории революционный энтузиазм масс, умножит во столько раз народные силы по борьбе с бедствиями, что многое кажущееся невозможным для наших узких, старых, бюрократических сил, станет осуществимым для сил миллионной массы, начинающей работать на себя, а не на капиталиста, не на барчука, не на чиновника, не из-под палки»¹.

Буржуазному и мелкобуржуазному понятию о сильной государственной власти Ленин противопоставляет пролетарское, социалистическое. «Буржуазия, — писал он, — только тогда признает государство сильным, когда оно может всей мощью правительственного аппарата бросить массы туда, куда хотят буржуазные правители. Наше понятие о силе иное. По нашему представлению государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно»².

Этот ленинский принцип, развитый и углубленный в работах товарища Сталина, служит руководящим принципом повседневной деятельности партии Ленина — Сталина и нашего советского государства. Буржуазия измеряет свою государственную силу численностью и дисциплинированностью (бюрократической) своего чиновничьего административного аппарата, противопоставленного трудящимся массам, и несознательностью, забитостью, запуганностью этих масс, которым «не до политики» под гнетом капитала. Пролетарское государство усматривает свою силу в первую очередь в его тесных связях с масса-

ми, в наибольшем вовлечении масс в фактическое управление государством. В знаменитой статье «Удержат ли большевики государственную власть?», написанной до Октября, Ленин писал: «...у нас есть «чудесное средство» сразу, одним ударом удержаться на наш государственный аппарат, средство, которым ни одно капиталистическое государство никогда не располагало и располагать не может. Это чудесное дело — привлечение трудящихся, привлечение бедноты к повседневной работе управления государством»³.

Развитие советской власти в течение двадцатилетия с лишним представляет собой непрерывное применение этого «чудесного средства» — расширения участия масс в управлении государством. Не миллионы, а десятки миллионов людей вовлечены в управление государством через советы, как всеохватывающие и всеобъемлющие организации трудящихся. Сила советского государства поэтому непрерывно возрастает и будет дальше возрастать во все большей степени.

Ленинский труд «Государство и революция» является всесторонним теоретическим обоснованием программы революционного уничтожения, ломки старого государственного аппарата. Эта программа была полностью выполнена на первом этапе Великой социалистической революции.

Гениальная прозорливость, проницательность Ленина проявляются с особой силой в том, что он открыл советы как форму пролетарской диктатуры до ее установления. Его прогноз по вопросу о государстве был одновременно и научно обоснованным и в революции практически осуществленным, стратегическим и тактическим планом уничтожения старого и создания нового государства.

4

То же следует сказать и в отношении ленинского учения о диктатуре пролетариата как союзе рабочего класса и крестьянства под руководством рабочего класса. Это второй новый момент, внесенный Лениным в марксово учение о государстве. С предельной четкостью и ясностью изложил Ленин в «Государстве и революции» основные принципы этого учения. История французских революций 1848 и 1871 годов, как и печальный опыт участия мелкобуржуазных «социалистических» партий в буржуазных правительствах в XX столетии, показала со всей наглядностью, что буржуазная демократия является лишь одной из форм диктатуры буржуазии и не может стать формой перехода от власти

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 267.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 18—19.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 264—265.

буржуазии к власти пролетариата, от капитализма к социализму. «Свержение господства буржуазии возможно только со стороны пролетариата, как особого класса, экономические условия существования которого подготовляют его к такому свержению, дают ему возможность и силу совершить его». «Только пролетариат, — в силу экономической роли его в крупном производстве, — способен быть вождем всех трудящихся и эксплуатируемых масс, которые буржуазия эксплуатирует, гнетет, давит часто поменьше, а сильнее, чем пролетариев, но которые не способны к самостоятельной борьбе за свое освобождение»¹.

Рабочий класс, и только он, способен решительно, последовательно, до конца выступить против буржуазии. Только государство, созданное и руководимое рабочим классом, может осуществить революционное свержение власти буржуазии и переход от капитализма к коммунизму. В силу этого не только пролетарские, но и полупролетарские трудящиеся массы объективно заинтересованы в установлении диктатуры пролетариата. Ленин выразил это положение в следующей замечательной формуле: трудящимся нужно «государство, — то есть организованной в господствующий класс пролетариат»². Оно им нужно для успешного подавления буржуазии.

Пролетарское государство — по-новому диктаторское и по-новому демократическое государство — подавляет класс эксплуататоров, капиталистов и помещиков. Без этого невозможно преодоление того сопротивления буржуазии и ее агентов, которое неизбежно в той или иной форме, пока это сопротивление не устранено полностью и окончательно в ходе революции и социалистического строительства. Ленин учит, что «...руководить этим подавлением, провести его в жизнь в состоянии только пролетариат, как единственный до конца революционный класс, единственный класс, способный объединить всех трудящихся и эксплуатируемых в борьбе против буржуазии, в полном смещении ее»³.

Это ленинское положение блестяще оправдало себя во всем ходе нашей социалистической революции и строительстве социализма. Помещики и крупная буржуазия были разгромлены, экспроприированы на первом этапе революции. Однако они не прекратили своего сопротивле-

ния в форме саботажа, вредительства, националистически-контрреволюционных организаций. Позже последний капиталистический класс — кулачество — был ликвидирован на основе и в процессе успешной коллективизации. Однако остатки кулацких элементов не прекратили еще своего сопротивления. «Сильная и мощная диктатура пролетариата, — говорил товарищ Сталин в своем докладе Пленуму ЦК ВКП(б) в январе 1933 года, — вот что нам нужно теперь для того, чтобы развеять врах последние остатки умирающих классов и разбить их вражеские махинации»⁴.

Это указание нашего вождя имеет особое значение в нынешней обстановке, когда лишённые социальной опоры внутри страны остатки разбитых классов и их агентура избрали своим основным методом сопротивления социализму замаскированное контрреволюционное двурушничество, вредительство, шпионаж, диверсии по заданию иностранных разведок. Передовая руководящая роль рабочего класса в выявлении, выкорчевывании, уничтожении диверсантов и шпионов, где бы они ни засели, сохраняет полностью свое значение. Всесторонняя колхозное крестьянство, интеллигенция в духе непримиримости к атакам врага, к его махинациям, повышая революционную бдительность против врага, рабочий класс под руководством партии успешно выполняет эту роль.

Рабочий класс призван к руководству крестьянством и в деле преобразования общества на социалистических началах. Он, и только он, исторически подготовлен к осуществлению этого руководства. Это руководство и составляет вторую важнейшую задачу диктатуры пролетариата.

Ленин писал в «Государстве и революции», что пролетариату необходима государственная власть «...и для подавления сопротивления эксплуататоров и для **руководства** громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями в деле «налаживания» социалистического хозяйства»⁵.

Рабочий класс во главе с партией Ленина — Сталина разгромил контрреволюционный троцкизм, утверждавший, что рабочий класс не сможет повести за собой трудящееся крестьянство в деле строительства социализма, разгромил правых реставраторов капитализма, по-своему «доказывавших» невозможность повернуть крестьянство на путь социализма методами диктатуры пролетариата. Превратившись в

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 386.

² Там же, стр. 385 (разрядка моя. — М. А.).

³ Там же.

⁴ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 509.

⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 386.

авангард мировой контрреволюции и в злейших врагов народа, они перешли на службу в фашистские охранки.

Под гениальным руководством товарища Сталина рабочий класс, применив в своей борьбе положения марксизма-ленинизма о государстве, не используя всю мощь диктатуры пролетариата, построил в основном социализм в нашей стране. Союз рабочего класса и крестьянства сильно окреп и закалился в борьбе за социализм. Рабочий класс основательно сам изменился в процессе социалистической перестройки общества. «...Рабочий класс СССР это — совершенно новый, освобожденный от эксплуатации, рабочий класс, подобного которому не знала еще история человечества»¹. Его силы и способности к руководству крестьянством выросли в огромной степени. Коренным образом изменилось крестьянство. «...Советское крестьянство — это совершенно новое крестьянство, подобного которому еще не знала история человечества»². Способности и возможности этого крестьянства к восприятию руководства рабочего класса, к восприятию и осуществлению идей социализма, к развитию массового народного творчества и героизма в области хозяйства, культуры, быта на основе социалистического, колхозного строя выросли в огромной степени. Наше государство — социалистическое государство рабочих и крестьян. Возросшая мощь государства знаменует собой расширение базы диктатуры рабочего класса как системы государственного руководства всем советским народом и дальнейшее усиление этой диктатуры.

Отсюда ясно великое значение развитого Лениным в «Государстве и революции» учения о руководстве со стороны рабочего класса крестьянством, всеми трудящимися.

5

Учение о пролетарской демократии как высшем типе демократии, как демократии социалистической, всесторонне обосновано в «Государстве и революции». В нынешних условиях развернутого социалистического демократизма, ярко выраженного в Сталинской Конституции, эта сторона «Государства и революции» особенно актуальна.

Уже Парижская коммуна, говорит Ленин, показала образец такого полного демократизма, который выходит за рамки буржуазного общества, ибо в нем он невозможен. «Здесь наблюдается как раз один из случаев «превращения количества

в качество»: демократия, проведенная с такой наибольшей полнотой и последовательностью, с какой это вообще мыслимо, превращается из буржуазной демократии в пролетарскую...»³.

Демократия для народа, для большинства, может быть осуществлена только с переходом государственной власти к пролетариату. При социализме «...впервые в истории цивилизованных обществ масса населения поднимается до самостоятельного участия не только в голосованных и выборах, но и в повседневном управлении»⁴. При социализме впервые создаются реальные условия для подлинного демократизма. В чем они заключаются?

В условиях капитализма демократия является демократией для эксплуататоров, для богатых. Что касается трудящихся, рабочих, то «современные наемные рабы, в силу условий капиталистической эксплуатации, остаются настолько задавленными нуждой и нищетой, что им «не до демократии», «не до политики», что при обычном, мирном течении событий большинство населения от участия в общественно-политической жизни отстранено»⁵.

Уничтожив капиталистическую собственность и эксплуатацию, предоставив в распоряжение трудящихся материальные и культурные средства для активной общественной, политической жизни (помещения для клубов, типографии, бумагу, денежные средства и пр.), привлекая массы к активному участию в хозяйственном и культурном строительстве, пролетарское государство реально осуществляет демократию. Ленин писал: «...Социализм сократит рабочий день, поднимет массы к новой жизни, поставит большинство населения в условия, позволяющие всем без изъятия выполнять «государственные функции»...»⁶. С другой стороны, самое построение и функционирование государственных органов только при социализме могут быть демократизированы по-настоящему. Используя опыт Парижской коммуны, Ленин особенно подчеркивает, неоднократно и с разных сторон подходя к этому вопросу, следующие принципы социалистического демократизма.

Во-первых, уничтожение старого, бюрократического аппарата и неуклонная борьба с бюрократизмом в новом государственном аппарате. Пролетарский демократизм, говорит Ленин, «...сразу примет меры, чтобы в корне порезать бюрократизм...», он будет проводить «...эти меры до конца, до полного уничтожения бюрократизма, до

¹ И. Сталин «Доклад о проекте Конституции Союза ССР», стр. 13. Партиздат. 1936.

² Там же, стр. 14.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 398.

⁴ Там же, стр. 452.

⁵ Там же, стр. 429.

⁶ Там же, стр. 452.

полного введения демократии для народа»¹.

Этот принцип борьбы с бюрократизмом действительно вошел в плоть и кровь нашей советской демократии: борьбе с бюрократизмом у нас уделялось и сейчас уделяется огромное внимание, как пережитку прошлого, как явлению, враждебному и чуждому пролетарской демократии.

Далее, выборность и особенно сменяемость должностных лиц в любое время (право отзыва) и сведение их жалования к «обычной заработной плате рабочего». В нашей нынешней избирательной системе, установленной Сталинской Конституцией, ленинское указание о выборности выполнено особенно полно и развернуто. Всем наглядно видно, что наше самое демократическое в мире избирательное право, введенное Сталинской Конституцией, сыграло громадную роль в дальнейшей демократизации наших советских государственных органов. Выборность у нас поднимается теперь на небывалую высоту, причем не только в государственных, но также и в партийных, профсоюзных, комсомольских и иных наших общественных организациях.

Наконец, вопрос о банкротстве буржуазного парламентаризма, о превращении представительных учреждений в говорильни и в ширмы для обмана масс и о необходимости для пролетариата представительных учреждений принципиально другого типа. Вспомним замечательно меткие слова Ленина, звучащие со всей силой и в современных условиях: «Посмотрите на любую парламентскую страну, от Америки до Швейцарии, от Франции до Англии, Норвегии и проч.: настоящую «государственную» работу делают за кулисами и выполняют департаменты, канцелярии, штабы. В парламентах только болтают со специальной целью надувать «простонародье»².

Пролетарскому государству по его природе чужды такие «представительные» органы. Состав советов и работа, выполняемая его членами, таковы, что не может быть разрыва ни между государственными органами и широкими народными массами, ни между государственной работой и представительными органами. Привилегированное положение парламентариев, депутатов, лишь произносящих или слушающих речи, не обязывающие их к делам, устранено. Ленин говорит: «...Парламентарии должны сами работать, сами исполнять свои законы, сами проверять то, что получается в жизни, сами отвечать непосредственно перед своими избирателями».

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 447.

² Там же, стр. 401.

Выборные советские органы всегда были построены в соответствии с этим принципом. Нашей государственной системе чуждо так называемое «разделение властей» буржуазного парламентаризма. Изменение, внесенное Сталинской Конституцией в построение высших органов власти и органов управления, заключается в дальнейшей демократизации этих органов: прямые выборы и равное число депутатов обеих палат Верховного Совета СССР, более частые и длительные сессии Верховного Совета СССР по сравнению с сессиями ЦИК СССР и, наконец, предоставление права издавать законы исключительно Верховному Совету СССР. Последний момент отражает рост значения нашего закона как воплощения верховной воли трудящихся всего СССР, нашу политику укрепления стабильности законов. Это не только не ослабляет, а, наоборот, усиливает значение нашего советского парламента — Верховного Совета СССР — как учреждения работающего.

Верховный Совет СССР, имея исключительное право на законодательство, является, как высший орган всей государственной власти СССР, не только законодательным органом, а осуществляет и другие функции высшей власти (согласно 31, 49 и 51-й статьям Конституции СССР). Ясное дело, что ни по существу, ни по форме наш советский парламент ничего общего с буржуазными парламентами не имеет.

Сталинская Конституция реализует на новой, более высокой чем раньше, до конца демократической основе принципиальные установки «Государства и революции». В Сталинской Конституции осуществлен великий принцип нашей демократии: «Развитие демократии до конца, изыскание форм такого развития, испытание их практикой и т. д. — все это есть одна из составных задач борьбы за социальную революцию»³.

В победившем социализме, в несокрушимой силе диктатуры рабочего класса, в расцвете советской демократии, в бурном подъеме творческих сил нашего народа воплотилось бессмертное творение великого Ленина.

6

Обсуждая задачи и пути создания пролетарского государства в процессе социалистической революции, Ленин намечает также перспективы развития этого государства на различных этапах перехода от капитализма к коммунизму. Чтобы подчеркнуть сложность, диалектический характер развития социалистического государства, Ленин останавливается на наибо-

³ Там же, стр. 423.

лее существенных различиях в деятельности государства в первую (нижнюю) и вторую (высшую) фазы коммунизма. В этой связи он специально касается исключительно интересного вопроса о так называемом «буржуазном праве» при социализме. Разрешение этого вопроса Лениным, как и в свое время Марксом (в «Критике Готской программы»), дает нам блестящий образец марксистско-ленинской, материалистической диалектики, вскрывающей с предельной глубиной диалектическую противоречивость общественных явлений.

В каком смысле Маркс и Ленин говорят о «буржуазном праве» на низшей фазе коммунизма? «Буржуазное право», говорят они, остается лишь как формальный регулятор, определитель¹ распределения труда и распределения продуктов между членами общества по принципу: «за равное количество труда равное количество продукта». Но что понимать под этим «буржуазным правом»? Что «буржуазного» в этом принципе? На этот вопрос мы находим у Маркса и Ленина точный и ясный ответ: «буржуазность» права состоит в том, что в обществе нет еще равенства и справедливости в коммунистическом смысле. Нет еще распределения по потребностям. Здесь еще то «равное право», которое предполагает неравенство: «...Отдельные люди не равны, один сильнее, другой слабее; один женат, другой нет, у одного больше детей, у другого меньше, и т. д.»². В этом «равном праве» нет ничего буржуазного ни по существу, ни по форме. При буржуазном строе такого права в распределении продуктов нет и не может быть, ибо это распределение продуктов социалистическое.

Маркс говорит совершенно ясно: «содержание и форма здесь изменились...»³ по сравнению с обменом равноценностей при товарообмене. Ленин конкретно разъясняет, о чем идет речь: «Кто не работает, тот не должен есть», этот социалистический принцип уже осуществлен; «за равное количество труда равное количество продукта» — и этот социалистический принцип уже осуществлен (заметим, что Ленин подчеркивает: «уже». — М. А.). Однако, это еще не коммунизм, и это еще не устраняет «буржуазного права», которое неравным людям за неравное (фактически неравное) количество труда дает равное количество продукта»⁴. Ясно, что это «равное право»

названо буржуазным вовсе не потому, что при буржуазном строе существовало или могло существовать такое право в виде, скажем, каких-нибудь правовых институтов. Ни по существу, ни по форме такого «равного права» при буржуазии нет и не может быть. Это «равное право» социалистично (социализм — низшая фаза коммунизма) и по содержанию и по форме. Для его осуществления требуется уничтожение капитализма, капиталистического государства и права в частности. Приведем замечательную формулу товарища Сталина по вопросу о равенстве: «Под равенством марксизм понимает не уравниловку в области личных потребностей и быта, а уничтожение классов, т. е. а) равное освобождение всех трудящихся от эксплуатации после того, как капиталисты свергнуты и экспропрированы, б) равную отмену для всех частной собственности на средства производства после того, как они переданы в собственность всего общества, в) равную обязанность всех трудиться по своим способностям и равное право всех трудящихся получать за это по их труду (социалистическое общество), г) равную обязанность всех трудиться по своим способностям и равное право всех трудящихся получать за это по их потребностям (коммунистическое общество)»⁵.

Совершенно ясно, что право при социализме (на низшей фазе коммунизма), имея своей задачей внедрять, отстаивать, защищать социалистический принцип распределения по труду от покушений на этот принцип со стороны расхитителей социалистической собственности, вредителей, бюрократов, рвачей и по содержанию и по форме противоположно буржуазному праву, закрепляющему капиталистический способ производства и распределения, т. е. эксплуатацию трудящихся.

«Буржуазное право» на низшей фазе коммунизма заключается в том, что «равное право» в распределении продуктов регулируется по принципу обмена равноценностей, который господствует в товарообмене, достигающем своей исторически полной и развитой формы в буржуазном обществе. Этот принцип, таким образом, во-первых, «буржуазен» по своему «социальному происхождению», во-вторых, он является следствием того, что социалистическое общество, только что вышедшее из буржуазного общества, носит на себе еще некоторые его отпечатки, не в состоянии сразу установить коммунистический принцип распределения по потребностям,

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 435.

² Там же, стр. 434.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XV, стр. 274 (разрядка моя. — М. А.).

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 435.

⁵ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 583.

не в состоянии сразу преодолеть «узкий горизонт буржуазного права»¹.

Говоря о «буржуазном праве», Маркс подчеркивает этим всю противоположность капитализма и коммунизма, подчеркивает диалектичность, сложность пути перехода от первого ко второму. Он подчеркивает необходимость строго научного, т. е. диалектико-материалистического, анализа процесса и этапов этого перехода, решительно отбрасывая какое бы то ни было субъективное морализирование о «праве» вообще и «справедливости» вообще. Маркс здесь заострил свою критику против мелкобуржуазного, мещанского представления о социализме как продукте реформ при капитализме, которое распространялось, в частности, в форме ласальянства. Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин подчеркивают всю пошлость мещанского идеала уравниловки. Они показывают величие коммунистического разрешения вопроса о равенстве, оставляющего за собой далеко позади «узкие горизонты буржуазного права».

Они научно обосновали переход к прекрасному коммунистическому общественному строю, при котором труд полностью становится естественной потребностью всякого члена общества, а все продукты и предметы, произведенные в обществе, будут удовлетворять потребности членов общества безотносительно к тому, сколько и какого труда каждый из них, соответственно своим способностям, вложил в общественное производство.

Современная полоса нашего развития есть полоса завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму. Постепенный переход к коммунизму, постепенное введение и расширение распределения по потребностям, будет означать собой постепенное и неуклонное изживание всех остатков так называемого «буржуазного права», полное и окончательное преодоление его «узкого горизонта». Советское социалистическое государство и право являются решающим орудием в практическом осуществлении этого перехода. Отсюда задача всемерного усиления социалистического государства и права на протяжении всего предстоящего исторического пути, до победы коммунизма в решающих капиталистических странах, до ликвидации внешнекапиталистического окружения.

7

Владимиру Ильичу не удалось («...помешал» политический кризис, канун Октябрьской революции...»², — писал Ленин)

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XV, стр. 275.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 455.

дописать «Государство и революцию». Глава VII — «Опыт русских революций 1905 и 1917 гг.» — должна была содержать в себе специальное и развернутое обобщение опыта советов 1905 и 1917 годов. Но эта глава не была написана.

В своем всемирноисторическом докладе на XVIII съезде партии товарищ Сталин внесал новую главу в учение о социалистическом государстве, установив неизбежность и необходимость государства и на высшей фазе коммунизма, при условии если сохранится капиталистическое окружение.

Товарищ Сталин объяснил ислерывающим образом, почему Маркс и Энгельс не ставили вопроса о развитии социалистического государства в капиталистическом окружении. Товарищ Сталин объяснил также, почему в «Государстве и революции» Ленин не разработал вопрос о государстве при коммунизме в условиях капиталистического окружения. «Ленин написал свою знаменитую книгу «Государство и революция», — говорил товарищ Сталин на XVIII съезде партии, — в августе 1917 года, т. е. за несколько месяцев до Октябрьской революции и создания Советского государства. Главную задачу этой книги Ленин видел в защите учения Маркса и Энгельса о государстве от искажения и оплошания со стороны оппортунистов. Ленин собирался написать вторую часть «Государства и революции», где он рассчитывал подвести главные итоги опыта русских революций 1905-го и 1917-го года. Не может быть сомнения, что Ленин имел в виду во второй части своей книги разработать и развить дальше теорию государства, опираясь на опыт существования Советской власти в нашей стране. Но смерть помешала ему выполнить эту задачу. Но чего не успел сделать Ленин, должны сделать его ученики»³.

То, чего не успел сделать Ленин, сделал товарищ Сталин, давший своими трудами о государстве продолжение и завершение ленинского труда «Государство и революция».

Новый вклад в сокровищницу марксистско-ленинизма, сделанный товарищем Сталиным по вопросу о социалистическом государстве, имеет громадное значение для всей нашей дальнейшей борьбы. Именно «на почве недоработанности и недостаточности некоторых основных положений учения марксизма о государстве», как указал товарищ Сталин на XVIII съезде ВКП(б), возникла переоценка силы и значения механизма окружающих нас буржуазных государств, а также

³ И. Сталин. Отчетный доклад на XVIII съезде ВКП(б), стр. 54—55.

и переоценка роли и значения механизма нашего социалистического государства.

Более чем двадцатилетняя история буржуазного государства в условиях обостренного войной и Октябрьской революцией общего кризиса капитализма означена на растущей концентрации всей власти в руках клик финансового капитала, усилением политического гнета и террора против трудящихся, против революционного движения внутри каждой страны и усиленным агрессии на международной арене. Эволюция эта получила наиболее яркое выражение в приходе к власти фашизма в ряде стран и в возникновении второй империалистической войны. Все это двадцатилетнее развитие подтвердило слова Ленина о том, что «формы буржуазных государств чрезвычайно разнообразны, но суть их одна: — все эти государства являются так или иначе, но в последнем счете обязательно диктатурой буржуазии»¹.

За двадцать с лишним лет после Октябрьской революции наше советское государство (с моментом возникновения которого совпадает работа Ленина «Государстве и революции») — государство в основе своей совершенно нового типа — прошло в своем развитии две главные фазы. Функция военного подавления свергнутых классов внутри страны, которая в первой фазе развития была первой из двух основных функций советского государства, отмерла в результате полной ликвидации эксплуататорских классов и победы социализма, и вместо нее возникла функция охраны социалистической собственности. В условиях капиталистического окружения борьба за переход от социализма к коммунизму обусловила сохранение в полной мере функции военной защиты страны от нападения извне. Как основная задача в период перехода от социализма к коммунизму партией Ленина — Сталина выдвинута мирная хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная работа. Руководящая роль рабочего класса в социалистическом государстве как самого передового класса нашего общества не только не уменьшается, но возрастает, пока имеются капиталистическое окружение и его агентура внутри нашей страны. Вместе с тем карательные органы и разведка советского государства, как и наша Красная Армия, обращены своим острием уже не во внутрь страны, а во вне ее, против внешних врагов. Несмотря на эти изменения форм нашего государства в процессе развития его эволюция полностью подтвердила слова Ленина: «Переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать гро-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 393.

матного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: диктатура пролетариата»².

Товарищ Сталин не только помог партии и всему мировому коммунистическому движению осмыслить и обобщить с научных позиций диалектического материализма двадцатилетний путь социалистического государства, первого в истории человечества, но и указал перспективы его дальнейшего развития:

«Как видите, мы имеем теперь совершенно новое, социалистическое государство, невиданное еще в истории и значительно отличающееся по своей форме и функциям от социалистического государства первой фазы.

Но развитие не может остановиться на этом. Мы идем дальше, вперед к коммунизму»³.

Перспективы нашей борьбы за победу коммунизма в нашей стране и за его торжество во всем мире неразрывно связаны с дальнейшей судьбой нашего социалистического государства.

На основной вопрос, сохранится ли у нас государство также и в период коммунизма, товарищ Сталин, исходя из оценки всего предыдущего опыта, дал предельно четкий ответ:

«Да, сохранится, если не будет ликвидировано капиталистическое окружение, если не будет уничтожена опасность военных нападений извне. При этом понятно, что формы нашего государства вновь будут изменены, соответственно с изменением внутренней и внешней обстановки.

Нет, не сохранится и отомрет, если капиталистическое окружение будет ликвидировано, если оно будет заменено окружением социалистическим»⁴.

Ленин в «Государстве и революции» восстановил учение марксизма о государстве и, обобщив опыт развития государства в империалистическую эпоху, дал развернутую программу социалистической революции в России и в других странах.

Товарищ Сталин, научно обосновав необходимость сохранения и укрепления нашего социалистического государства при коммунизме в условиях капиталистического окружения, поднял марксистско-ленинское учение о государстве на новую, высшую ступень и мобилизовал рабочий класс СССР и всех стран на дальнейшую борьбу за коммунизм.

² Там же, стр. 393.

³ И. Сталин. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 58.

⁴ Там же.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДЪЕМ В РОССИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

«В годы нового революционного подъема (1912—1914) партия большевиков возглавила рабочее движение и вела его под большевистскими лозунгами к новой революции» («Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 153).

1

Промышленный кризис и застой периода первой русской революции и годов реакции сменились в 1911—1913 годах новым промышленным подъемом.

Вылавка чугуна, составлявшая в 1910 году 186 миллионов пудов, в 1913 году поднялась до 283 миллионов пудов. Добыча каменного угля с 1526 миллионов пудов в 1910 году возросла до 2200 миллионов пудов в 1913 году. Железнодорожная сеть, насчитывавшая в 1910 году 6700 квадратных миль, в 1914 году равнялась 73 тысячам квадратных миль. Прилив иностранного капитала в русскую промышленность в 1909 году определялся суммой в 840 миллионов рублей, а в 1914 году — в 1322 миллиона рублей. Рост внешней торговли показывает следующие цифры: импорт в 1910 году — 1084,4 миллиона рублей, в 1913 году — 1384 миллиона рублей, экспорт в 1910 году — 1449,1 миллиона рублей, а в 1913 году — 1520,1 миллиона рублей. Количество банков в России с 177 в 1910 году увеличилось до 518 в 1914 году.

Значительно выросла роль банковского капитала и акционерных обществ. «Капитализм в России все больше становится монополистическим, империалистическим капитализмом»¹.

Но все же царская Россия продолжала оставаться отсталой страной по сравнению с западноевропейскими капиталистическими странами. «Россия, — говорил Ленин, — остается невероятно, невиданно отсталой страной, нищей и полудикой, оборудованной современными орудиями производства вчетверо хуже Англии, вдесятеро хуже Германии, вдесятеро хуже Америки»².

Подъем промышленности способствовал численному увеличению пролетариата и был одним из условий подъема рабочего

движения. Вместе с тем усилившееся наступление буржуазии на рабочий класс принимало более систематический характер и все более острые формы.

Начало оживления рабочего движения Ленин и Сталин датировали 1911 годом, а самый подъем революционного движения относили к периоду с 1912 по 1914 год.

«Торжество столыпинской реакции оказалось недолговечным. Не могло быть прочным правительство, которое не хотело дать народу ничего, кроме кнута и виселиц. Репрессии стали столь обычными, что они перестали пугать парол. Стала исчезать усталость рабочих, навеянная в первые годы поражения революции. Рабочие вновь стали подыматься на борьбу»³.

Ленин и Сталин — эти непревзойденные мастера материалистической диалектики — считали, что коренные вопросы революции 1905 года остались неразрешенными. Те причины, которые вызвали революцию 1905 года, продолжали действовать, делая неизбежной новую революцию. Борьба трудящихся масс под руководством рабочего класса, во главе с большевистской партией продолжалась. Революция в России не умерла: «Там, где голодают миллионы крестьян, а рабочих расстреливают за забастовку, — там революция будет жить, пока не сотрется с лица земли позор человечества — русский царизм»⁴, — писал товарищ Сталин.

Три политические силы, по словам Ленина, боролись в России накануне империалистической войны: лагерь реакции, уже бессильный сопротивляться революции, лагерь либеральный, больше всего боявшийся революции, и лагерь революционный, отражающий интересы всех угнетенных и переходивший в наступление.

В 1912 году в статье «Как они готовятся к выборам» товарищ Сталин группировал политические партии в России по следующим категориям. К контрреволюционным партиям он причисляет крайних правых, националистов и октябристов. Все они поддерживали царское правительство.

¹ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 95.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XVI, стр. 543.

³ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 140.

⁴ Газета «Правда» № 120 от 1 мая 1936 года.

К либерально-буржуазным партиям товарищ Сталин относил кадетов, мирнообновленцев и прогрессистов, которые поддерживали контрреволюционные партии, т. е., по существу, тоже поддерживали царизм. К мелкобуржуазным партиям Сталин относил меньшевиков, эсеров, трудовиков и др., указывая на то, что все они поддерживали кадетов, т. е., по существу, капиталистов. Все буржуазные и мелкобуржуазные партии выступали против рабочих, против стачечного движения, против всякой подлинно революционной борьбы.

Революционная социал-демократия (большевики) была единственной защитницей пролетариата. Все остальные партии — враги рабочего класса.

В работе «Маевка революционного пролетариата» в 1913 году Владимир Ильич, характеризуя подъем рабочего движения, излагая необходимые предпосылки революции, констатирует наличие революционного кризиса в России. «Для революции недостаточно того, чтобы и з в и ж е х о т е л и жить как прежде. Для нее требуется еще, чтобы в е р х и н е м о г л и хозяйничать и управлять как прежде»¹. Именно этот закон, говорил Ленин, мы видим теперь в действии в России. Политический кризис назревает у всех на глазах. Политический кризис в России становится общенациональным. Он есть факт, он palpable. «Это — кризис такой, который касается именно о с н о в государственного устройства... касается ф у н д а м е н т а здания»².

Статьи Ленина — «Избирательная платформа РСДРП», «Революционный подъем», «Маевка революционного пролетариата», «Резолюция Пражской конференции РСДРП» и работы товарища Сталина — «Первомайская листовка 1912 года», «Новая полоса», «Тронулась!..» — являлись программными документами партии в период нового революционного подъема в России и дали большевикам конкретные установки в их борьбе за вторую революцию.

В этих работах Ленин и Сталин неоднократно подчеркивали огромное значение политической стачки рабочих для выведения всех трудящихся из состояния пассивного недовольства и превращения их в активных борцов. Ленин писал: «В рабской, азиатской, царской России, которая подходит к следующей буржуазно-демократической революции, политическая стачка есть единственное серьезное средство расшевелить, раскачать, взбудоражить, под-

нять на революционную борьбу крестьянство и лучшую часть крестьянского войска»³.

Раскачать и поднять народы России на борьбу с царизмом, за новую революцию было актуальной задачей текущего момента. Массовая революционная политическая стачка была одним из средств для осуществления этой задачи.

Уже недавние события показали, что в рабочем классе накопилась огромная революционная энергия.

Политические стачки рабочих имели общенациональное значение. Рабочие вели борьбу за свержение самодержавия.

В «Первомайской листовке 1912 года», написанной товарищем Сталиным, говорилось, что «все шире разливается океан рабочего движения... высокими волнами вздымается море пролетарского гнева и все грознее наступает на колеблющиеся твердьны капитализма»⁴.

Начавшийся революционный подъем налагал особенно большую ответственность на большевистскую партию. Надо было добиться, чтобы рабочий класс, трудящиеся массы, боролся полностью под знаменем революционной социал-демократии, под нашими лозунгами, чтобы лозунги Пражской конференции стали лозунгами народной революции.

По вопросу о массовой политической стачке большевики вели упорную борьбу с меньшевиками-ликвидаторами, презрительно называвшими стачечное движение «стачечным азартом» и стремившимися подменить это движение борьбой за отдельные частичные требования, в первую очередь за «свободу коалиций». «Ликвидаторы теперь ведут атаку против революционных стачек. Докатились»⁵, — писал Ленин, квалифицируя позицию ликвидаторов как измену рабочему классу, как переход на сторону буржуазии.

2

Размеры стачечного движения в России накануне мировой империалистической войны указывали на громадный запас революционной энергии масс. В январе 1913 года Ленин писал: «...начало революционного подъема неизмеримо выше теперь, чем было перед первой революцией. Следовательно, грядущая вторая революция обнаруживает уже теперь гораздо больший запас революционной энергии в пролетариате»⁶.

³ Там же, стр. 243.

⁴ В. И. Ленин и И. В. Сталин «О ленинских событиях», стр. 35, 1937.

⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIX, стр. 31.

⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. XVI, стр. 240.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XVI, стр. 457.

² Там же.

Особенно широкой волной прокатились по стране массовые революционные политические стачки, демонстрации и митинги в связи с годовщиной 9 января — «кровавого воскресенья», — второй годовщиной зверского расстрела рабочих на Лене в 1912 году, празднованием 1 Мая, известной всеобщей бакинской стачкой и июльскими событиями в Петербурге, когда дело дошло до постройки баррикад. Широким забастовочным движением ответил также пролетариат на массовое отравление рабочих ряда петербургских предприятий в 1914 году, на исключение социал-демократических депутатов из IV государственной думы на 15 заседаний, на гонения царизма на рабочую печать, профсоюзы, страховые кассы и культурно-просветительные общества.

Все эти забастовки от января до июля проходили под большевистскими лозунгами и были направлены против самодержавия, против буржуазии. Это были предвестники новой революции в России, подготовленной Лениным и Сталиным, подготовленной большевистской партией.

Январские политические стачки и демонстрации, прокатившиеся по всей царской России в связи с годовщиной «кровавого воскресенья» в 1905 году, охватили 250 тысяч рабочих, из которых 140 тысяч были рабочими Петербурга.

Организующим началом в выступлениях пролетариата России в январские дни 1914 года послужили статьи Ленина и Сталина в большевистской газете «Правда» и листовки ЦК РСДРП и местных партийных организаций к рабочему классу, посвященные январским событиям 1905 года.

В листовке ЦК большевистской партии, призывавшей рабочих к политической забастовке в день 9 января, было написано:

«Кипит, не умолкая, великая борьба за освобождение. Близится новая революция. Товарищи! Пусть 9 января 1914 г. не работает ни один рабочий. Это день протеста, это день борьбы, это день подсчета наших сил, 9 января 1914 г. должна начаться политическая стачка уже не в одном Петербурге. Движение должно становиться всероссийским. Всяду, где живет и борется русский рабочий, 9 января должно разноситься: Долой монархию Романовых! Да здравствует демократическая республика! 8-ми часовой рабочий день! Конфискация помещичьих земель! Устраняйте 9 января однодневную стачку, митинги, демонстрации!»¹.

¹ «Центральный Комитет РСДРП. Памятники агитационной литературы». Т. VI. Вып. 1-й, стр. 2. 1914.

Еще 8 января 1914 года, вечером, после работы, на многих предприятиях Петербурга состоялись митинги, на которых выступали большевистские ораторы. Рабочие принимали на этих митингах резолюции об организации 9 января однодневной забастовки против самодержавия.

9 января, с утра, рабочие большинства заводов Петербурга начали собираться по предприятиям, по районам Петербурга с революционными песнями. Рабочие пели «Марсельезу», похоронные марши и «Вечную память». К рабочим-демонстрантам присоединялись и другие слои трудящегося Петербурга.

Наибольшую активность в борьбе против самодержавия проявили рабочие Путиловского завода (ныне завод имени Кирова). Несмотря на то что полиция, получившая сведения о подготовке забастовки, мобилизовала все свои силы, рабочим 8 января, после работы, удалось провести митинг на заводе (они заранее потушили огни фонарей и обманули таким образом бдительность полиции). 9 января рабочие пришли на завод, но к работе не приступили и, выстроившись в мощную колонну, пошли во главе революционного петербургского пролетариата.

В Москве январские дни прошли также под революционными лозунгами большевистской партии, данными «Пролетарской правдой» и листовками ЦК РСДРП большевиков. В Москве 9 января бастовало 9 тысяч рабочих.

В Риге 9 января 1914 года бастовали рабочие почти на всех предприятиях. Общее число бастовавших рабочих достигло 80 тысяч. Бастовали рабочие на Украине: в Харькове, Николаеве, Одессе, Киеве, — где особенно активную роль играли рабочие Южнорусского машиностроительного завода. Почти во всех городах России на улицах демонстранты встречали царских опричников: пешую и конную полицию, городовых. В некоторых городах против демонстрантов полиция, жандармерия и солдаты пустили в ход оружие.

Царизм и буржуазия боролись против стачек и стачечников массовыми арестами, тюремным заключением, наложением штрафов на забастовщиков. Особенно жестоко преследовались «зачинщики».

Политические стачки в январе 1914 года являлись иллюстрацией подъема рабочего движения на новую, высшую ступень.

* * *

Традиции революционной политической стачки были настолько живы, а политическая атмосфера была настолько накалена, что каждое общественное явление в царской России вызывало живой отклик

со стороны борющегося пролетариата. В феврале 1914 года проведены были рабочими новые политические стачки в связи с годовщиной «освобождения» крестьян в России (19 февраля 1861 года).

Особенно крупная стачка была проведена на Путиловском заводе, где 19 февраля смена рабочих в 8783 человека прекратила работу; на судостроительной верфи того же завода забастовали в этот день 4 тысячи рабочих.

В феврале 1914 года исполнилось 100 лет со дня рождения великого украинского народного поэта Т. Г. Шевченко. Царское правительство отметило «память одного из величайших народных поэтов запретительным циркуляром», как писала большевистская газета «Путь правды» от 18 февраля 1914 года.

Запрещение царским правительством чествования памяти Шевченко вызвало глубокое недовольство рабочего класса и трудящихся масс царской России.

«Запрещение чествования Шевченко было такой превосходной, великолепной, на редкость счастливой и удачной мерой с точки зрения агитации против правительства, что лучшей агитации и представить себе нельзя... — писал Ленин. — После этой меры миллионы и миллионы «обывателей» стали превращаться в сознательных граждан и убеждаться в правильности того изречения, что Россия есть «тюрьма народов»¹.

Большевистская фракция IV государственной думы внесла в Думу запрос правительству о причинах запрещения чествовать память великого народного поэта Украины.

Киевская организация РСДРП выпустила специальную прокламацию, посвященную столетней годовщине со дня рождения великого народного поэта Шевченко. В этой прокламации большевики призывали рабочий класс и трудящиеся массы чествовать великого народного поэта, трибуна, демократа.

В Киеве, Петербурге, Харькове и в других городах России в честь столетнего юбилея Шевченко были проведены стачки и демонстрации, причем в некоторых местах произошли столкновения рабочих с полицией. Во многих городах были произведены аресты участников демонстраций. В феврале 1914 года по всей России бастовало, по неполным данным, свыше 30 тысяч рабочих.

Стачечная борьба в России еще шире развернулась в марте 1914 года. Мартовские стачки были связаны с массовыми отравлениями работниц на фабрике «Треугольник», где применялась новая мазь,

выделявшая ядовитые газы. От отравления пострадало около 200 человек. Через два дня на «Треугольнике» повторилось массовое отравление работниц. На следующий день случаи массового отравления рабочих имели место на фабрике Боданова, где 20 человек тяжело пострадали и были направлены в больницу.

Это массовое отравление на ряде предприятий Петербурга вызвало стачку 115 тысяч рабочих и ряд демонстраций.

Петербургский комитет большевиков организовал и возглавил борьбу рабочих «Треугольника». С этой целью он выпустил специальную прокламацию к рабочим фабрики с призывом организовать забастовку. Рабочие и работницы «Треугольника» живо откликнулись на призыв большевиков и прекратили работу.

В ответ на забастовку рабочих администрация «Треугольника» в особом объявлении угрожала, что «если наблюдаемые на заводе 12, 13 и 14-го числа явления не прекратятся, то заводоуправление будет вынуждено закрыть завод на неопределенное время».

Но угрозы еще больше озлобили рабочих. Забастовки продолжались. Начались забастовки солидарности с рабочими «Треугольника». Почти по всем районам Петербурга появлялись группы демонстрантов-стачечников с революционными песнями. В Выборгском, Нарвском, Московском, Лесном районах, на Невском и Большом Сампсониевском проспектах, Васильевском острове, Петербургском шоссе и в других местах Петербурга происходили в эти дни бурные упорные стачки и демонстрации, направленные против царизма, против черносотенной Думы, против капиталистов.

Стачки солидарности с петербургским пролетариатом происходили и в других городах России. В Риге, например, была проведена политическая забастовка в знак протеста против массовых отравлений рабочих на фабриках «Треугольник» и «Проводник». Бастовало свыше 66 тысяч человек. В Москве на 33 предприятиях бастовало около 7 тысяч рабочих. Участники стачки устраивали демонстрации протеста.

С огромной силой развернулась борьба пролетариата России, особенно во второй половине марта 1914 года.

Начал, как обычно, Путиловский завод. Его поддерживали Балтийский и другие заводы. 19 марта забастовки возобновились. Снева забастовали 121 092 рабочих. Забастовки длились с 17 по 20 марта и охватили 156 030 рабочих.

Фабриканты и заводчики начали контр-наступление против рабочих, ответив на стачки локаутами. 19 марта состоялось совещание Петербургского общества заводчиков и фабрикантов, на котором было ре-

¹ В. И. Ленин, Соч. Т. XVII, стр. 324, 325.

удно закрыть крупнейшие предприятия в Петербурге на 3—4 дня. Капиталисты путем локаутов обрекали десятки тысяч рабочих на голодную смерть. Локауты в России поддерживались наречим правительством. 20 марта было закрыто 26 фабрик и заводов.

В марте 1914 года в Петербурге в один день было рассчитано 70 тысяч рабочих¹. Капиталисты условились на один день забастовки ответить двумя неделями локаута, на два дня — месяцем.

Ленин говорил, что локауты — такое же необходимое и неизбежное явление в капиталистическом обществе, как и стачки рабочих. Локауты предпринимателей вызываются обострением классовой борьбы и в свою очередь обостряют ее².

В ответ на локауты капиталистов рабочие Нарвского района обратились к большевистской фракции IV государственной думы со следующим требованием: «В локауте мы видим провокационный вызов общества фабрикантов и заводчиков, чтобы вынудить рабочих к решительному отстаиванию своих элементарных прав, а потому мы обращаемся ко всем рабочим-депутатам Российской социал-демократической фракции, чтобы они запросили с трибуны министра торговли и промышленности и дали ответ рабочим в трехдневный срок»³.

Большевистская фракция Думы внесла, как требовали рабочие, запрос в Думу, выступив с резким протестом против эксплуатации и угнетения рабочих, против локаутов, применяемых капиталистами в борьбе с рабочими.

«Рабочие прекрасно понимают, кто их враги, — говорил с трибуны Думы депутат-большевик товарищ Бадаев. — Когда рабочие на фабрике «Треугольник», напугавшись отравления, выбегают за ворота, а их там встречают нагайками и гонят обратно, — вот уже тут для рабочих слишком понятна тесная связь полиции с капиталом»⁴.

Тов. Бадаева много раз перебивал председатель Думы, не давая ему говорить, но он продолжал: «Рабочий класс не крепостной. Он не позволит, чтобы вы над ним издевались...»⁵. За открытую защиту рабочего класса с трибуны IV государственной думы председатель лишил тов. Бадаева слова.

¹ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 143.

² См. В. И. Ленин. Соч. Т. XVII, стр. 303.

³ «Большевистская фракция IV государственной думы», стр. 619. Имя товарищ Бадаев — председатель Верховного Совета РСФСР.

⁴ Там же, стр. 263.

⁵ Там же, стр. 264.

Рабочие других предприятий и отраслей промышленности помогали товарищам, подвергнувшись локауту, массовыми денежными сборами, иногда забастовками солидарности.

В связи с объявлением капиталистами локаута Ленин выдвинул лозунг об изменении форм борьбы: «21 марта, тотчас после объявления локаута, правлисты дали свой ясный лозунг: выбрать время и формы выступлений не по воле фабрикантов, сейчас не бастовать. Рабочие союзы и организованные марксисты знали и видели, что этот лозунг — их собственный... Лозунг 21 марта, не бастовать сейчас, был лозунгом рабочих, знавших, что они сумеют заменить одну форму другою, что они стремились и будут стремиться — через все изменения форм движения — к общему повышению его уровня»⁶.

«Правда» призывала рабочих к другим формам борьбы: к митингам, к уличным демонстрациям.

Рабочие пошли за своим вождем, за Лениным, за «правлистами». Провокация локаутчиков не удалась.

Рабочий класс России организованно, под руководством большевистской партии, ответил дружным протестом на локауты капиталистов. 26 марта капиталисты были вынуждены снять локаут.

В течение всего апреля происходили непрерывные стачки и демонстрации, связанные со второй годовщиной кровавого расстрела рабочих на Лене и с исключением социал-демократических депутатов из IV государственной думы на 15 заседаний. ЦК и ПК большевиков выпустили прокламации, посвященные второй годовщине зверского расстрела рабочих. Прокламации подчеркивали, что расстрел рабочих на Лене вызвал новый революционный подъем, и призывали рабочий класс на борьбу за новую революцию в России.

В своей прокламации Петербургский комитет большевиков писал: «Два года прошло с тех пор, как на далекой Лене, в холодной Сибири пролилась кровь наших беззащитных товарищей рабочих, мирно шедших к своим хозяевам просить об улучшении своего положения... Тяжелым свинцом ответили предприниматели на вопли голодных рабочих... Сотни невинных рабочих были убиты за то, что они посмели просить хлеба для голодных детей... Ленские зверства, учиненные правительством над беззащитными рабочими, переполнили чашу терпения рабочего класса. Кровавая Лена положила начало новому революционному пути, новой славной российской революции, избавляющей рабочий класс от рабского ига. Вот уже два года пролетариат

⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. XVII, стр. 304—305.

твердо и неуклонно идет по этому пути. Революционная волна рабочего движения с каждым часом растет и растет, разливается из Петербурга все шире и шире по всей России... И в эти дни революционных наступлений, когда рабочий класс собирает свои силы, пускай раздадутся его прежние лозунги—«Демократическая республика», «Восьмичасовой рабочий день», «Конфискация всей земли для крестьян».

Товарищи. Выходите на Невский проспект к 11 часам утра 4 апреля»¹.

Рабочие Петербурга и всей России отметили вторую годовщину ленского расстрела рабочих массовыми стачками и демонстрациями.

Во второй половине апреля бурная политическая стачка протеста пролетариата была вызвана исключением депутатов социал-демократической фракции из IV государственной думы на 15 заседаний. Произошло это при следующих обстоятельствах. В связи с тем, что ряд депутатов был привлечен к ответственности за думские речи, оппозиционные фракции IV государственной думы внесли 21 апреля предложение в Думу об отсрочке обсуждения бюджета до тех пор, пока не будут особо оговорены гарантии свободы депутатского слова. Черносоптенное большинство Думы отклонило это предложение, и Дума перешла к обсуждению доклада председателя совета министров Горемыкина о бюджете. В связи с этим 22 апреля социал-демократическая фракция большевиков и некоторые оппозиционные депутаты устроили обструкцию председателю совета министров Горемыкину. Они прервали его речь стуком, топтанием ногами, криком, свистом и не дали говорить. Большинство реакционной Думы предложило исключить 24 депутатов Думы на 15 заседаний.

Черносоптенное большинство Думы таким путем освободило Думу на 15 заседаний от резкой и беспощадной критики рабочих-депутатов.

Исключение большевистской фракции из IV государственной думы вызвало острый протест со стороны рабочих, тесно связанных со своей думской фракцией, непосредственно руководившейся Лениным и Сталиным.

Забастовка протеста рабочих в Петербурге продолжалась с 23 по 26 апреля и охватила, по неполным данным, 74 095 рабочих. В Москве бастовало 25 тысяч рабочих.

Политические стачки, митинги и демонстрации рабочих свидетельствовали о том, что вторая революция нарастает, что решающие схватки недалеко.

¹ «Памятники агитационной литературы». Т. VI. Вып. 1-й, стр. 63—64. 1923.

Во второй половине мая вспыхнула забастовка бакинских рабочих, которая охватила крупнейшие предприятия Баку и привлекла к себе внимание всего пролетариата России. Уполномоченные забастовавших предприятий предъявили управлению Совета съездов нефтепромышленников ряд требований, которые касались коренных вопросов жизни бакинского пролетариата. Нефтепромышленники на требования рабочих ответили отказом. Тогда забастовка стала распространяться и на другие предприятия и переросла во всеобщую.

Большевики возглавили революционную борьбу бакинских рабочих. Была проведена большая подготовительная работа: избрано около 100 уполномоченных, разработаны общие требования рабочих Баку. Был создан стачечный комитет. Во всей этой работе огромную роль играла Бакинская организация большевиков, созданная и воспитывавшаяся в течение долгих лет товарищем Сталиным.

Бакинские нефтепромышленные рабочие предъявили следующие общие требования: 8-часовой рабочий день, увеличение заработной платы, обеспечение квартирных и дорожных расходов, организация общинной кассы для рабочих, обеспечение рабочим образования и развлечений, разрешение рабочих организаций (профсоюзов, страховых советов и т. д.), оплата рабочих за время забастовок, освобождение арестованных, признание совета уполномоченных и заводских комитетов и др. Всего было свыше 60 пунктов требований. В их числе были пункты чисто политического характера: признание права стачек в знак протеста против преследований рабочей прессы, признание за рабочими права празднования 1 Мая, права протеста против действий центральной и местной власти.

Уполномоченные рабочих 28 мая предъявили эти требования нефтепромышленникам. 29 мая капиталисты 60 фирм на общие требования рабочих дали отрицательный ответ. Этот ответ еще больше обострил классовую борьбу, и рабочие под руководством Бакинской большевистской организации и своего стачечного комитета объявили всеобщую забастовку.

Бакинским комитетом большевиков и стачечным комитетом за время всеобщей забастовки было вышито 9 прокламаций, воззваний и листовок. Все эти документы вышли приблизительно в период с 24 мая до середины июля². Прокламации, воззвания и листовки сплачивали рабочих, вели

² См. «Памятники агитационной литературы». Т. VI. Вып. 1-й, стр. 138—172. 1923.

их на героическую, самоотверженную борьбу.

В начале всеобщей забастовки Бакинская организация большевиков выпустила прокламацию «Ко всем нефтепромышленным рабочим», в которой Бакинский комитет большевиков приветствовал рабочий класс Баку с новой, организованной борьбой труда с капиталом. В прокламации говорилось: «Товарищи, держитесь крепко за наши основные требования. Все как один человек должны бросить работу и стойко и организованно бороться до конца, до полного удовлетворения наших требований... Стройте и укрепляйте свои рабочие организации, и в дни нашей борьбы пускай гордо прозвучат наряду с очередными нашими требованиями наши общие старые лозунги: Долой самодержавие! Да здравствует социализм! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует борющаяся мазутная армия».

Другая листовка, составленная при участии Степана Шаумяна, обращалась с призывом к рабочим, не примкнувшим еще к забастовке. «Стачечный комитет, — говорится в этой листовке, — от лица всех бакинских рабочих последний раз призывает вас, небастующие рабочие... Выбирайте — либо с нами, в наши ряды с гордо поднятой головой борцов за победу и счастье, либо против нас, в ряды наших врагов, с позорным клеймом предателей рабочего дела. Выбирайте. Слово за вами».

Всего в Баку бастовало около 40 тысяч рабочих.

20 июня в ответ на аресты рабочих и репрессии капиталистов была устроена в Баку грандиозная демонстрация, охватившая свыше 20 тысяч человек. Рабочие вышли на демонстрацию с плакатами, на которых было написано: «Коллективный договор», «Рабочие поселки» — и другие лозунги. Сначала полиция растерялась и бездействовала. Затем по приказу полицмейстера полиция и казаки стали избивать рабочих нагайками, разгонять и арестовывать участников демонстрации. Всего было арестовано и отправлено в центральную тюрьму свыше 100 человек.

На борьбу с революционным стачечным движением в Баку местная власть мобилизовала все войсковые части Баку. На помощь бакинским нефтепромышленникам спешила и центральная власть. Петербургский градоначальник издал специальное обязательное постановление о запрещении сбора денег на поддержку забастовщиков в Баку, на цели, «противные государственному порядку и общественному спокойствию».

Николай II послал из Петербурга в Баку товарища министра внутренних дел, начальника отдельного корпуса жандармов

генерала Джунковского и вместе с ним дополнительную вооруженную силу. С приходом Джунковского в Баку началось еще более жестоко преследования участников всеобщей забастовки. Джунковский рассчитывал на воздействие испытанной системы «кнута» и «пряника». Так например персидский посол Мирза-Риза-хан с разрешения градоначальника через своих агентов созвал собрание 6 тысяч бастующих мусульманских рабочих с целью склонить их к прекращению забастовки путем воздействия на их национальное чувство, но значительно усерднее применялся «кнут». Капиталисты через суд начали выселять бастующих рабочих из квартир. Царский суд быстро удовлетворил ходатайство капиталистов Побеля, Ротшильда, Монташева и др. о выселении рабочих, и при помощи полиции и казаков были выброшены из квартир около 5 тысяч рабочих и их семьи. Паспорта же рабочих были переданы в полицию. Начались аресты сотен переловых рабочих, активных борцов всеобщей стачки. По данным от 11 июля, было арестовано 892 человека. Тюрьма и тюремный двор были переполнены арестованными. Свыше 100 рабочих было отправлено по этапу в другие города. Местные власти выселяли многих рабочих из квартир без суда, лишали воды, накладывали пломбы на водопровод, лишали рабочих электрического освещения, а в отдельных квартирах ломали печки, отнимали кровати, избивали рабочих и насильно загоняли их на работу.

29 июня местные власти объявили Баку на военном положении. Запрещено было появляться на улицах города после 8 часов вечера. Для подкрепления местных сил в Баку были вызваны дополнительные войска из других городов, в том числе 600 казаков.

Все это еще яснее показывало рабочим, насколько тесно были переплетены интересы капитала с интересами царизма.

Репрессии царизма против героического бакинского пролетариата вызвали глубочайший протест во всей рабочей России. Героическая борьба бакинских рабочих нашла отклик и поддержку рабочих различных городов России и в первую очередь рабочих Петербурга. Почти во всех городах России рабочие выносили резолюции протеста против произвола самодержавия и капиталистов и резолюции сочувствия борющимся товарищам — бакинцам. Везде собирали деньги в помощь рабочим Баку. По России прокатывалась волна митингов, стачек, демонстраций в знак солидарности с нефтепромышленными рабочими Баку. Рабочие сталелитейного завода города Ижевска писали в своей резолюции, направленной в редакцию «Трудовой правды» тов. Бадаеву: «Мы, группа рабочих

сталелитедьного завода, обсудив всестороннее сложившееся положение—конфликты в Баку между трудом и капиталом, постановили приветствовать товарищей бакинцев в их стойкости и осудить произвольные действия бакинской администрации... Победа бакинцев — наша победа. Рабочие С. З.»¹.

Тов. Балаев в своей работе «Большевики в Государственной думе» вспоминает, как огромной вереницей рабочие Петербурга несли к нему на квартиру деньги для бакинских рабочих, как большевистская фракция IV государственной думы, собирая эти деньги в пользу бакинских рабочих, пересылала их в Баку и вместе с тем от имени петербургского пролетариата послала бакинским рабочим следующую телеграмму приветствия: «По поручению и от имени петербургского пролетариата шлю его горячий привет героическому пролетариату Баку, подающему пример единодушия и классовой стойкости. Петербургский пролетариат с чутким вниманием следит за вашей борьбой. Депутат Балаев»².

За дни забастовки редакция «Трудовой правды» получила многочисленные приветствия по адресу бакинских рабочих, героически борющихся против капитала. В «Трудовой правде» № 35 от 8 июля, в статье «Приветствие бакинским рабочим», от имени большевиков и всего пролетариата России было сказано: «Газета приветствует забастовавших бакинских рабочих, которые, как смелые пловцы, не страшась разъяренного моря, ринулись в волны на худых челнах наперекор стихии и бросили вызов шакалам... в защиту своих попорченных грязною рукою прав»³.

Настойчивость бакинских рабочих была настолько велика, что самодержавие и капиталисты не смогли сломить их, и только империалистическая война оборвала эту героическую всеобщую забастовку пролетариата Баку.

Бакинская всеобщая стачка сыграла исключительную роль в подеме всего революционного движения России на новую, более высокую ступень классовой борьбы. Всеобщая бакинская стачка была своеобразной прелюдией к петербургским баррикадам в июле.

4

Наивысшей точкой революционного подема были июльские стачки-демонстрации

¹ «Большевистская фракция IV государственной думы», стр. 473.

² «Трудовая правда» № 32 от 4 июля 1914 года.

³ «Большевистская печать в тисках царской цензуры (1910—1914 годы)», стр. 175, 1939.

в Петербурге. За первые 6½ месяцев 1914 года, по официальным данным, бастовало около 1½ миллиона человек. За этот период было проведено больше 3 тысяч стачек, в числе которых преобладали политические.

1 июля рабочие заводов Путиловского, Лангэнзиппена, трубного, Лесенера, Эриксона, «Айваз» и др. начали забастовку солидарности с бакинскими рабочими. 3 июля на Путиловском заводе рабочие по призыву большевиков бросили работу на 2 часа раньше. Во дворе завода начался митинг. Выступали ораторы-большевики. Но полиция не дремала. Появились отряды конной и пешей полиции, которые были заранее спрятаны на заводе на всякий случай. Между рабочими и полицейскими начались споры. Полицейские требовали от рабочих, чтобы они разошлись. Рабочие не расходились. Когда полиция начала стрелять в рабочих, кто-то из толпы крикнул: «На баррикады!», — и рабочие кинулись на вышку близ мартеновской мастерской. В этот день было убито 2 рабочих и ранено 50.

Газета «Трудовая правда» разнесла по всем предприятиям Петербурга, среди всех рабочих страшную весть о расстреле 3 июля на Путиловском заводе. 4 июля многие рабочие бросали станки и шли на улицу.

На «Новом Айвазе» никто из рабочих 4 июля к работе не приступил. Состоялся митинг. Корреспондент «Трудовой правды» писал об этом следующее: «В гробовом молчании проводилось собрание. Суровы были лица рабочих. Негодованием горели они. Многие плакали. Постановили — объявить однодневную стачку впредь до выяснения общего решения петербургских рабочих. Тихо, спокойно вышли рабочие завода. И этот молчаливый выход был затихшем перед грозой»⁴.

Ненависть и негодование рабочих Петербурга нарастали буквально с каждым днем, с каждым часом. По данным «Трудовой правды», в этот день в знак протеста против расстрела путиловцев бастовало около 90 тысяч рабочих.

Начав эту грозную демонстрацию против самодержавия, рабочие напомнили паризму о своей мощной организованности и о том, что в Петербурге нельзя безнаказанно повторить позорную ленинскую бойню.

4 июля собравшийся поздно вечером Петербургский комитет большевиков, обсудив положение, решил объявить трехдневную политическую забастовку-демонстрацию петербургского пролетариата в знак протеста против самодержавия, против расстрела рабочих на Путиловском заводе. С этой це-

⁴ «Трудовая правда» № 33 от 5 июля 1914 года.

лью была вынуждена специальная прокламация «Ко всему петербургскому пролетариату». В ней говорилось: «...Пусть крик протеста и возмущения прекратится по всему Петербургу, по всей России. Поддерживая героическую начатую стачку протеста, мы зовем вас, товарищи, трехдневной забастовкой показать свою волю, свою сплоченность, свое негодование против всего режима царской монархии... Сплоченными рядами в мирной процессии со своими знаменами и песнями пусть рабочие пройдут в понедельник, в 10 час. утра, по улицам Петербурга, ибо еще не пришло время для вооруженного восстания... Да здравствует массовая политическая трехдневная стачка протеста! Долой царских убийц и царскую монархию! Честь и слава нашим товарищам! Да здравствует борьба за демократическую республику! Да здравствует социализм! Петербургский комитет РСДРП»¹.

Общегородская забастовка-демонстрация была назначена на 7 июля.

На помощь полиции и жандармерии пришла и русская буржуазия, верная союзница самодержавия в борьбе с рабочим движением. Фабриканты и заводчики объявили общий локаут рабочим, закрывали лавки, в которых рабочие покупали продукты в кредит. Домовладельцы выселяли рабочих из квартир. Повторялась картина, которая имела место в Баку. Объединенные силы капитала и царской власти решили сломить сопротивление и борьбу петербургского пролетариата.

«Трудовая правда» 4 июля вышла с анилагом «Расстрелы рабочих продолжались и вчера». Утром на заводах и фабриках Петербурга рабочие получили очередной номер газеты «Трудовая правда». Весь номер «Трудовой правды» от 5 июля был посвящен описанию расстрела путиловских рабочих полицией.

«Пальба по ленинским рабочим,—писала «Трудовая правда», — отозвалась в русском пролетариате, и избранный лев опять поднялся на бой с врагом. Его раны зажили: он встал с новыми силами, с новым опытом борьбы... Пусть слепые и глухие не видят буреветника, но он растет и вьется все шире, дальше и глубже»².

Одновременно с газетой рабочие получали прокламации Петербургского комитета большевиков.

5 июля происходили собрания и митинги почти на всех предприятиях. Кое-где они перерастали в уличные демонстрации. Были и отдельные столкновения рабочих с

полицией. Забастовка продолжалась. На 70 предприятиях, по данным большевистской «Трудовой правды», бастовало 68 131 человек.

Петербургский комитет большевиков наметил на 6 июля собрание актива в лесу по вопросу о плане организованного проведения трехдневной забастовки и уличной демонстрации. Собрание в лесу было сорвано охранкой и полицией.

В Москве 6 июля были проведены собрания в лесу и отдельные забастовки. В воскресенье заводы не работали. Забастовали также рабочие пекарен в знак солидарности с рабочими-путильовцами.

В рабочих районах Петербурга проходила усиленная подготовка к организации всеобщей демонстрации петербургского пролетариата 7 июля. В вышедшем очередном номере «Трудовой правды» было напечатано специальное обращение тульских рабочих:

«Призываем всех товарищей рабочих войти в теснейшую организационную связь со всеми депутатами, дабы быстрее перейти к заветной цели освобождения рабочего класса от крепостнического и капиталистического порядка. Товарищи депутаты должны бодро нести знамя борьбы за нерезанные лозунги, и в этой борьбе мы будем всегда с вами».

«Краткий курс истории ВКП(б)» особо отмечает день 7 июля, когда в Петербурге по призыву Петербургского комитета партии забастовали в знак протеста против расстрела рабочих 130 тысяч рабочих. Весь день 7 июля происходили непрерывные демонстрации, митинги протеста, как против расстрела рабочих, так и против военных приготовлений царизма, т. е. демонстрация 7 июля сочетала в себе и солидарность с бакинскими рабочими, и протест против расстрела рабочих на Путиловском заводе, и протест против подготовки войны, в связи с приездом в Петербург президента Французской республики Раймонда Пуанкаре.

Несмотря на все мероприятия охраны против всеобщей забастовки, назначенной на 7 июля, на многих предприятиях рабочие явились на работу, но к работе не приступили. На отдельных предприятиях рабочие выкинули красный флаг и пели революционные песни. На улицах рабочие закрывали магазины, останавливали движение трамваев, осыпали полицейских камнями и даже отбирали у них пашки и револьверы.

К концу дня 7 июля рабочие на Выборгской стороне начали возводить баррикады, на многих улицах были повалены трамвайные вагоны, сломаны телеграфные и телефонные столбы. Пролетарии готовились к баррикадным боям.

¹ «Памятники агитационной литературы». Т. VI. Вып. 1-й, стр. 76—77. Гиз. 1923.

² «Большевистская печать в тисках царской цензуры (1910—1914 годы)», стр. 169—171. Лениздат. 1939.

В знак солидарности с петербургским пролетариатом 7 июля выступили против самодержавия и буржуазии и московские рабочие. По данным рабочей печати, в этот день в Москве бастовало свыше 16 тысяч рабочих.

Царская власть усилила охрану, наряды полиции, жандармерии, казаков, шпионов в борьбе с надвигающейся революцией.

8 июля 1914 года вышел последний номер «Трудовой правды». Газета была полностью посвящена ходу политической стачки-демонстрации протеста против расстрела рабочих Путиловского завода. В статьях подчеркивалась необходимость борьбы против самодержавия и выражалась уверенность в том, что выстрелы по петербургским рабочим отзовутся в сердцах многих революционных рабочих России и что российский пролетариат после такого насилия еще крепче и теснее сожмет свои ряды вокруг большевистской партии.

Массовая забастовка-демонстрация 8 июля в Петербурге была самой крупной в истории борьбы петербургского пролетариата перед войной. Бастовало больше 160 предприятий и 150 тысяч человек.

Среди рабочих нарастало революционное настроение, раздавались призывы к вооруженному восстанию.

Царская цензура не могла допустить, чтобы в этой обстановке выходила газета «Трудовая правда» — легальный штаб и опорный пункт большевистской партии. 8 июля, вечером, полковник Попов послал отряд офицеров, чтобы арестовать участников совещания в помещении газеты «Трудовая правда», редакцию «Трудовой правды» разгромить, газету закрыть, номера конфисковать.

Разгром большевистской газеты, арест крупных работников большевистского подполья, преследование профсоюзов, применение общего локаута против рабочих, объявление Петербурга на военном положении, применение к бастующим вооруженной силы и других видов репрессий наносили удары революционному движению, но несмотря на это борьба рабочего класса России продолжалась. Она охватывала все новые и новые города, все новые слои рабочих.

9 июля 1914 года было бурным днем в Петербурге. В этот день Россия была свидетельницей новых баррикадных боев, живо напоминавших декабрь 1905 года в Москве. Всего в этот день бастовало свыше 150 тысяч человек.

Об упорной баррикадной борьбе и о бессильи полиции справиться с нарастающим революционным движением вынуждена была писать и буржуазная печать. В «Новом времени» от 10 июля 1914 года, в статье «По свежим следам», сообщалось:

«К 11 часам вечера 9 июля Сампсониевский пер. будто вымер. Фонари не горят. Все магазины и лавки закрыты ставнями, сквозь которые просвечивает слабый свет. В домах — полная тьма, ни одного освещенного окна. Мостовая разрыта. По всему проспекту набросаны булыжники. В самом же начале Сампсониевского проспекта по средние улицы валяются вырванные «с корнем» фонарные столбы. Рядом с ними — спиленные и срубленные тонором телеграфные столбы. Сампсониевский проспект носит следы уличного побоища.

Улица пустынна. Ни одного живого человека. Нет даже обычных мостовых городских, и у ворот не стоят дворники. В прилегающих боковых улицах «нет следов побоища», но та же мертвая тишина, та же отсутствие света и такое же безлюдье.

На Сампсониевской набережной — баррикада, сложенная из трех рядов небольших ящиков из-под пива. Кругом осколки разбитых бутылок и целая пивная лужа. Очевидно, жертвой забастовщиков стали возчики пива. У них арестовали пиво и наскоро соорудили эту баррикаду. Тут же рядом валялось много мешков с мукой. В дело пошли, кроме ящиков, еще кирпичи с соседних барок, стоящих рядом у набережной»¹.

Царизм прибег к свирепым мерам расправы с рабочими. Был отдан приказ: «Патронов не жалеть!»

Июльская политическая стачка, начавшаяся организованно по призыву большевиков, так же организованно закончилась по призыву Петербургского комитета партии, считавшего преждевременным вооруженное восстание, которое старалось спровоцировать царское правительство.

Приводим отдельные места из листовки Петербургского комитета об организованном окончании забастовки: «Товарищи! Петербургский комитет призвал вас к стачкам и демонстрациям. Вы единодушно откликнулись на его призыв. Мы зовем теперь вас в р е м е н ю приостановить движение протеста так же организованно, как оно началось. Закончив временно стачку-демонстрацию, будем готовиться к решительному бою. Стройте организации, будите отсталых, усиливайте пропаганду и агитацию за лозунги РСДРП, втягивайте в движение железнодорожников и почтовиков. Учитесь обороняться от казаков и полиции. Становясь на работу, думайте, что надо энергично готовиться к революции... Да здравствует Русская революция! Да здравствует 8-часовой рабочий день! Да здравствует демократическая республика и конфискация помещичьих земель для крестьян! Да здравствует социализм!

¹ «Новое время» № 13 от 10 (23) июля 1914 года.

Петербургский комитет Российской социал-демократической Рабочей партии»¹.

Петербургский пролетариат на провокацию царизма не пошел, под руководством Петербургского комитета большевистской партии он начал готовиться к вооруженному восстанию для решительного штурма царизма и капитализма. Революционная борьба рабочего класса подымалась на высшую ступень. «Но в это время, — отмечает «Краткий курс истории ВКП(б)», — появилась на сцене новая сила международного порядка — империалистическая война, — которая должна была изменить ход событий... Подъем революции был прерван мировой войной, в которой царское правительство искало спасения от революции»².

Объявление мировой империалистической войны на время приостановило бурно нараставший революционный подъем. На 2½ года была отсрочена гибель царизма. О революционных выступлениях рабочего класса накануне империалистической войны «Краткий курс истории ВКП(б)» пишет: «Это были авангардные бои, прерванные империалистической войной, но возобно-

вившиеся потом, через три года, для того, чтобы свергнуть царизм»³.

* * *

Вся борьба пролетариата России накануне империалистической войны проходила под руководством большевистской партии и под ее боевыми революционными лозунгами.

Пролетариат России боролся не за отдельные реформы, а за коренные изменения общественно-политического строя путем революции, за уничтожение самодержавия и за установление демократической республики, за диктатуру пролетариата.

Июльские события — стачки, демонстрации, баррикады — были не только направлены против царизма, но и против империализма, против подготавливавшейся империалистической войны.

Июльские события еще раз подтвердили, что меньшевики, ликвидаторы, троцкисты и другие враги рабочего движения давно уже обанкротились, что за ними, как за агентами буржуазии в рабочем движении, рабочий класс не идет.

Июльские события 1914 года были предлюдней к февральско-мартовским событиям 1917 года и к победе Великой Октябрьской социалистической революции в СССР.

³ Там же, стр. 153.

¹ «Памятники агитационной литературы». Т. VI. Вып. 1-й, стр. 77—78. Гиз, 1923.

² «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 152—153.

ЗАХВАТ МАНЧЖУРИИ ЯПОНКЕЙ В 1931 ГОДУ

Мир вступил в новую империалистическую войну. «Началась она втихомолку, без объявления войны. Государства и народы как-то незаметно вползли в орбиту второй империалистической войны. Начали войну в разных концах мира три агрессивных государства,— фашистские правящие круги Германии, Италии, Японии»¹.

Прошло около восьми лет с момента захвата японскими агрессорами Манчжурии. Восемь лет китайский народ на территории Манчжурии находится под сапогом японской военщины.

Война Японии против китайского народа, начатая в 1931 году, может служить наглядным и ярким примером войны несправедливой, захватнической, имеющей целью захват и порабощение чужих стран, чужих народов.

19 сентября 1931 года японский империализм приступил к реализации программы колониального грабежа Китая, которая еще в 1927 году была провозглашена в известном «меморандуме Танака»². В этом секретном документе японский премьер-министр генерал Танака писал своему императору, что Япония в своей внешней политике должна придерживаться политики «крови и железа» и должна направить экспансию в первую очередь на Китай, в частности на Манчжурию и Монголию. «Для того, чтобы завоевать Китай,— говорилось в «меморандуме»,— мы должны сначала завоевать Манчжурию и Монголию. Для того, чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай. Если мы сумеем завоевать Китай, все остальные азиатские страны и страны Южного моря будут нас бояться и капитулируют перед нами. Мир тогда поймет, что Восточная Азия наша, и не осмелится нарушать наши права»³.

Манчжурия занимает территорию в 360 тысяч квадратных миль, то есть приблизительно равна Франции и Германии, вместе взятым. Население ее составляет свыше 30 миллионов человек, из которых 29 миллионов китайцев и около 800 тысяч корейцев. Манчжурия обладает огромными естественными богатствами, которые до по-

следнего времени не только полностью не разрабатывались, но даже полностью не обнаружены. Особенно следует отметить наличие военного сырья: железной руды (Аньшанское месторождение, содержащее 350 миллионов тонн, и др.), горючих сланцев в районе Фушуня, которых насчитывается 5—8 миллиардов тонн, причем количество сланцев, которые могут разрабатываться открытым путем или же залегают на небольшой глубине, составляет 1200 миллионов тонн, что при переработке равноценно 200 миллионам тонн нефти; количество угля определяется в 2925 миллионов тонн, из них 1583 миллиона в Южной Манчжурии и 1342 миллиона тонн в Северной Манчжурии. Запасы угля Внутренней Монголии составляют 1573 миллиона тонн, таким образом, запасы угля Манчжурии и Внутренней Монголии вместе составляют 4489 миллионов, или 50% всех японских запасов. Медь встречается в Манчжурии в 30 местах; свинец и серебро — в 58 местах и т. д. Манчжурия представляет собой огромную сельскохозяйственную и животноводческую страну. Земли, пригодные для пашни, составляют в ней около 32 миллионов га; из них обрабатывается только 52%. Земли на юге Манчжурии удобны для разведения хлопка. Под лесом в Манчжурии занято более 35 миллионов га.

История Манчжурии является частью общей истории Китая. Предками нынешних манчжур китайские историки считают племя суненей, существование которых относится к XXII веку до нашей эры. В «Бамбуковой летописи», являющейся древнейшим источником по истории Китая, говорится, что сунени приходили ко двору императора Шуня (2225 год до нашей эры) и приносили в дар лук и стрелы. Конфуций в своей книге «Лунь-Юй» также упоминает о существовании суненей.

Достоверные исторические сведения о племенах Манчжурии относятся к I—III векам нашей эры: в летописях второй Ханьской династии (25—220 годы) говорится о племени илоу, проживавшем на территории нынешней Северной Манчжурии.

Первым государственным обетинением на территории нынешней Манчжурии было княжество Бохай, которое просуществовало с VIII по X век нашей эры. В начале X века Бохайское княжество было покорено кочевниками-кыпчакцами. Однако они недолго властвовали здесь. В XII веке пле-

¹ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 318.

² Опубликовано в журнале «Коммунистический интернационал» № 33—34 за 1931 год.

³ Журнал «Коммунистический интернационал» № 33—34 за 1931 год.

ля чжурчженей, проживавшее на берегах Амура (нынешняя провинция Хэйлуцзян), восстало против китаней и в 1125 году завоевало всю территорию Манчжурии и образовало самостоятельное государство во главе с династией Цзинь.

В 1234 году государство династии Цзинь подчинили монголы и присоединили его к своим владениям, но в XIV веке монголы были изгнаны чжурчженями с территории нынешней Манчжурии и последняя стала опять самостоятельным государством.

В XVII веке, точнее, в 1616 году, один из наиболее сильных манчжурских вождей, Нархуци, объединивший враждовавшие племена чжурчженей, принял титул императора, а территорию, которой он управлял, назвал Маньчжоу («Мань» означает полная, «Чжоу» — область). После продолжительной борьбы между Манчжурией и Китаем внук Нархуци — Шунь Чжи — сделался императором всего Китая. В 1644 году столица из Мукдена была перенесена в Пекин (нынешний Бейпип). С этого времени и до захвата ее Японией Манчжурия составляла с Китаем единое целое.

1

Японские империалисты не случайно выбрали 1931 год для осуществления своих планов по захвату Манчжурии и Внутренней Монголии. Два обстоятельства определили этот срок выступления Японии. Во-первых, чрезвычайное обострение всех внутренних противоречий в Японии в связи с небывалым по своей разрушительной силе мировым экономическим кризисом, который начался в 1929 году и углублялся последующие три года. Этот экономический кризис особенно сильно ударил по Японии, где «огромные пережитки феодализма в стране, полукрепостническое ограбление крестьянства и колониальный уровень эксплуатации пролетариата, порождавшие узость внутреннего рынка, вели к соединению промышленного кризиса с аграрным и к небывалой остроте экономического кризиса и в городе и в деревне»¹. В поисках выхода из кризиса и в целях борьбы с революционным движением трудящихся масс японские империалисты решили прибегнуть к своему излюбленному методу разрешения внутренних противоречий — к внешней агрессии.

Во-вторых, «японские империалисты, видя, что европейские державы и США целиком поглощены своими внутренними делами в связи с экономическим кризисом,

¹ Тезисы ИККИ 1932 года по вопросу «О положении в Японии и о задачах японской коммунистической партии». Сборник: «Материалы по национально-колониальным проблемам» № 3 за 1933 год.

решили воспользоваться случаем и сделать попытку наказать на слабо защищенный Китай, подчинить его себе и стать там господами положения»².

В захвате Манчжурии японская военщина видела также возможность подготовить плацдарм и удобные позиции для будущей войны против Северного Китая и СССР.

Решив начать войну против Китая с целью захвата Манчжурии, японские империалисты начали действовать своими «обычными» методами: «Не объявляя войны Китаю и мошеннически используя ими же созданные «местные инциденты», японские империалисты воровским образом ввели войска в Манчжурью»³.

Почти за год до начала войны японские империалисты уже начали вести идеологическую подготовку к этой войне. С конца 1930 года газеты Японии всячески раздували и обрабатывали всякого рода «инциденты», которые были либо выдуманы, либо спровоцированы японской военной и японской разведкой.

Прежде всего началась кампания против Манчжурии по вопросу железнодорожного строительства. В ответ на заявление Китая о плане перестройки железнодорожных линий Цзиньчжоу—Айгунь, Таонань—Тунляо и соединения линий Мукден—Хайлун с линией Пекин—Мукден, а также удлинения к северу дороги Гиринь—Хайлун Япония заявила о нарушении Китаем договоров 1905 и 1915 годов, в которых Китай якобы обязался «не строить железнодорожных линий вблизи Южно-Манчжурской железной дороги или параллельно ей». На самом деле ни о чем подобном в договорах 1905 и 1915 годов не говорилось. В 1905 году на одном из заседаний по выработке пекинского договора японцы предлагали такой пункт как один из возможных вариантов соглашения, но пункт этот не был принят.

В 1915 году японцы заставили Китай подписать «21 требование», которые, по существу, лишали Китай всех прав самостоятельного государства и были равносильны установлению над Китаем японского протектората. Однако под давлением главным образом Соединенных Штатов Америки, которые не без основания опасались за свои интересы в Китае, Япония была вынуждена отказаться в ноябре 1917 года от своих исключительных прав и преимуществ, полученных на основании принятия Китаем так называемых «21 требования».

Под нажимом США Япония была вынуждена подписать соглашение о том, что оба правительства не имеют намерения нарушить каким-либо образом независи-

² «Учебный курс истории ВКП(б)», стр. 288.

³ Там же.

мость или территориальную целостность Китая». Япония также была вынуждена подписать, что обе стороны «навсегда присоединяются к принципу так называемых «открытых дверей», или равных возможностей для торговли и промышленности в Китае»¹.

Японо-китайский договор 1918 года опять затрагивает вопрос о строительстве железнодорожных линий в Манчжурии. В этом договоре говорится, что на постройку дорог японские банки предоставят Китаю заем; § 8 договора требует, чтобы «формальный договор о займе был заключен в течение четырех месяцев после заключения настоящего предварительного соглашения». Однако договор не был заключен и через 10 лет.

В первых числах декабря 1930 года в Токио состоялось совещание из представителей министерства иностранных дел, министерства колоний и военного министерства специально по вопросу о политике Японии в Манчжурии. На совещании эти три министерства договорились между собой о прямом вмешательстве Японии во внутренние дела Манчжурии. Выработанное решение официально было названо «новым курсом Японии в Манчжурии». 12 декабря кабинет министров утвердил этот «новый курс». Газета «Кокумин» писала: «Если Китай будет строить новые дороги, он может вытеснить влияние ЮМЖД, не задевая его активности непосредственно. Исходя из этого, конференция постановила опротестовать план Китая по проведению железнодорожных линий... В политику японского правительства входит предупредить дальнейшее проведение линий, параллельных обеим сторонам ЮМЖД»².

Японское правительство решило начать переговоры с Китаем по этому вопросу, о чем были разосланы инструкции японскому поверенному в делах Китая Сигемидзу и японскому консулу в Мукдене Хаяси. Им было предложено добиться прекращения строительства железных дорог и получить от Китая согласие, «чтобы постройка различных железнодорожных линий проводилась... на основе получения от Японии займов... или, по крайней мере, на основе снабжения Китая японскими материалами»³.

Однако, не приступив еще к переговорам, японские военные круги уже начали

говорить о том, что переговоры провалятся и что необходимо занять «твердую позицию». Так например газета «Токио Асахи» писала 14 декабря 1930 года: «Предполагаемые железнодорожные переговоры будут вестись с целью устранить затруднения, могущие возникнуть в железнодорожных делах в Манчжурии. Однако мы сомневаемся в успешности этих переговоров, если они не будут покоиться на твердо установленной политике. Не смейно ли, что необъединенный Китай проводит определенную политику в то время, как единая Япония такой политики не имеет?»

Японские агрессоры совершенно не стремились к мирному разрешению «спорного» вопроса, который и вообще-то был выдуман японской военизированной с целью захватить часть «необъединенного» Китая.

Япония, основываясь на своих преимуществах в Китае, которые она получила в 1915 году по «21 требованию» (хотя под давлением США она отказалась от них еще в ноябре 1917 года и подтвердила свой отказ на вайнингтонской конференции в 1921 году), потребовала от Китая беспрепятственного поселения японских подданных в Манчжурии и Внутренней Монголии, а также предоставления им права приобретать недвижимое имущество.

Несмотря на то что Китай не дал на это согласия, Япония начала массовое переселение нужных ей людей в Манчжурию. Под видом этих «переселенцев» Япония посылала туда сотни и тысячи своих резидентов, на которых можно было опереться в будущих военных действиях или под видом «защиты» прав и интересов которых можно было бы устраивать провокации. Специальные кадры шпионов-разведчиков готовились для отправки в Манчжурию и Внутреннюю Монголию. Вот, например, одно из сообщений газеты «Нитиро Цуси» от 19 марта 1931 года: «В связи с разрастающимся экономическим кризисом в Японии и трудностями в получении работы группа молодежи, оканчивающей весной сего года специальный факультет Токийского колониального университета, ведет деятельные приготовления к отъезду на жительство в качестве переселенцев в глубь Монголии. Указанная группа, состоящая из 15 студентов, возглавляется Симадзу Сейхици 47 лет, являющимся также слушателем специального факультета».

По приказу японского правительства сотни корейцев начали переселяться в Манчжурию и Внутреннюю Монголию. Китайское правительство отдавало себе полный отчет в истинных целях и намерениях японских агрессоров. Еще 1 февраля 1931 года один из членов ЦК гоминдана заявил на пленуме ЦК: «То, что толпы

¹ См. текст соглашения между Японией и США о Китае от 2 ноября 1917 года (соглашение Лансинг — Ишии). Проф. Э. Д. Гримм «Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке», стр. 194—195. Изд. Института востоковедения. М. 1927.

² «Кокумин» от 15 декабря 1930 года.

³ «Дзи-дзи» от 12 декабря 1930 года.

корейцев в последнее время как хлопья снега сыплются на равнины Манчжурии и Монголии, находится в связи с железнодорожной политикой Японии. Положение Манчжурии и Монголии является вопросом жизни и смерти для китайского народа. Наше правительство должно с достаточной решительностью найти в красивых словах скрытые замыслы Японии относительно Манчжурии и Монголии»¹.

Вполне естественно, что, охраняя свою безопасность, китайское правительство еще раз подтвердило запрещение иммиграции японских подданных в Манчжурию и Монголию и приобретения ими там недвижимого имущества, а также всякого рода «длительной аренды с правом возобновления договора по желанию арендатора», как на этом настаивала Япония, основываясь на соответствующем пункте из «21 требования».

2

Решив вопрос о нападении на Манчжурию, японское правительство стремилось надлежащим образом обработать общественное мнение трудящихся Японии, которые не хотели войны в интересах японского финансового капитала.

Товарищ Сталин отмечает, что «в наше время не так-то легко сорваться сразу с цепи и ринуться прямо в войну, не считаясь с разного рода договорами, не считаясь с общественным мнением. Буржуазным политикам известно это достаточно хорошо. Известно это также фашистским заправилкам. Поэтому фашистские заправилы, раньше чем ринуться в войну, решили известным образом обработать общественное мнение, т. е. ввести его в заблуждение, обмануть его»². Эти слова товарища Сталина могут быть отнесены и к Японии рассматриваемого нами периода.

В ответ на запрещение китайским правительством иммиграции японских подданных японская военщина начала через печать мобилизацию населения Японии на войну против Китая.

На требование Китая о возвращении японских концессий в Ханькоу и об эвакуации гарнизонов японских войск японская военщина публично заявляла: «Мы советуем бы Китаю привести в порядок прежде всего свои внутренние дела». «Время для отмены экстерриториальности наступит тогда,—писала газета «Дзи-Дзи» 17 февраля 1931 года,—когда благопо-

лучно окончится национальное собрание, когда будет установлен срок опубликования конституции, когда конституция будет действительно опубликована и, одновременно, когда можно будет завершить карательные экспедиции против коммунистов».

Японские империалисты шли на всевозможные провокации войны, подыскивая все новые поводы и причины. Газета «Асахи» 30 апреля 1931 года писала, что «в настоящее время между Японией и Китаем, кроме вопроса экстерриториальности, имеется еще ряд вопросов, требующих разрешения: о японском рыболовстве в китайских водах, о телеграфном соглашении, о манчжуро-монгольских железных дорогах, о давлении на японцев и т. д.». Всего японцы насчитывали в апреле 1931 года 53 неразрешенных вопроса. К 1 сентября 1931 года насчитывалось уже 300 неразрешенных вопросов. Вот что, например, говорилось в отчете парламентской группы партии сейюкай³: «Различных неразрешенных конфликтов между Японией и Китаем, разрешение которых представляется безнадежным, насчитывается свыше 300, и число их все время растет... нам кажется нужно выявить государственную месть нашей страны»⁴.

Еще задолго до этого (11 июня 1931 года) газета «Нородзу» прямо и открыто заявляла о том, как будут действовать разбойники из японского гермитаба: «Люди, хорошо знакомые с национальным характером китайского народа, говоря, что по отношению к Китаю наилучшей мерой является немедленное разрешение вопроса насилем...

Если отвечать десятикратной незаконностью на одну незаконность, сделанную китайцами, то они замолчат. Поэтому в будущем в таких случаях, когда в Манчжурии или в другом месте произойдет какое-нибудь несчастное событие, необходимо отвечать немедленной мобилизацией не только полицейских сил, но и военных сил».

О возможном конфликте в Манчжурии газета обмолвилась не случайно. К этому времени японские агрессоры уже обостряли всячески дело в Веньбаошань⁵, которое послужило поводом к первым вооруженным столкновениям между Японией и Китаем.

16 апреля 1931 года китайец Хао Юн-ю снял в аренду участок земли, расположен-

³ Сейюкай — японская буржуазная политическая партия, стоявшая за более решительную внешнеполитическую агрессию. В настоящее время она объединилась с японской фашистской партией.

⁴ «Асахи» от 1 сентября 1931 года.

⁵ Название населенного пункта на манчжуро-корейской границе, где был спровоцирован Японией инцидент.

¹ Сообщение «Нихон Демпо Цусин» из Нанкина. Опубликовано в «Дзи-дзи» от 3 февраля 1931 года.

² И. Сталин. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 11.

Китайский крестьянин обрабатывает поле под рис.

Музей революции СССР.

ный на границе Манчжурии и Кореи. Арендный договор вступал в силу лишь в том случае, если его утверждали чаньчунские власти. Этот участок Хао Юн-дэ передал без согласия китайских районных властей корейским крестьянам. Корейцы при поощрении японских властей сразу же приступили к прорытию канала, для того чтобы на эту землю направить воду из реки Штун. Земля, через которую корейцы прорывали канал, не являлась корейской или арендованной, и, естественно, китайские крестьяне запротестовали. На место конфликта прибыли власти из Чаньчуня, но еще до прибытия китайских властей японский консул из Чаньчуня прислал 6 японских полицейских. Соглашение достигнуто не было. Тогда японский консул решил силой доказать свою правоту. На следующий день он послал уже 60 полицейских, вооруженных пулеметами. Дело затянулось. 8 июня была создана смешанная комиссия. Хотя смешанная комиссия и признала, что договор между корейцами и Хао Юн-дэ не имеет законной силы и что прорытие канала и устройство плотины на реке Штун грозят наводнением и затоплением огромного пространства пахотной земли на территории Манчжурии, японский консул с этим не согласился, указав, что если будет наводнение, то корейцы найдут возможность отвести воду с полей. Под охраной японской полиции корейцы приступили к работе. К месту инцидента в Корею начали стягиваться полицейские силы. 23 июня китайские мест-

ные власти на основании сообщения крестьян указали японскому консулу, что в результате производимых корейцами работ затоплена огромная площадь земли на расстоянии 1,5 миль от реки. 26 июня консул ответил, что необходимо дать возможность корейцам закончить сооружение плотины, а потом начать изучать вопрос о том, может ли плотина действительно послужить причиной наводнения. 1 июля около 400 китайских крестьян заняло часть канала. На место инцидента было выслано 25 японских полицейских. 2 июля японская полиция открыла огонь по китайцам.

Этот спровоцированный Японией инцидент японская военщина решила сделать началом вооруженного похода на Манчжурию. Газета «Нидзи-ничи» от 3 июля писала: «Министр иностранных дел еще не получил подробного сообщения об инциденте, но, предвидя возможные осложнения, он еще раньше дал японским консулам в Гирине, Мукдене и Чань-чуне инструкции, предоставляющие им значительную свободу действия. Политически этот инцидент является весьма важным, затрагивающим авторитет Японии».

Японцы решили учинить погром китайского населения на всей территории Кореи, натравив на них корейцев. 3 июля началось выступление против китайцев в Сеуле (столица Кореи); 5, 6, 7 июля выступления прокатились по всей Кореи. Китайцев убивали, грабили их имущество, разрушали их жилища. Особенно сильные

погромы произошли в Хейтзе, где, даже по японским, явно преуменьшенным сообщениям, было убито 44 китайца и ранено 82¹.

По далеко не полным сведениям, которые дают японские источники, всего по всей Корее было убито 142 человека, ранено 546 человек и пропал без вести 91 человек. Материальные убытки исчислялись японцами в 4 миллиона иен.

Под шумок этой провокации японский генштаб двинул свои войска на материк. 7 июля Сигемизу сделал официальное заявление: «Слухи, будто бы Япония отправила войска в Гиринскую провинцию, являются совершенно необоснованными»². А в это же самое время Япония начала переброску своих войск в направлении к границе Манчжурии. В оправдание этой переброски японское правительство устами одного из своих военных лидеров заявило: «После того как пятилетка будет выполнена, Россия будет угрожать Японии. Этот факт считается одним из основных мотивов для перемещения одной дивизии в Корею»³.

Эта клевета на СССР лишь вскрывает тот бесспорный факт, что Япония концентрировала и концентрирует свои силы в Корее для провокации войны против СССР. Однако на этот раз непосредственный удар был направлен против Китая и имел своей целью захват Манчжурии.

Японская фашистская клика хорошо понимала, что буржуазные демократические страны и в первую очередь Англия, Франция и Америка не выступят против авантюры Японии в Манчжурии. Японцы знали, что правящие круги этих стран постараются не вмешиваться в конфликт, будучи занятыми своими внутренними вопросами в связи с экономическим кризисом, а если даже и вмешаются, то лишь для успокоения общественного мнения, а вовсе не для помехи агрессору.

Товарищ Сталин следующим образом охарактеризовал сущность политики невмешательства: «В политике невмешательства сквозит стремление, желание — не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать, скажем, Японии впутаться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втрихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно

ослабнут,—выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, «в интересах мира», и предиктовать «ослабевшим участникам войны свои условия»⁴.

Хотя некоторым японским фашистам по генерального штаба очень хотелось начать провокацию против Советского Союза и хотя было ясно, что в этом случае они встретили бы полное сочувствие, если не прямую поддержку со стороны других капиталистических стран, но японские самураи вынуждены были считаться с силой Советского Союза и его Красной Армии. Они учитывали, что в случае нападения на Советский Союз Красная Армия достойно ответит японским агрессорам. Поэтому, не отказываясь от своих планов нападения на Советский Союз в будущем, они решили бросить силы на захват Манчжурии, рассчитывая, что «необъединенный» Китай не сумеет оказать серьезного сопротивления. Японцы надеялись также на помощь прояпонских группировок, которые всю свою силу направляли на борьбу с китайской красной армией, не принимая никаких контрмер против готевящегося вторжения Японии в Манчжурию. Кроме того японцы хорошо знали о слабости китайской правительственной армии, истощенной неоднократными походами против китайской красной армии, о том, что китайская армия не имеет единого командования.

Вторым спровоцированным инцидентом, вокруг которого была поднята разнузданная антикитайская кампания, было дело японского шпиона капитана Накамура. Капитан Накамура, офицер японского генерального штаба, под видом агронома был послан в Манчжурию со шпионскими целями. Несмотря на предупреждение китайских властей о том, что поездка в районы Внутренней Монголии, где происходили вооруженные крестьянские восстания, небезопасна, шпион Накамура вместе со своим агентом из монголов и русским белогвардейцем направился туда. По дороге этот «агроном», имевший при себе военное топографические карты, оружие и большое количество «необходимых ему медикаментов», среди которых почетное место занимали наркотики, был убит. Японцы не скрывали подлинного лица капитана Накамура и цели его поездки, но это ничуть не мешало японской военщине начать нажим на свое правительство, требуя войны. Нужно отметить, что на японское правительство особенно нажимать не приходилось. Кабинет Вакацуки самым усерд-

¹ Из заявления министра колоний Хара на заседании японского кабинета 7 июля 1931 года. Опубликовано в газете «Асахи» от 8 июля 1931 года.

² «Ници-ници» от 11 июля 1931 года.

³ Там же.

⁴ И. Сталин. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 13.

Антияпонский рабочий митинг. Шанхай, 1931 год.

Музей революции СССР.

ным образом готовился к нападению на Китай.

В отчете военного министра Минами на конференции командиров дивизий, состоявшейся в первых числах августа, говорилось, что он «предупредил своих подчиненных о необходимости быть готовыми против начинающегося движения в Манчжурии»¹.

Хотя было совершенно точно показано, что капитан Накамура являлся японским шпионом и диверсантом, однако Китай, учитывая напряженность обстановки, пошел на мирное улаживание и этой японской провокации. Но Япония не была заинтересована в мирном разрешении «конфликта». Уже 2 сентября газета «Асахи» писала, что «в случае если дипломатические переговоры не будут протекать нормально, военное ведомство намерено принять на себя разрешение вопроса».

Под «нормальными дипломатическими переговорами» японские фашисты понимали полную капитуляцию Китая, решение всех «300 неразрешенных вопросов», полное обеспечение «японских прав и интересов в Китае». По поводу этих «прав и интересов» комиссия Литтона, посланная в соответствии Ангой наций, говорила: «Длинный список японских прав ясно показывает исключительный характер поли-

тических, экономических и юридических отношений, создавшихся между этой страной (Японией) и Китаем в Манчжурии. Вероятно, нигде в мире не найти точной параллели такому положению; нигде в мире нельзя найти примера, чтобы одно государство пользовалось настолько широкими экономическими и административными привилегиями на территории своего соседа»².

Государственный секретарь (министр иностранных дел) США Стимсон, при попустительстве которого и произошел захват Манчжурии Японией, заявил, что «Япония всегда боролась за свои привилегии в Манчжурии; однако природа этих привилегий никогда ясно не была определена и не получила международного признания»³.

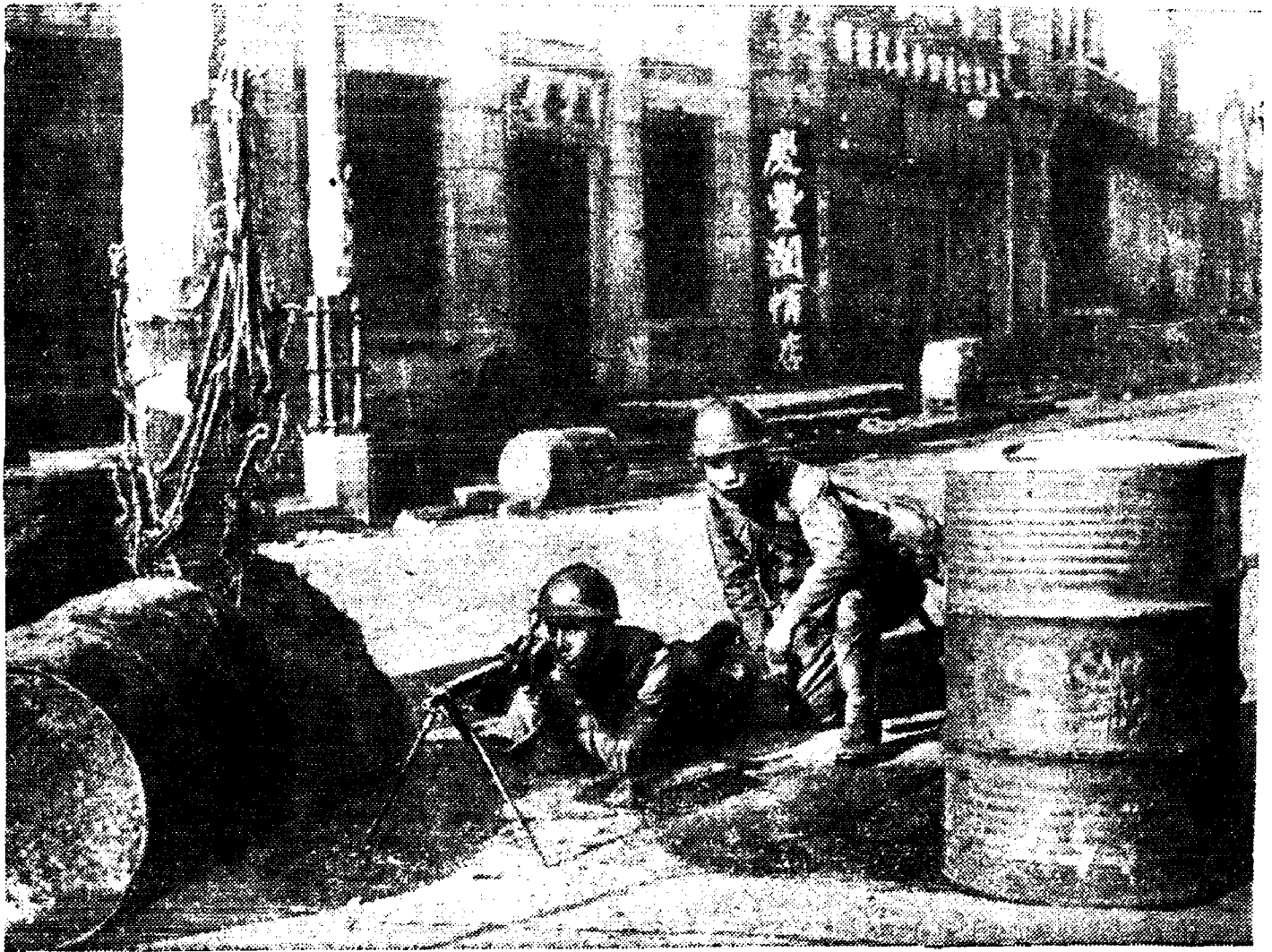
Уже 5 сентября газеты сообщали на основании сведений «из достоверных источников», что военное министерство Японии сообщило министру иностранных дел о своем распоряжении штабу квантунской армии ввести мобилизацию и устройство военной демонстрации. «Если же это (демонстрация и тому подобные мероприятия. — И. П.) не поможет, в качестве последней меры будет применена военная сила»⁴.

² Цит. по книге Генри Л. Стимсона «Дальневосточный кризис», стр. 13. Соцэкгиз, 1933.

³ Там же, стр. 19.

⁴ «Адвертайзер» от 5 сентября 1931 года.

¹ «Дзю дзи» от 5 августа 1931 года.

Японский пулеметный пост на одной из главных улиц Мукдена. Манчжурия. 1931 год. Музей революции СССР.

Передовая статья газеты «Нихон» от 8 сентября 1931 года вышла под заголовком «Второе сараевское событие».

3

10 сентября в Токио были вызваны известный японский шпион и диверсант Дойхара, а также члены штаба квантунской армии и был во всех деталях разработан вопрос о проведении военного нападения на Китай с целью отторжения Манчжурии.

Таким образом, начало военных действий не только не было неожиданным, но подготовка к нему велась на протяжении почти целого года на глазах всех стран Европы и Америки, которые потворствовали агрессору, имея своей тайной целью столкнуть Японию и СССР.

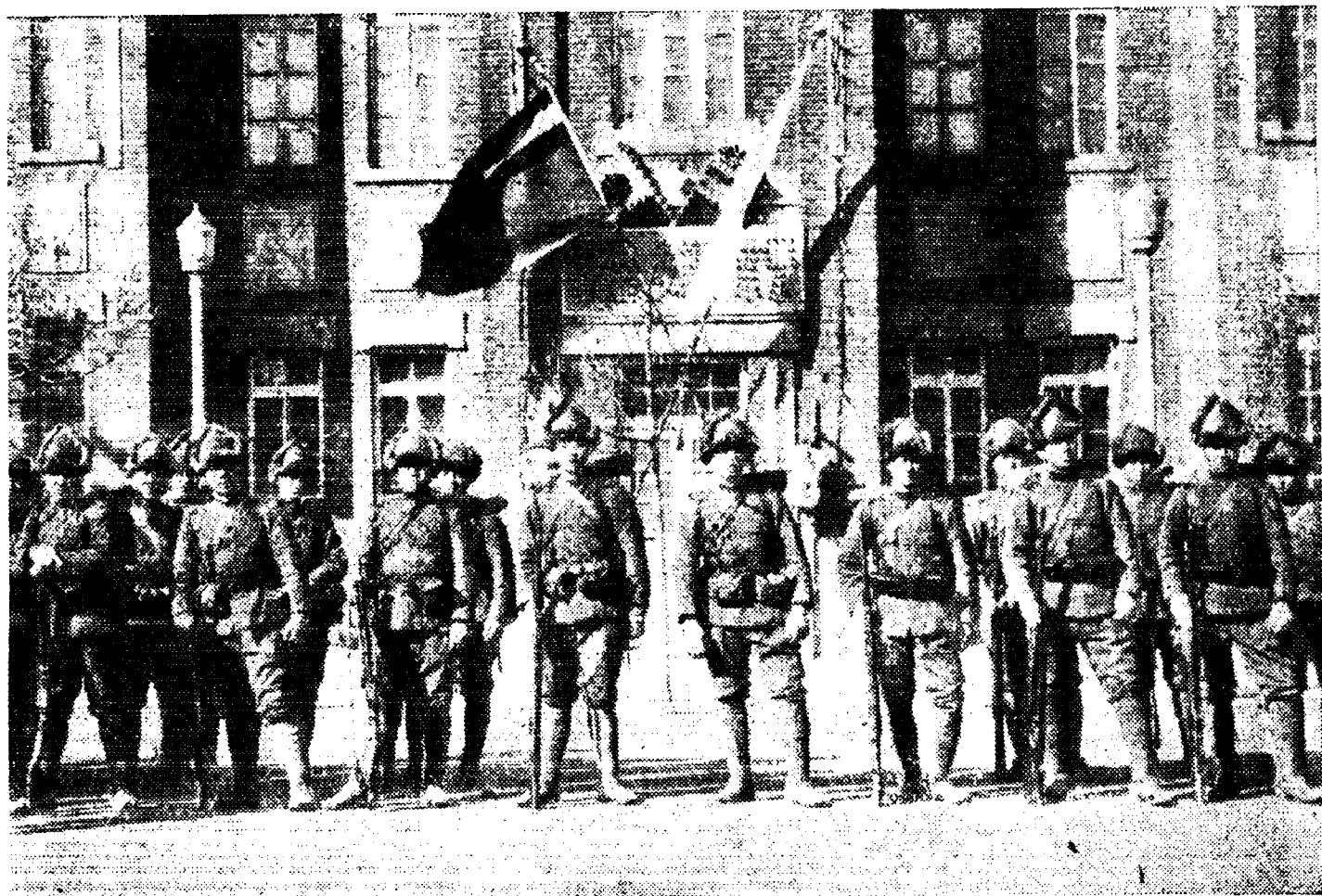
Взорным и смехотворным является объяснение Японии, что военные действия в ночь с 18 на 19 сентября начались якобы в связи с тем, что в эту ночь китайскими солдатами был произведен взрыв железнодорожного моста на линии Чаньчунь—Мукден. Поезд, следовавший по линии Чаньчунь—Мукден, прошел через этот «взорванный» мост через несколько минут после «взрыва» и прибыл в Мукден точно по расписанию. Ответственность за

несуществовавшее преступление была возложена на китайскую армию.

В ночь с 18 на 19 сентября война началась. Дальнейшее развертывание событий говорит о том, что план захвата Манчжурии был тщательно подготовлен и разработан японским командованием.

19 сентября, около 6 часов утра, японские войска, не встречая сопротивления со стороны войск Чжан Сюэ-яна, который приказал своим войскам строго выполнять директиву нанкинского правительства и ни в коем случае не оказывать вооруженного сопротивления японским войскам, заняли Мукден и разоружили 6 тысяч солдат китайской регулярной армии и 5 тысяч китайских полицейских. Того же, 19 сентября командующий японской квантунской армией генерал Хондзю отдал приказ о переброске японских войск из Кореи в Манчжурию и о переводе флота, находившегося в Порт-Артуре, в Пинкоу. В первых числах октября генерал Хондзю публично заявил, что Япония не признает правительства маршала Чжан Сюэ-яна и не прекратит военных действий до тех пор, пока маршал Чжан Сюэ-ян не будет изгнан из Манчжурии.

Вслед за Мукденом японская армия захватила Чаньчунь, Гиринь, Харбин и всю территорию Манчжурии, за исключением

Японские солдаты охраняют одно из учреждений правительства Манчжоу-Го в Чаньчуне.
Фотохроника ТАСС.

тех районов, где японским войскам оказывал энергичное сопротивление манчжурские партизаны.

Во второй половине октября японские войска начали наступление на Цицикар, главный город провинции Хейлуцзян, самой северной провинции Манчжурии. Этот район расположен на несколько сот километров севернее зон, прилегающих к ЮМЖД, и не имел никакого отношения к договорным районам, защиту которых якобы преследовала Япония в своих военных действиях.

В ноябре 1931 года Япония начала наступление на Цзиньчжоу, город, находящийся на границе с Северным Китаем, куда была перенесена штабквартира китайской армии после захвата японцами Мукдена.

3 января 1932 года Цзиньчжоу был захвачен, и с этого времени Япония стала полновластным хозяином в Манчжурии.

Все эти захваты были произведены несмотря на то, что Япония в 1922 году в Вашингтоне подписала «Договор девяти держав», первый параграф первой статьи которого указывал, что договаривающиеся державы согласны «уважать суверенитет, независимость и территориальную и административную целостность Китая», а четвертый параграф устанавливал, что державы обязуются «воздерживаться от использования существующей ныне в

Китае обстановки в целях искажения специальных прав и преимуществ...»¹.

Уже с первых дней нападения на Манчжурию Япония начала доказывать, что Манчжурия—это не Китай, а лишь продолжение Кореи, что это—не государство, а лишь географическое понятие. Так например газета «Нихон» от 25 сентября 1931 года в передовой писала: «Характерные черты для Манчжурии можно видеть в Корее, представляющей собой географическое продолжение Манчжурии. Исторически Корея никогда не была совершенно независимым государством и никогда не была совершенно подчинена. Другими словами, Корея всегда находилась под влиянием какого-нибудь другого государства. Так обстоит дело и в Манчжурии. Почти не было такого времени, чтобы спокойствие в Манчжурии полностью охранялось устойчивой государственной системой. Таковы факты истории».

Обе стороны, то есть и Китай и Япония, являлись в то время членами Лиги наций. Китай обратился к Лиге наций по поводу нападения Японии на китайскую территорию. 28 сентября совет Лиги с согласия китайского правительства решил послать для обследования положения на месте комиссию, а 30 сентября была принята резолюция совета Лиги, с которой

¹ Цит. по книге Генри Л. Стимсона «Дальневосточный кризис», стр. 178. Соцэкиз. 1938.

Бойцы антияпонского партизанского отряда в Манчжурии.

Музей революции СССР.

был согласен и представитель Японии. В резолюции отмечались:

«1) Отказ Японии от планов территориальных захватов в Манчжурии.

2) Обещание Японии продолжать отвод войск в район железнодорожной зоны, где пребывание их вполне законно, «с наибольшей быстротой», соответственно тому, в какой мере будет эффективно обеспечена жизнь и собственность японских граждан».

Однако эта резолюция, как и резолюции, вынесенные позже, как и договор десяти держав и ряд других официальных документов, подписанных японскими агрессорами, рассматривалась японцами как ничего не обязывающая бумажка, которую подписывают вовсе не для того, чтобы ее выполнять, а лишь для того, чтобы дать своим сторонникам в неагрессивных странах материал для обмана общественного мнения.

В связи с явным нарушением японцами своих заявлений Лига наций вынуждена была 24 октября и 10 декабря опять напомнить Японии о ее обещании. Япония оставила это напоминание без всякого внимания, заявив, что она не может отозвать свои войска ввиду близости китайских войск. На самом же деле китайцы отвели свои войска, а японские войска двинулись вслед за китайскими, так что расстояние между армиями действительно не сокращалось.

Несмотря на все препятствия, чинимые

японцами вылезенной Лигой наций комиссией, возглавляемой Литтоном, факты провокационной и разбойничьей политики Японии были настолько очевидны, что комиссия не могла не признать Японию агрессором.

Япония, конечно, не принимала всерьез резолюций и посланий Лиги наций, так как она хорошо знала, что никаких действительных мер Лига наций не предпримет.

С первых же дней своего нападения на Манчжурию Япония начала работу по созданию «независимого» манчжурского государства. 25 сентября 1931 года в официальном японском органе «Manchuria Daily News» сообщалось, что главнокомандующий японских войск генерал Хонзио создал комитет из 10 человек по восстановлению порядка в Манчжурии. Председателем комитета был назначен известный японский разведчик полковник Дэйхара. Остальные 9 членов комитета были простыми пешками в руках японской военной. Этот комитет и приступил к «самоопределению» Манчжурии.

Через 3 дня после создания комитета японская газета «Ниппони-яппи» возвестила миру, что «выдвигается план создания независимого правительства в Манчжурии и Монголии»¹.

4 октября командующий оккупационной армией в Манчжурии заявил, что он будет всячески содействовать «объединению всей

¹ «Ниппони-яппи» от 28 сентября 1931 года.

Манчжурии и Монголии» для «укрепления вечного мира на Востоке»¹.

Это заявление получило широкий отклик в японской прессе, прямо говорившей о марионеточном правительстве, которое замыслила создать Япония. Так например газета «Нихон» от 8 октября 1931 года в передовой писала: «Сообщают, что руководители военных кругов одобрили заявление командующего и решили поддержать позицию квантунских войск в вопросе об установлении новой власти в Манчжурии. Имеется немало людей, которые, сочувствуя старанию военных лидеров на месте, выражают согласие с их решительностью, так как желание возможно скорее построить рай для 30 миллионов населения Манчжурии и Монголии является желанием не только военных, но и большинства японского народа. Трудно предугадывать, какая политическая система и какая верховная власть будут избраны в воссозданной Манчжурии и Монголии, вероятно, это движение проявится в форме поддержания наследника бывшего императора Китая. Такое восстановление Манчжуро-монгольской монархии является самой ортодоксальной и самой естественной формой разрешения нынешнего положения в Манчжурии и Монголии».

18 февраля 1932 года было опубликовано сообщение о создании Манчжоу-Го, а 9 марта 1932 года Пу И, изгнанный из Китая последний император Манчжурской династии, послушная марионетка в руках японской военщины, вступил в исполнение обязанностей «правителя»; через год он получил от своих хозяев титул «императора»².

21 августа 1932 года комиссия Лиги наций закончила свою работу, и 28 ноября ее доклад был передан на обсуждение Лиги наций. Не дожидаясь обсуждения доклада, 15 сентября 1932 года Япония признала «независимое» государство Манчжоу-Го и заключила с ним союзный договор, который предусматривал оставление японских войск на территории Манчжурии.

На следующий же день после захвата Манчжурии японская военщина начала проводить в жизнь свой план по превращению Манчжурии в военно-стратегический плацдарм для новых авантюр против

¹ См. Е. Коровин «Япония и международное право», стр. 136. Соцэкгиз, 1936.

² Пу И родился в 1906 году. Вступил на китайский престол под регентством своего отца в 1908 году и в связи с революцией в Китае вынужден был «отказаться» от престола в 1912 году. 5 ноября 1924 года лишен императорского титула и удален из дворца. 29 ноября 1924 года убежал в здание японского посольства в Пекине. С тех пор — игрушка в руках японской военщины.

Китая, Монгольской народной республики и СССР. Вся экономическая политика Японии в Манчжурии подчинена подготовке так называемой «большой войны», то есть нападение на Советский Союз.

4

Грабительская колониальная политика японского империализма началась с экспроприации земель у манчжурского трудового крестьянства. Конфискация земли производилась прежде всего для нужд военного строительства. В качестве бесплатной рабочей силы на военное строительство японские империалисты сгоняли крестьян из окружающих районов.

Подавляющее большинство административно-правительственного аппарата в Манчжурии составляют японцы. Даже по японским официальным данным, в правительственном аппарате Манчжурии — из 5700 чиновников среднего звена — 3250 японцев. Во всем аппарате, сверху донизу, японцы либо возглавляют аппарат либо состоят советниками, которым подчиняются все чиновники учреждения. Нечего и говорить, что чиновники из местного населения также соответствующим образом подбираются из желательных для японских агрессоров элементов.

Для «освоения» Манчжурии и в целях создания там опорных точек колониального режима японские империалисты решили организовать на территории Манчжурии ряд военных поселений из числа японских резервистов. По плану японского правительства, в Манчжурию предполагалось переселить 5 миллионов человек за двадцать лет.

Для этих военных поселений японцы отнимают лучшие земли у манчжурских крестьян. Японские империалисты затрачивают на осуществление своих планов значительные суммы, однако вследствие упорной борьбы населения Манчжурии с такими «переселенцами» планы японской военщины проваливаются. Журнал «Manchurian Economic Review» № 8 за 1937 год пишет: «В ноябре 1932 года первая партия колонистов прибыла в Цзямусы и состояла из солдат-резервистов в количестве 492 человек. Для этой партии была отведена земля в 55 километрах к юго-востоку от Цзямусы. Японское поселение называлось Ясака Мура. Общая площадь земли составляла 45 тысяч га (25 тысяч га — лес и 20 тысяч га — поле). Земля по своему качеству очень хорошая». Далее говорится, что в течение первых двух лет произошло 10 столкновений с партизанами. Журнал сообщает, что «враги подкарауливали поселенцев на каждом ша-

гу», нельзя было выйти в лес или поле. В результате 30 колоннетов было убито, а 180 убежало. Осталось около 50% первоначального состава.

Само собой разумеется, что все военные расходы покрываются за счет громадных налогов, взимаемых с японских трудящихся масс, и за счет колониального грабежа манчжурского народа. Налоговое бремя со времени оккупации Манчжурии возросло более чем в 2 раза. Манчжурский трудящийся должен платить 18 видов налогов, признанных государственными: угольный налог, налог с производимой налогоплательщиком продукции, военный налог, налог с оседлости, табачный налог, налог с потребления, соляной налог, земельный налог и т. д. Кроме того существуют еще и местные налоги: налоги с повозок, налоги с развлечений и т. д. Даже по официальным данным, налоги в Манчжурии значительно увеличились: налоговые поступления в 1933—1934 годах составляли 37 392 250 гоби, а в 1936 году — 53 148 тысяч гоби. Налоги растут с каждым годом; в особенности этот рост ошутителен с начала японо-китайской войны.

Даже унифицированная манчжурская пресса не в состоянии скрыть ужасающего голода среди манчжурских трудящихся масс. Газета «Мансю Ниппо» от 11 июня 1935 года прямо писала: «Вся обширная равнина Гириньской провинции в конце концов превратилась в сплошной ад, на который нельзя смотреть без ужаса. Крестьяне с детьми на спинах бродят целыми толпами... В 6-м округе они ели все побеги травы и вынуждены уходить за 8 километров, чтобы собирать съедобные травы. Многие из них падают и тут же умирают». А вот заявление манчжурской печати: «В районе уезда Паньши, Фынтянской провинции, 120 тысяч человек голодают в буквальном смысле этого слова»¹.

Количество таких примеров можно было бы увеличить в несколько десятков раз.

Нечего и говорить, что манчжурские трудящиеся массы не пользуются никакими политическими правами. Население Манчжурии находится под гнетом японской

военщины. Японцы уничтожают китайскую литературу, принуждают изучать в школе японский язык, всячески подавляют дальнейшее проявление национальной культуры.

Естественно, что манчжурский трудящийся народ борется с японскими оккупантами, организуя партизанские отряды и пополняя ряды вновь созданной 12-й партизанской армии, которая входит в состав объединенной антияпонской армии Манчжурии. Известный руководитель партизан в Манчжурии генерал Ли Ду заявил, что за последние 3 месяца 1938 года партизаны совершили около 300 крупных и мелких налетов на японские части. Японцы в ноябре 1938 года вынуждены были бросить 20 тысяч человек против партизан в провинции Хэбэй. Почти каждый день газеты сообщают о переходе на сторону китайской армии вооруженных частей, которые были сформированы под японским командованием с целью борьбы против китайского народа. Японские агрессоры содержат в Манчжурии армию в 400 тысяч человек, и одна из задач этой почти полумиллионной армии — «железом и кровью» держать в повиновении завоеванные, но не побежденные массы Кореи и Манчжурии.

Лозунг китайской компартии «Единый национальный антияпонский фронт» находит широкий отклик в сердцах трудящихся масс Манчжурии. Манчжурский народ на стороне китайского национального правительства. Все это лишний раз подтверждает сказанное в «Кратком курсе истории ВКП(б)»: «Конечно, героическая борьба китайского народа и его армии против японских захватчиков, громадный национальный подъем в Китае, колоссальные резервы людей и территории в Китае, наконец, решимость китайского национального правительства довести освободительную борьбу Китая до конца, до полного изгнания захватчиков из пределов Китая,— все это с несомненностью говорит за то, что у японских империалистов нет и не может быть будущего в Китае»².

¹ «Мансю ниппо» от 28 февраля 1936 года.

² «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 318.

АМЕРИКА И ЯПОНИЯ В БОРЬБЕ ЗА ТИХИЙ ОКЕАН

Из всех империалистических противоречий на Тихом океане наиболее глубокими и непримиримыми являются противоречия между Японией и Соединенными штатами Америки.

Характеризуя взаимоотношения этих двух стран, Ленин писал: «...перед нами растущий конфликт, растущее столкновение Америки и Японии, — ибо из-за Тихого океана и обладания его побережьями уже многие десятилетия идет упорнейшая борьба между Японией и Америкой, и вся дипломатическая, экономическая, торговая история, касающаяся Тихого океана и его побережий, вся она полна совершенно определенных указаний на то, как это столкновение растет и делает войну между Америкой и Японией неизбежной»¹.

1

Начало торговых взаимоотношений между Америкой и Китаем относится ко времени окончания войны за независимость США (1783 год). В конце XVIII века в Америке насчитывалось не более двух — трех человек, которым пришлось побывать в Восточной Азии. Во всей стране не было и десятка людей, имевших сколько-нибудь достоверные сведения о том, что представляют собой страны, расположенные в западной части Тихого океана. Неизвестно даже, откуда американцы достали карты этой части света, которыми они руководились в своих первых плаваниях к берегам Китая. Ко времени окончания войны с Англией за свою независимость США занимали лишь незначительную часть нынешней своей территории — узкую полосу земли вдоль побережья Атлантического океана. Население всей страны не превышало тогда трех миллионов человек. США были отделены от тихоокеанского побережья тысячами километров так называемых «длких», неосвоенных земель. Нью-Йорк, Бостон и Балтимора были в те времена небольшими торговыми городами и находились вдалеке от прямого пути на Дальний Восток. Все же, несмотря на отдаленность, США довольно рано начали торговлю с Китаем.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 7.

Известным стимулом для этой торговли послужила экономическая отсталость тогдашней Америки. США представляли собой аграрную страну со слабо развитой промышленностью и в значительной степени зависели от заграничных рынков и торговли. В тот период США ввозили из Китая некоторые сорта хлопчатобумажных тканей, чай, шолк, керамику, пряности. Главными статьями американского вывоза были меха, железо, свинец и лечебный корень женьшень. Южный Китай представлял большой спрос на американские меха. Торговля пушниной приносила огромные барыши американским купцам. Некоторые сорта мехов, стоивших в США 6 пенсов, продавались в Кантоне по 100 долларов за штуку. Стоимость мехов, вывезенных из Америки в Кантон за период с 1790 по 1830 год, равнялась 20 миллионам долларов — сумма по тем временам огромная².

Следует отметить, что в начале XIX века американцы занимались главным образом посреднической торговлей. Они покупали английские товары и затем перепродавали их Китаю. Посреднический характер торговли США объясняется тем, что Англия, пережив в конце XVIII века промышленный переворот, стала превращаться в «мастерскую всего мира», в то время как в Америке промышленность находилась еще в зачаточном состоянии. Тем не менее американцы вскоре превратились в серьезных конкурентов англичан в Китае. В 1825 году США ввезли в Китай товаров на сумму 5½ миллионов долларов, из них товаров американского происхождения — на 160 тысяч долларов. В 1838 году доля товаров американского происхождения возросла до 500 тысяч долларов и в 1844 году — до 2 миллионов долларов.

Паряду с англичанами американские купцы ввозили в Китай и опиум. До 1840 года американцы в среднем ввозили в Кантон свыше 10% всего прибывающего в Китай опиума. Запрещение китайским правительством ввоза опиума в страну послужило поводом для нападения Англии на Китай. В 1839 году началась так называемая первая опиумная война. Несмотря на

² Tyler Dennett «Americans in Eastern Asia», p. 12. New-York, 1922.

Нью-Йорк в начале XIX столетия.

то что американские купцы требовали от Конгресса США послать военную эскадру на Дальний Восток, для того чтобы вместе с англичанами принудить Китай открыть свои порты для торговли, правительство США отклонило эту просьбу. Этот отказ объясняется двумя причинами: во-первых, американцы не имели возможности послать эскадру на Дальний Восток ввиду слабости военного флота США; во-вторых, Америка хотела предоставить ведение этой войны одной Англии, с тем чтобы потом вместе с ней воспользоваться результатами этой войны. Так оно потом и случилось.

После поражения в войне с Англией Китай вынужден был, по нанкинскому договору (1842 год), открыть для иностранной торговли пять портов, в том числе Кантон и Шанхай. Американцы, оставаясь «нейтральными» и не произведя ни одного выстрела, воспользовались всеми выгодами нанкинского договора и сумели прочно обосноваться во вновь открытых китайских портах и в особенности в Шанхае.

После первой и второй опиумной войны (1856 год) торговая и политическая деятельность США и Англии на Дальнем Востоке необычайно усилилась. Это объясняется тем, что 50 и 60-е годы прошлого века были периодом быстрого развития промышленности и путей сообщения в ряде стран Европы и в США. В это время широкое распространение получили усовершенствованные машины, железные дороги, телеграф. Вместо парусных судов появились быстроходные пароходы. Средства сообщения и связи стали значительно бы-

стрее и дешевле. Путь от Нью-Йорка до Шанхая можно было проделать за 1 месяц вместо прежних 5 месяцев. В 1869 году был прорыт Суэцкий канал, сокративший расстояние между Европой и Дальним Востоком более чем в два раза (с 26 447 километров до 11 347 километров). Быстрым темпом шло в эти годы развитие капиталистической Америки, которая постепенно превращалась из страны аграрной в индустриально-аграрную. Движение американских переселенцев на Запад и открытие золотых россыпей в Калифорнии привели к быстрому заселению и освоению Тихоокеанского побережья Северной Америки. Крымская война (1853—1856 гг.), повлекшая за собой уход значительной части европейских судов с Дальнего Востока, сыграла на руку американцам. Сильно выросла американская торговля в Шанхае. В 1871 году было установлено телеграфное сообщение между Шанхаем, Лондоном и Сан-Франциско (США). Шанхай—крупнейший китайский порт—расположен ближе других к Тихоокеанскому побережью США, и через него проходила почти весь экспорт китайского шёлка и чая.

Развитие в 50-х годах XIX века американской торговли и судоходства на Дальнем Востоке впервые привело США в соприкосновение с Японией. После изгнания европейских миссионеров и купцов в первой половине XVII века отсталая, феодальная Япония на протяжении двухсот с лишним лет почти полностью была изолирована от внешнего мира. В 1853 году эскадра американских кораблей под командованием Пер-

ря вошла в Токпийский залив и под угрозой пушек заставила Японию открыть некоторые из своих портов для иностранной торговли. Это событие вместе с последующим буржуазным переворотом «Мейдзи» (1867 год) послужило переходным пунктом быстрого капиталистического развития Японии и ее последующего превращения в крупнейшего империалистического хищника на Тихом океане.

Успление экономического и политического проникновения иностранных капиталистов в Китай после открытия новых портов для внешней торговли, разорение местной кустарной промышленности под влиянием конкуренции дешевых иностранных товаров, не прекращающийся ввоз опиума — все это принесло неисчислимые бедствия китайскому народу.

Китайский народ далеко не безропотно переносил бедствия, обрушившиеся на него с приходом иноземных поработителей. Китайский народ не раз поднимал восстания против иностранных завоевателей и продажной Манчжурской династии. Крупнейшим из таких восстаний была тайпинская революция, всколыхнувшая миллионы китайских крестьян и охватившая большую часть страны в 50 и 60-х годах XIX века.

Тайпинское восстание продолжалось свыше 10 лет и было подавлено лишь с помощью иностранных наемных войск. За время этого восстания было убито и ранено свыше 20 миллионов человек, то есть почти столько же, сколько за время империалистической войны 1914—1918 годов! Маркс писал об итогах тайпинской революции: «Каковы бы ни были социальные причины, вызвавшие хронические восстания, продолжающиеся уже около 10 лет в Китае и теперь слившиеся в одной могучей революции, и какую бы религиозную, династическую или национальную форму они ни приняли, — самый этот взрыв был несомненно вызван английскими пушками, при помощи которых Англия заставила Китай ввозить к себе снотворное средство, называемое опиумом. Через британским оружием престиж манчжурской династии пал безвозвратно, исчезли суеверные мечты о вечности Небесной империи, нарушена была варварская и герметическая изоляция от цивилизованного мира, и положено было начало тем сношениям, которые с тех пор так быстро развивались, особенно под влиянием калифорнийского и австралийского золота»¹.

Тайпинское восстание и начавшаяся

вскоре после этого (1867 год) гражданская война в США между капиталистическим Севером и рабовладельческим Югом надолго отвлекли Америку от активного участия в дальневосточной политике и торговле. После окончания гражданской войны наступил период исключительно быстрого развития капитализма в США. Относительно быстрый рост промышленности и расширение внутреннего рынка оттеснили на второй план вопросы внешней политики и торговли, в том числе и в Китае. Торговля США с Китаем в период с 1860 по 1897 год упала с 3 до 2%. Если в 1860 году общий оборот американской торговли с Китаем оценивался в 22 472 тысячи долларов, то к 1890 годам эта цифра снизилась до 19 206 680 долларов².

В последней четверти XIX века на Дальнем Востоке появляется новый капиталистический хищник — Япония, быстро перенимавшая в готовом виде американскую и западноевропейскую технику, в особенности в области вооружений. Не освободившись еще от неравноправных договоров, Япония в 1873 году уже сама замышляет захват Кореи. В 70-х годах прошлого века Япония аннектирует принадлежавшие Китаю Ликейские острова и делает попытку захватить Формозу. Но военной клепке, уже в те времена пользовавшейся большим влиянием в правительстве, этого было недостаточно. Она требовала внешних авантюр, «настоящей» войны против Китая.

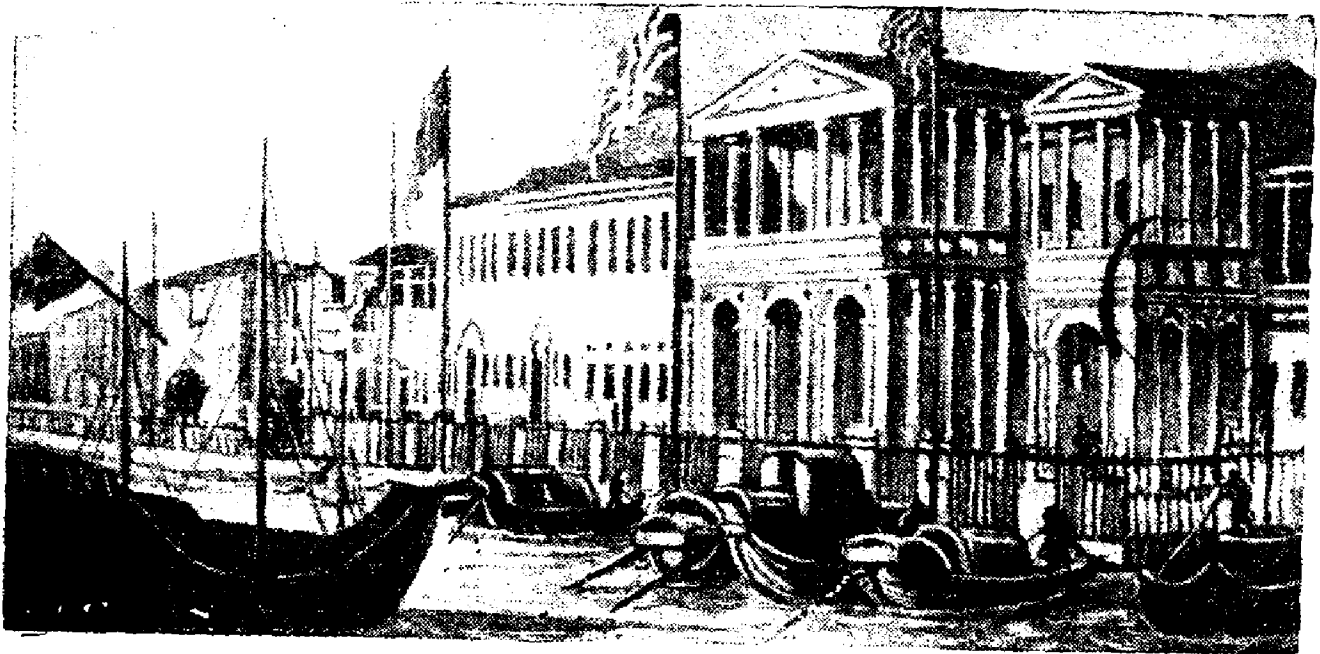
Уже в 1887 году в Японии появился знаменитый меморандум виконта Тани, в котором излагается программа агрессивной политики Японии на ближайшие десятилетия. В этом меморандуме указывается, что Япония должна максимально усилить свои вооружения «...и затем ожидать, когда европейские страны окажутся занятыми своими распрями, что должно случиться рано или поздно. Хотя Япония и не заинтересована непосредственно в европейских конфликтах, мы обязаны внимательно следить за ними, так как такого рода события окажут огромное влияние и на Дальний Восток... Мы можем использовать эти конфликты для того, чтобы превратиться в доминирующую державу на Востоке...»³.

В истории Японии последнее двадцатилетие прошлого века (1874—1894) совершенно лихорадочной подготовкой захватнической войны против Китая, интригами,

² Tyler Dennett. «Americans in Eastern Asia», p. 587. New-York. 1922.

³ H. Morse, H. Mac Nair «Far Eastern International Relations», p. 379. New-York. 1931.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. IX, стр. 311—312.

Иностранная фактория в Кантоне. Конец XVIII века.

угрозами, шантажом и подкупами в Корею в целях установления там японского господства.

2

Конец XIX века был поворотным пунктом мировой истории, периодом перехода капитализма в свою последнюю стадию — империализм. Эти годы ознаменовались усилением экономического закабаления Китая иностранными капиталистами, территориальными захватами и вооруженным грабежом Восточной Азии. В конце XIX века мир в основном уже был поделен между крупнейшими капиталистическими державами.

Ленин писал: «...характеристичной чертой рассматриваемого периода является окончательный раздел земли, окончательный не в том смысле, чтобы не возможен был передел, — напротив, переделы возможны и неизбежны, — а в том смысле, что колониальная политика капиталистических стран закончила захват незанятых земель на нашей планете. Мир впервые оказался уже поделенным, так что дальше предстоит лишь переделы, т. е. переход от одного «владельца» к другому, а не от бесхозяйственности к «хозяйству»¹.

Китай с его огромной территорией, природными богатствами и четырехсотмиллионным населением представлял огромный потенциальный рынок для иностранной торговли и капиталовложений. Вполне естественно, что именно в этот период между империалистическими государствами взорвалась ожесточенная борьба за Китай.

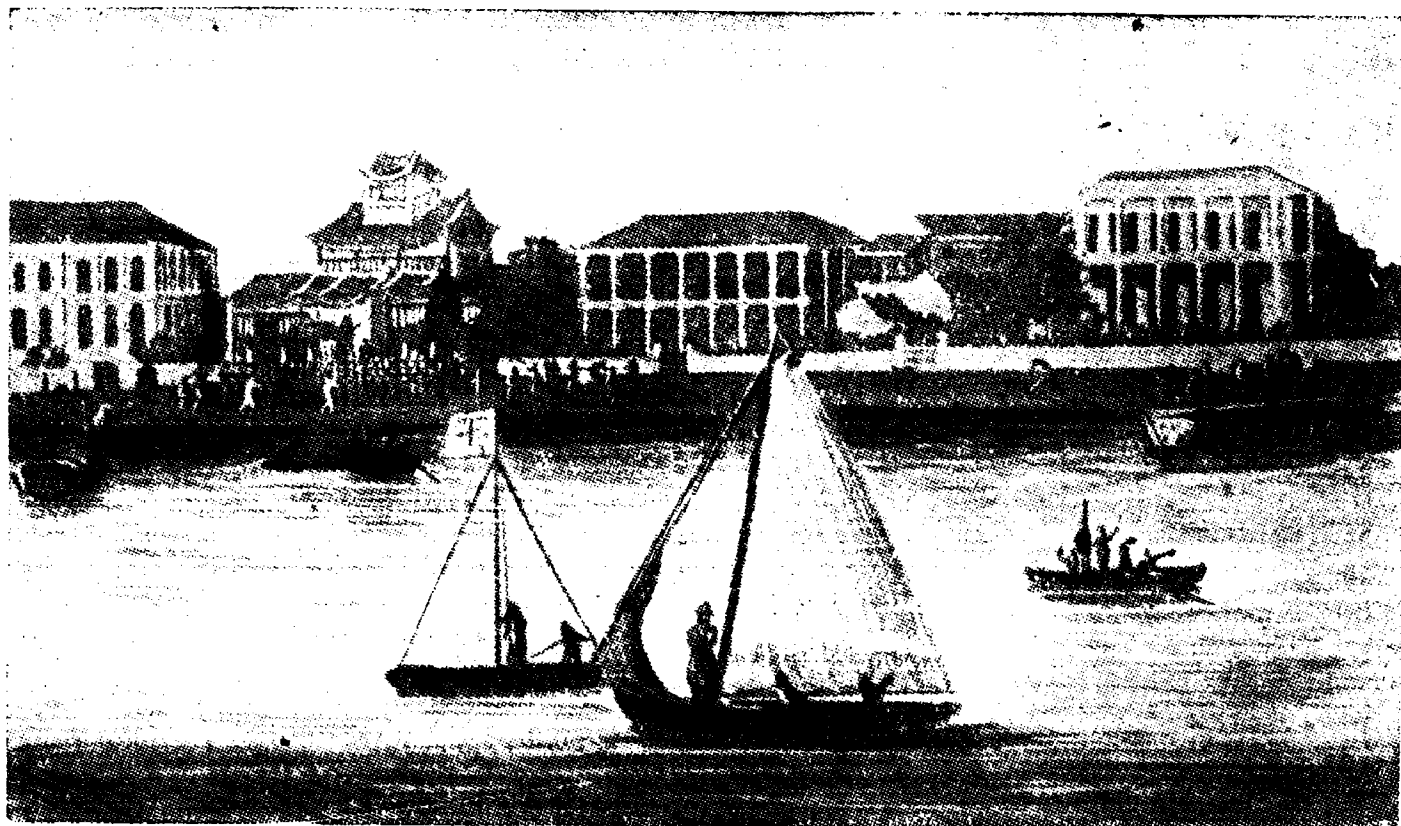
В. И. Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 132.

К концу XIX века коренным образом меняется и характер иностранной торговли с Китаем. Если в предшествующий период эта торговля сводилась главным образом к экспорту в Китай хлопчатобумажных тканей, то с ростом металлургической промышленности и с установлением тесной связи между тяжелой индустрией и банками положение дел изменилось. В погоне за сверхприбылью банки стремились к выгодному помещению своих капиталов за границей, а связанные с ними металлургические предприятия нуждались в рынках для своей продукции. Ленин писал: «Для старого капитализма, с полным господством свободной конкуренции, типичен был вывоз товаров. Для новейшего капитализма, с господством монополий, типичным стал вывоз капитала»².

В 90-х годах прошлого века в иностранном экспорте в Китай на первый план стали выдвигаться вывоз капитала, получение монопольных концессий и создание промышленности на месте. Отныне и политика большинства капиталистических держав в Китае руководствовалась не столько интересами текстильных фабрикантов, сколько интересами банкиров и магнатов тяжелой промышленности. Все эти перемены с неизбежностью вели к более агрессивной захватнической политике в Китае — политике территориальных захватов, создания монопольных «сфер влияния», концессий вместо политики свободной торговли и открытых дверей.

Для характеристики изменения структуры экспорта в Китай в конце XIX века приведем некоторые данные.

² Там же, стр. 119.

Набережная в Шанхае в середине XIX века.

В 1875 году стоимость английских машин, ввезенных в Китай, равнялась всего лишь 47 тысячам фунтов стерлингов, через двадцать лет, в 1895 году, цифра выросла уже до 295 тысяч фунтов стерлингов, а в 1910 году — до 526 тысяч фунтов стерлингов. В 1890 году в Шанхае англичанами была построена первая бумагопрядильная фабрика, а в 1900 году их уже было 17 с 566 тысячами веретен¹. Иностранный капитал укрепился также в железнодорожном и водном транспорте, металлургической и горной промышленности. На вопрос, что привлекало иностранные капиталы в Китай и другие колоннальные страны, мы находим исчерпывающий ответ у Ленина: «Пока капитализм остается капитализмом, избыток капитала обращается не на повышение уровня жизни масс в данной стране, ибо это было бы понижением прибыли капиталистов, а на повышение прибыли путем вывоза капитала за границу, в отсталые страны. В этих отсталых странах прибыль обычно высока, ибо капиталов мало, цена земли сравнительно невелика, заработная плата низка, сырые материалы дешевы»².

О быстром росте иностранных капиталовложений в Китае в конце XIX века свидетельствуют следующие цифры. Еще в 70-х годах XIX века вложения США в Китае равнялись 7 миллионам долларов, а Англии — 40 миллионам. К 1902 году Англия уже инвестировала в Китае 260,3

миллиона американских долларов, что составляет 33,0% всех иностранных капиталовложений в этой стране, Россия — 246,5, или 31,3%, Германия — 164,3, или 20,9%, Япония — 1,0, или 0,1%, Франция — 91,1, или 11,6%, и США — 19,7, или 2,5%. Усиленным темпом шло и железнодорожное строительство. К началу XX века Англии принадлежало 2800 миль железнодорожной сети в Китае, России — 1530, Германии — 720, Бельгии — 650, Франции — 420, США — 320.

Наряду с этим расширялись и концессии иностранных держав в Китае. Англия, Франция, Германия и Япония расширили свои концессии в Тяньцзинь, Амое (Гулансу), Фучжоу, Ханькоу. В 1899 году территория иностранных концессий в Шанхае увеличилась в четыре раза. В то же время Англия получила доступ в богатейший район Китая — Ухань — и захватила в свои руки контроль над всеми таможами Китая. Особенную остроту в этот период приобрела борьба империалистических держав за территориальный раздел Китая, начало которому положила Япония. В 1894 году Япония спровоцировала войну с Китаем, закончившуюся поражением последнего. По условиям симонсвекского мира (1895 год), Япония аннексировала Формозу и Пескадорские острова и получила 300 миллионов иен контрибуции, что равнялось трехлетнему бюджету Японии. Для того чтобы уплатить огромную контрибуцию, китайское правительство вынуждено было заключить ряд кабальных иностранных займов, что в свою очередь повело к дальнейшему порабощению Китая и еще большему обострению империалистических

¹ E. Burns «British Imperialism in China», p. 11. London. 1926.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 120.

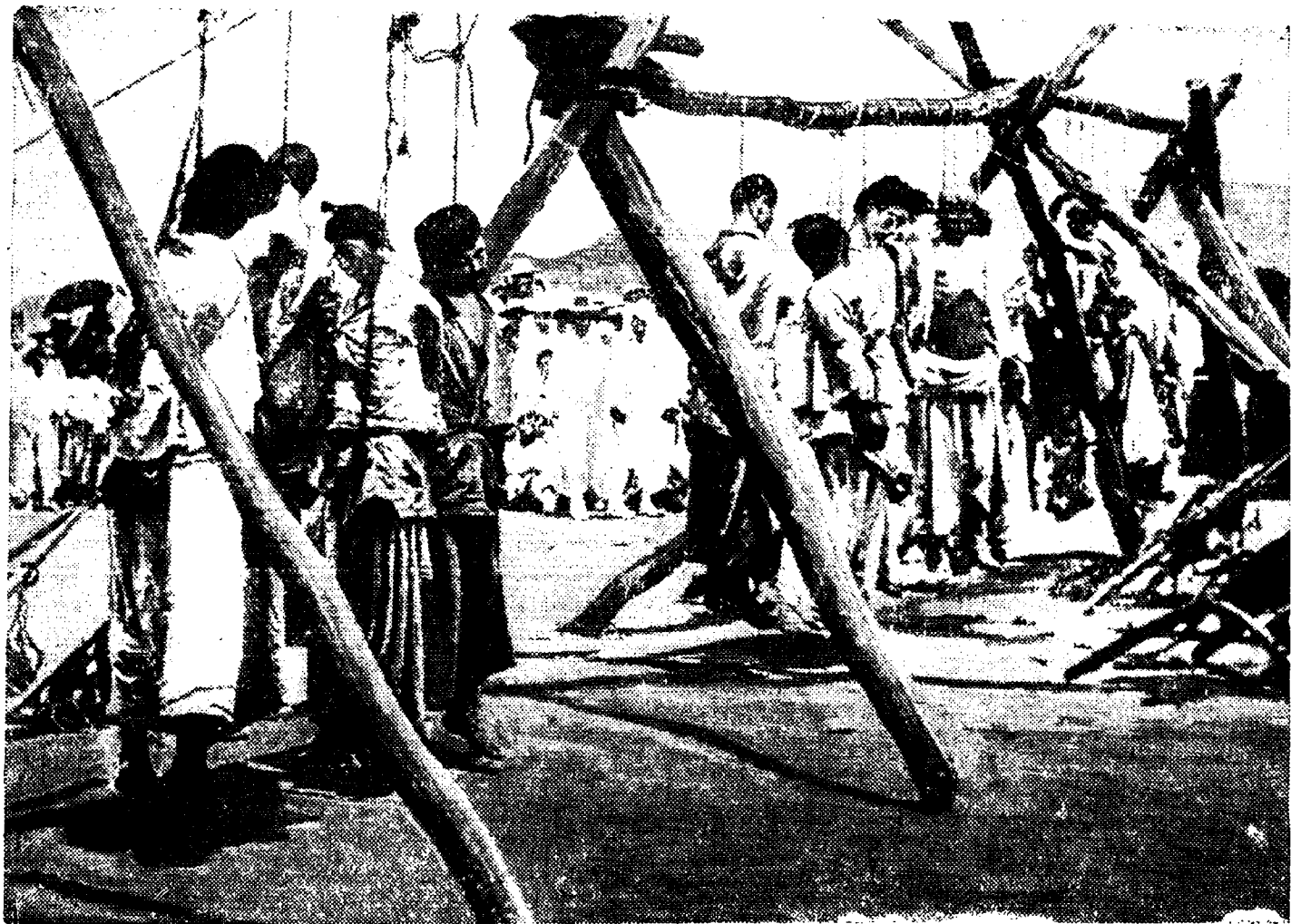
противоречий на Тихом океане. В конце прошлого и начале XX века Дальний Восток был главнейшим очагом военной опасности. На протяжении одного только десятилетия (1894—1904 годы) в Восточной Азии разыгралось четыре войны: японо-китайская — 1894—1895 годов, испано-американская — 1898—1899 годов из-за Вест-Индии и Филиппинских островов, война всех империалистических держав против Китая в 1900 году (Боксерское восстание) и, наконец, русско-японская война 1904—1905 годов. В сущности, все эти войны шли из-за доли в грабеже Китая. «Одно за другим, — писал Ленин, — европейские правительства так усердно принялись грабить, то бить «арендовать», китайские земли, что недаром поднялся толк о разделе Китая»¹.

Начавшийся раздел Китая не мог не встревожить США. Уже к концу XIX века Америка в экономическом отношении опередила Англию и вышла на первое место в мире. Временному отходу США от активного участия в дальневосточной политике и торговле в 70 и 80-х годах прошлого века пришел конец. К началу XX века по своей торговле с Китаем США заняли третье место после Англии и Японии, но американскому капитализму предстояло еще «наверстать» упущенные воз-

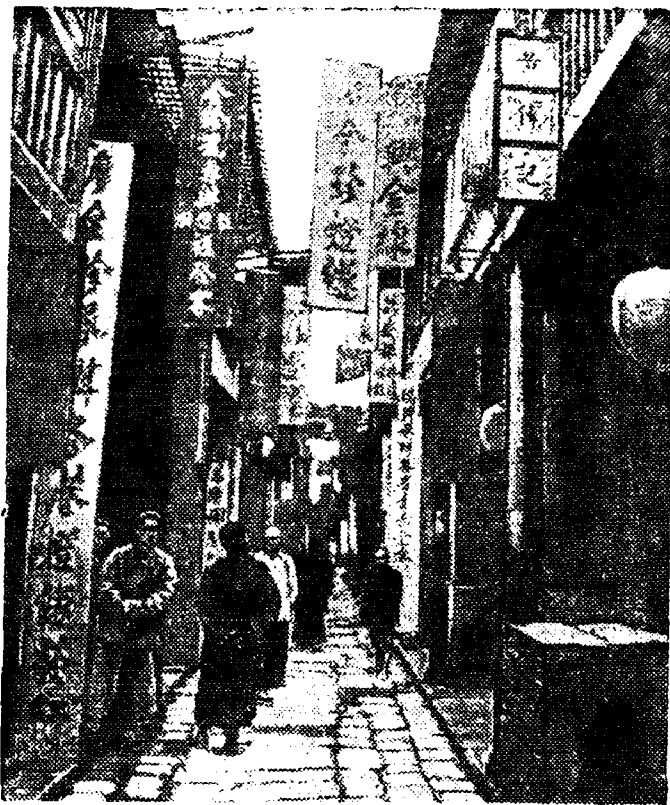
можности за предыдущие 25 лет: молодой американский капитализм домогался рынков сбыта и приложения капитала, домогался колоний.

Между тем мир к этому времени уже был поделен. Крупнейший потенциальный рынок мира — Китай — также стоял перед угрозой полного раздела между европейскими державами и Японией. Это не отвечало интересам США. Перед американским империализмом стояла задача — утвердиться на важнейших подступах к Восточной Азии, помешать захвату европейскими державами и Японией китайского рынка. В результате дипломатических комбинаций и войн США захватывают в период 1897—1899 годов Гавайские острова, Гуам и Филиппины. Колониальными владениями США, простиравшимися цепью по всему Тихому океану, стали своеобразным гигантским мостом, переброшенным из Америки в Азию. Эти территориальные приобретения значительно укрепили политические позиции США на Дальнем Востоке, но все же угроза превращения Китая в монопольную «сферу влияния» европейских держав и Японии продолжала существовать. Поэтому в 1899 году США обратились к Англии, Франции, Германии, России и др. с нотой, в которой предлагали последним установить политику «открытых дверей» и равных возможностей для всех стран в торговле и предприниматель-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. IV, стр. 61.

Безроства японских колонизаторов в Корее.

Улица в Кантоне. Конец XIX века.

ской деятельности в Китае. Вскоре к этой ноте была присовокуплена декларация, призывающая Англию, Россию, Японию, Германию и Францию к сохранению территориальной целостности Китая.

Но, несмотря на то что большинство держав дало формальное согласие придерживаться политики «открытых дверей», борьба за раздел Китая между крупнейшими империалистическими державами не прекращалась.

В конце XIX и начале XX века соперничество в Китае между Японией и Англией, с одной стороны, и царской Россией — с другой, приобрело особую остроту. Япония сознательно и планомерно готовилась к войне с Россией в течение целого десятилетия, но начать эту войну без союзников она не могла. Многочисленные факты говорят о том, что Япония систематически готовилась к захватнической войне на Дальнем Востоке. Об этом, в частности, свидетельствует статья одного из инициаторов англо-японского союза, посла Японии в Лондоне графа Хаяси, напечатанная в июльском номере журнала «Диззи Симпо» за 1895 год. В этой статье говорится: «В Англии все убеждены в том, что дальневосточный вопрос должен быть, в конечном счете, разрешен путем оружия. Однако стратегическое положение Англии на Дальнем Востоке не позволяет ей прибегнуть к разрешению этого вопроса вооруженным путем, поскольку исход борьбы будет решаться на суше, а не на море. Тем не менее, если бы Англия и Япония заключили союз, дальневосточные проблемы были бы урегулированы. Китай уже не является больше влиятельной державой на Дальнем Востоке, а Япония еще не стала таковой. Реальной силой на Дальнем Востоке является Англия, и если она войдет в соглашение с Японией, то приобретет еще большее влияние. Только Англия является сейчас решающим фактором на Дальнем Востоке, и вместе с Японией она будет в состоянии контролировать Китай»¹.

В 1902 году был заключен англо-японский союз, а в 1904 году вспыхнула русско-японская война. В этой войне правительство США оказывало поддержку Японии. В самом начале войны президент США Теодор Рузвельт уведомил Францию и Германию о том, что, в случае если они вмешаются в конфликт на стороне России, Америка выступит на помощь Японии. Несмотря на поддержку, оказываемую Японии, США были заинтересованы в ослаблении России, но не в ее разгроме. Политика США нашла свое яркое отражение в письме Рузвельта германскому послу (1905 год), в котором говорится: «Хотя для нас победа России была бы неоправданным ударом, однако и разгром ее, как восточноазиатской державы, также был бы, по моему мнению, несчастным обстоятельством. Лучше всего, чтобы она была оставлена лицом к лицу с Японией так, чтобы каждая имела сдерживающее влияние на другую»².

В войне с Японией царская Россия потерпела поражение. Но чрезмерное усиление Японии на Дальнем Востоке не входило в расчеты США.

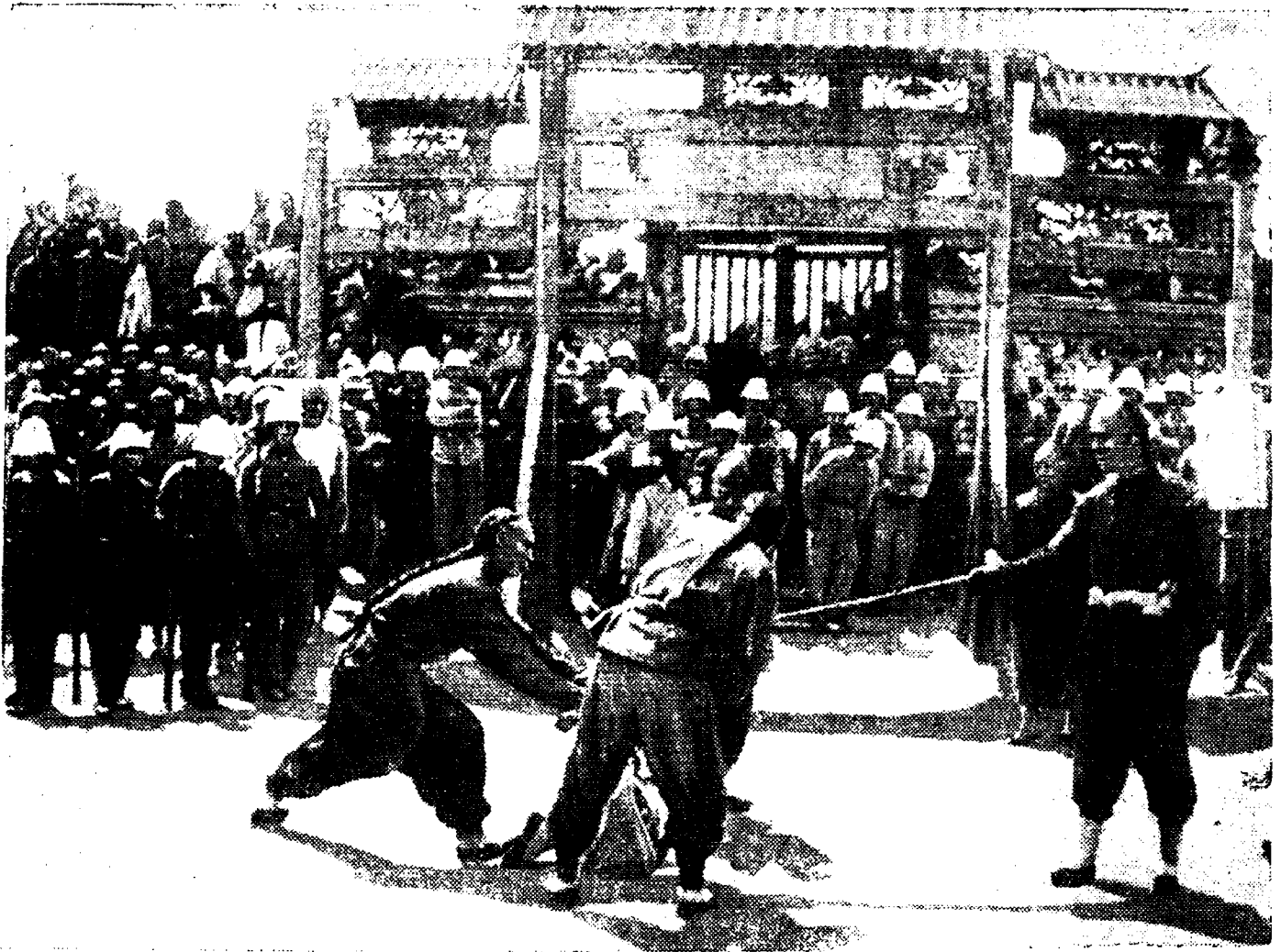
Япония воювала с царской Россией вовсе не для того, чтобы предоставить Манчжурию и Северный Китай в распоряжение американских капиталистов. Японцы отнюдь не собирались распространить на Манчжурию политику «открытых дверей», провозглашенную американцами. Формально двери в Манчжурию продолжали оставаться «открытыми», но, по образному выражению английского журналиста, в этих дверях столпилось столько японцев, что предпринимателям других стран невозможно было переступить через порог.

1905—1914 годы были заполнены ожесточенной борьбой между США и Японией за укрепление политических и экономических позиций в Китае.

Особую остроту эта борьба приобрела в 1905—1907 годах. Постоянные трения между США и Японией из-за Манчжурии осложнялись широким антияпонским движением в Западных штатах США и прежде всего в Калифорнии. Законодательные

¹ Chung Fu-Chang «The Anglo-Japanese Alliance», p. 51. Baltimore, 1931.

² «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette». Berlin, 1925. D. № 6310.

Казнь участника Боксерского восстания. 1900 год.

органы штатов Калифорния, Невада, Айдахо. Монтана приняли в начале марта 1905 года резолюции, требовавшие запрещения японской иммиграции в США. В 1905 году в Америке была создана «Антияпонская лига» и произошли японские погромы. В 1907 году отношения между Японией и США настолько обострились, что война между ними казалась неминуемой. Правительство США выработало план обороны Гавайских островов, Гуама и Филиппин в случае нападения Японии. В конце 1907 года весь военно-морской флот США, значительно превосходивший по своим силам японский, был перебросен из Атлантического в Тихий океан. Военная демонстрация США оказала соответствующее влияние на Японию и заставила ее пойти на уступки в вопросах иммиграции, но соперничество этих двух стран в Китае не только не уменьшалось, но начиная с 1909 года даже усилилось.

Однако все попытки американцев утвердиться в Манчжурии терпели неудачу из-за политики «закрытых дверей», проводимой Японией. Успехи США в прочих районах Китая благодаря противодействию Японии и ее союзника — Англии — также были более чем скромные.

Это, конечно, не означало, что торговля и капиталовложения США в Китае в пе-

риод 1905—1913 годов шли на убыль. Торговые обороты между этими странами увеличивались с каждым годом, но по сравнению с темпами экономического внедрения Японии США значительно отставали.

В 1899 году американцы составляли 13,6% общего количества иностранцев, проживающих в Китае, англичане—32%, а японцы—15%. В 1913 году удельный вес американцев падает до 3,2%, англичан—до 5,4%, зато количество японцев, проживающих в Китае в 1913 году, равнялось числу всех прочих иностранцев, вместе взятых. За десять лет (1905—1915) количество японцев в одном только Шанхае увеличилось в десять раз! Японцы устремлялись в важнейшие политические и торговые центры Китая: Шанхай, Тяньцзинь, Амой, Ханькоу. Если в 1904 году в Китае насчитывалось не больше 4 тысяч японцев, то в 1914 году число японских резидентов в Китае равнялось 100 тысячам человек. Аналогичную картину мы наблюдаем и в области торговли: в 1899 году американские фирмы составляли 7% всех иностранных фирм в Китае, а в 1913 году—лишь 3,4%. Если в 1899 году на долю США приходилось 9,5% всей внешней торговли Китая, то в 1913 году—только 7,5%. Сильно упало и американское судоходство в Китае. В 1905—

1913 годах оно не превышало 1%. Зато быстро рос удельный вес Японии. Если в 1900 году капиталовложения Японии в Китаечислялись в 1 миллион американских долларов, то в 1914 году они выросли до 220 миллионов долларов. Характерной особенностью японских капиталовложений в Китае является то, что львиная доля их принадлежит не частным фирмам и лицам, а японскому правительству. Для понимания агрессивной роли японского империализма этот факт имеет исключительно важное значение.

3

Накануне мировой войны 1914 года на Тихом океане произошла резкая перегруппировка сил среди крупнейших империалистических держав.

Борьба английского и германского империализма за мировое господство являлась основным противоречием конца XIX и начала XX веков. Соперничество двух крупнейших империалистических хищников за мировое господство составляло основное содержание всей международной политики этого периода и потому не могло не оказывать решающего влияния на ход политических событий на Тихом океане. Готовясь к решительной схватке с Германией, Англия сколачивала могущественную коалицию союзников. В 1904 году английское правительство добилось сближения с Францией. В 1905 году, еще до окончания русско-японской войны, был возобновлен англо-японский союз. Возобновляя свой союз с Японией, Лондон дал понять царской России, что она не может рассчитывать на успех в случае новой войны против англо-японской коалиции на Дальнем Востоке. Этим шагом британская дипломатия хотела заставить царское правительство отказаться от надежды на реванш в войне с Японией и повернуть Россию лицом к Западу, против Германии.

Расчеты английского правительства оправдались. В августе 1907 года Англия урегулировала свои взаимоотношения с Россией, что фактически привело к образованию англо-франко-русской Антанты. Еще за месяц до заключения англо-русской конвенции (30 июля 1907 года) состоялось соглашение между царской Россией и союзницей Англии — Японией. Все эти соглашения временно устраняли возможность вооруженного конфликта на Тихом океане между Англией, Россией и Японией. Это обеспечивало безопасность английских морских коммуникаций на Дальнем Востоке и позволяло Англии сосредоточить весь свой флот в европейских водах против Германии.

Правда, в Лондоне еще до начала мировой войны 1914 года хорошо понимали,

что предоставление Японии свободы рук на Дальнем Востоке означает дальнейшее ослабление позиций Англии в Китае; но если японская экспансия грозила интересам Англии в Китае, то германская угроза в Европе представляла смертельную опасность для всего существования Британской империи в целом.

Летом 1914 года вспыхнула мировая война, вконец изменившая соотношение сил на Тихом океане. Англия, Россия, Франция, Германия были всецело поглощены этой войной и не имели ни сил, ни средств для того, чтобы оказывать сколько-нибудь существенное влияние на ход событий на Дальнем Востоке. Хищный японский империализм впервые очутился один на один, лицом к лицу с беззащитным Китаем. Япония решила, что настал момент, когда она может безнаказанно реализовать свои планы закабаления огромной страны, не опасаясь вмешательства со стороны других держав. Правда, по ту сторону Тихого океана находилась нейтральная Америка, внимательно следившая за всеми происками Японии в Китае, но в Токио по мере хода войны пришли к выводу, что американцы своими военными поставками и займами настолько прочно связали себя с Антантой, что о выступлении США против Японии — союзницы Англии, Франции и России — не может быть и речи. Стратегическая обстановка в начале войны также сложилась неблагоприятно для Америки. США не были еще готовы к войне: их морские базы на Тихом океане были слишком малочисленными, сооружение Панамского канала еще не было полностью закончено, а весь военно-морской флот американцы вынуждены были держать вплоть до 1919 года в Атлантическом океане. Японская военщина решила, что настал момент, когда можно действовать безнаказанно. Вскоре после начала войны влиятельная националистическая организация «Общество Черного Дракона», членами которой состояли многие японские министры и дипломаты, обратилась к правительству Японии с меморандумом, в котором говорилось:

«Нынешняя гигантская борьба в Европе не имеет равных себе в истории человечества. Эта война не только отразится на европейском равновесии и окажет свое влияние на весь земной шар, — ее результаты скажутся на всей политической и социальной структуре мира. Поэтому вопрос о том, сможет ли императорское японское правительство разрешить раз и навсегда дальневосточный вопрос и реализовать наши имперские планы, зависит сейчас целиком от нашего умения воспользоваться создавшейся международной обстановкой,

Часть набережной в Шанхае. 1935 год.

для того чтобы расширить влияние Японии в Китае... Сейчас для Японии наступил наиболее подходящий момент, для того чтобы быстро разрешить китайский вопрос. Такая возможность вряд ли представится еще раз в течение ближайшего столетия. Немедленные действия являются священной обязанностью Японии. Нынешнее положение Китая облегчает осуществление нашего плана. Мы обязаны немедленно принять решение и действовать любыми мерами»¹.

Свою агрессию в Китае японское правительство решило начать с захвата германских владений в Шаньдуне и на Тихом океане.

Китай пытался противодействовать развертыванию войны на Дальнем Востоке, понимая, что объектом японской агрессии станет китайская территория. 3 августа 1914 года китайское правительство обращается к США с предложением выступить посредником и «попытаться получить у воюющих европейских государств согласие не открывать военных действий на китайской территории, в омывающих ее морях и на прилегающих иностранных арендных владениях»².

¹ Н. Morse, H. Mac Nair «Far Eastern International Relations», p. 580. New-York. 1931.

² W. Griswold «The far Eastern Policy of the United States», p. 178. New-York. 1938.

Государственный секретарь США Брайан обратился ко всем заинтересованным правительствам с предложением—установить на Дальнем Востоке status quo и нейтрализовать Тихий океан. В ответ на это Япония решила форсировать войну. 14 августа 1914 года она предъявила Германии неприемлемый ультиматум, а 23 августа объявила войну. В последнюю минуту Китай обратился к Америке с просьбой вмешаться и воспрепятствовать готовящемуся нападению на Китай. В ответ последовало сообщение, что вмешательство Америки скорее ускорит, чем предотвратит войну в Восточной Азии. Так началась первая мировая империалистическая война на Дальнем Востоке.

7 ноября 1914 года, после длительной осады, японцы взяли «арсендованную» Германией крепость Циндао. Захват японцами Циндао сопровождался грубейшими нарушениями китайского нейтралитета. В ответ на протесты и обращения Китая к Америке заместитель государственного секретаря США Лансинг ответил, что «с нашей стороны было бы подлинным доджихотством допустить, чтобы вопрос о территориальной целостности Китая втянул Соединенные штаты в международные затруднения»³.

С самого начала войны Япония не скрывала своих захватнических воцелений по

³ Там же, стр. 184.

Улица в Кантоне. 1936 год.

отношению к Китаю. В своих переговорах с Греем японский министр иностранных дел Като неоднократно указывал, что Япония «намерена использовать эту войну для усиления своих позиций в Китае»¹.

18 января 1915 года японское правительство пред'явило президенту Юань Шикаю так называемое 21 требование. Эти требования представляли собой развернутую программу экономического и политического закабаления всего Китая японским империализмом.

Кроме того 21 требование было направлено непосредственно и против интересов США и России. Об этом свидетельствует инструкция японского генерального штаба, адресованная военному и морскому агентам при японской миссии в Пекине 3 апреля (21 марта) 1915 года. В этой инструкции, между прочим, говорится следующее: «Требования, связанные с Фуцзянской провинцией, которые были предложены нашим морским ведомством, являются самыми существенными из пунктов, направленных против Америки. Ведь если Япония сможет обеспечить себе морской контроль над гаванью Сан-то (Сватоу. — Н. Ю.) и над прилегающим побережьем, то мы окажемся в состоянии ослабить значение Филиппинских островов как американской морской базы на Тихом океане и тем са-

мым свести на-нет политику Америки в этом направлении.

Три требования, предложенные, как указано выше, нашей армией, также являются самыми существенными пунктами, направленными против России, так как они уменьшат значение Сибирской железной дороги как средства военной борьбы. Армия потратила более десяти лет на выработку этих планов, но никогда не теряла надежды на то, что наступит благоприятный для нас момент, когда мы сможем ювести наши планы до успешного завершения: Удовлетворение требований является для Японии вопросом жизни и смерти.

Мы (японский главный штаб) всегда настаивали перед правительством на проведении в жизнь этой политики экспансии»².

7 мая 1915 года под угрозой вооруженного вторжения китайское правительство приняло требования японцев, хотя и в урезанном виде. Под влиянием антияпонского бойкота и нажима со стороны Англии японцы вынуждены были временно отказаться от реализации так называемой пятой группы требований. Что же касается правительства США, то последнее ограничилось лишь протестом.

Большой удар американским интересам на Дальнем Востоке нанес захват японца-

¹ Takeuchi «Wars and Diplomacy in the Japanese Empire», pp. 184—186. New-York. 1935.

² «Международные отношения в эпоху империализма». Серия 3-я. Т. VII. Ч. 2-я, стр. 366—367.

ми в 1914 году германских тихоокеанских владений. Оккупация Каролинских, Марианских и Маршалльских островов Японией дала ей в руки ключ ко всей западной части Тихого океана. Стратегическое положение США на Тихом океане резко ухудшилось. Важнейшие военно-морские базы Америки—Гуам и Филиппины—оказались в окружении японцев. Американскому флоту трудно было теперь предпринять в будущем наступательные операции против Японии к западу от Гавайских островов. В начале 1917 года японское правительство заключило ряд секретных соглашений с Англией, Францией, Италией и царской Россией, в которых последние признавали все японские захваты и обещали ей поддержку на мирной конференции.

Наряду с территориальными захватами стремительным темпом шла и экономическое внедрение Японии в Китай. В годы войны японские товары заполнили китайский рынок. Если в 1913 году на долю Англии приходилось 25,2% всей внешней торговли Китая, то в 1918 году эта цифра снизилась до 17,1%. Зато удельный вес Японии вырос почти в два раза: с 23,0% до 43,5%. Используя благоприятную конъюнктуру, японцы непосредственно и через подставных лиц стали скупать принадлежащие китайцам фабрики, заводы и рудники. Вместе с широким потоком японских резидентов в Китай хлынули многочисленные японские займы. За период 1909 — 1914 годов Япония навязала Китаю займы на сумму в 49 670 тысяч иен, а за годы войны (1914 — 1918 годы) сумма займов выросла до 391 340 тысяч иен¹. Достаточно сказать, что только за один 1918 год Япония предоставила Китаю займы на сумму 200 миллионов иен! Значительная часть этих денег шла на финансирование междоусобных войн китайских милитаристов, на подкупы продажных чиновников и содержание японофильской северной группировки.

Одновременно Япония старалась установить над Китаем военный и политический контроль. С этой целью японцы в конце 1917 года навязали Китаю военный и военно-морской договоры. Вслед за этим Япония ввела свои гарнизоны в важнейшие политические и торговые центры Китая. Мотивировалось это германской угрозой Китаю (!?). Но даже после поражения Германии осенью 1918 года японские войска продолжали занимать ряд пунктов Китая вплоть до 1921 года.

Америка не могла примириться с установлением японского господства в Китае.

¹ T. Millard «Conflict of Policies in Asia», p. 462. London. 1924.

В ноябре 1917 года президент США Вильсон предложил организовать банковский консорциум четырех держав (США, Англия, Франция и Япония) для финансирования Китая. С помощью этого консорциума американцы надеялись подорвать необычайно усилившиеся позиции Японии в Китае. Это мероприятие не принесло желаемых результатов. Между тем захватнические аппетиты Японии росли с каждым днем. В 1918 году Япония начала интервенцию на Дальнем Востоке, ставившую целью отторжение от Советской России Приморья и Восточной Сибири. Несмотря на то что американцы принимали участие в общем империалистическом походе против молодой Советской Республики, они относились с подозрением к захватническим планам Японии в Сибири и нередко активно противодействовали им. История сибирской авантюры Японии — сплошная цепь интриг и острых конфликтов между японской военизированной и американским командованием, причем обе стороны в большинстве случаев действовали по директивам своих правительств. Интересы США и Японии сталкивались также и в Северной Манчжурии. Американские капиталисты, пользуясь затруднительным положением Советской России в 1918 году, не прочь были прибрать к рукам КВЖД. Еще в ноябре 1917 года в Харбин приехала американская комиссия «экспертов» в составе 300 человек во главе с инженером Джоном Стивенсом. Комиссия Стивенса подчинила своему контролю Китайско-восточную железную дорогу. В ответ на это японцы в июле 1918 года оккупировали Северную Манчжурию и стали путем диверсий, взрывов и насилий дезорганизовывать работу КВЖД. Подрывная работа японцев необычайно обострила взаимоотношения последних с американской администрацией дороги.

После поражения Германии в ноябре 1918 года США получили большую свободу рук на Дальнем Востоке. Теперь Америка стала готовиться к контрнаступлению на позиции японского империализма на Дальнем Востоке. В своей борьбе с Японией Америка могла теперь бросить на чашу весов огромные капиталы, накопленные за годы войны, свою мощную промышленность, первоклассный военный флот, колоссальные запасы военного снаряжения и миллионную, еще не демобилизованную армию. В 1919 году значительная часть военно-морского флота США была переведена из Атлантического в Тихий океан, что значительно укрепило политическую позицию Америки на Дальнем Востоке.

Противоречия между Японией и Америкой из-за Китая, тихоокеанских островов,

из-за гоним морских вооружений и вопроса эмиграции японцев в США необычайно обострились. На версальской конференции по вопросу о возвращении Китаю Шаньтуна между американской и японской делегацией происходила упорная борьба, временами грозившая сорвать конференцию. Когда Вильсон согласился все же удовлетворить все требования Японии, китайская делегация по совету ближайших помощников президента США отказалась подписать договор и покинула конференцию. Мирная конференция в Париже еще не закончила своей работы, а в Америке уже началась широкая кампания против версальского мира.

Американский сенат отверг условия версальского мира. Отвергая версальский мирный договор, американцы недвусмысленно дали понять Японии, что они намерены потребовать в ближайшее время пересмотра всего комплекса вопросов, касающихся Дальнего Востока. С 1920 по 1922 год отношения между США и Японией ухудшались с каждым днем. «Между самими буржуазными странами, — писал Ленин, — разгорается большая грызня. Америка и Япония накануне того, чтобы броситься друг на друга, потому что Япония отскочила во время империалистической войны и забрала себе почти весь Китай, а там 400 миллионов человек»¹.

Истощенная войной, Англия не могла оставаться безучастной по отношению к японо-американскому соперничеству на Тихом океане. Гонка морских вооружений была непосильной для нее. Японская агрессия в Китае в годы войны поставила под угрозу английские интересы на Дальнем Востоке. Америка, пользуясь положением кредитора, оказывала дипломатический и финансовый нажим на английское правительство, добиваясь установления сотрудничества против Японии. С другой стороны, в Америке опасались, что бремя морских вооружений, непосильное для Англии и Японии порознь, может вынудить эти страны объединиться против США. Сами империалистические страны опасались роста национально-освободительного движения в Китае и торопились прийти к соглашению друг с другом с целью противодействия назревающей революции в Китае.

В конце 1921 года по инициативе президента США Гардинга в Америке была созвана вашингтонская конференция по ограничению морских вооружений. После длительных дебатов, закулисной борьбы и политических компромиссов пять крупнейших империалистических держав заключили договор об ограничении морских вооружений по главным видам боевых кора-

блей. Для военных флотов крупнейших империалистических государств были установлены следующие лимиты тоннажа линейных кораблей: Англия и США — по 525 тысяч тонн, Япония — 315 тысяч тонн, Франция и Италия — по 175 тысяч тонн. Конференция высказалась также против дальнейшего укрепления некоторых островных владений (Гуам, Филиппины, Алеутские острова — для США, Гонконг — для Англии, Бенин, Формоза, Пескадоры и др. — для Японии). 6 февраля 1922 года по предложению США участники конференции подписали договор 9 держав, призывающий «уважать суверенитет, территориальную и административную независимость Китая». Кроме того в этом договоре провозглашались принципы «открытых дверей и равных возможностей» для торговли в Китае. Наконец, под давлением США и некоторых английских доминионов был расторгнут англо-японский союз. Он был заменен четверным договором от 13 декабря 1921 года между США, Великобританией, Японией и Францией, по которому этим державам взаимно обеспечивалась неприкосновенность их островных владений на Тихом океане.

Вашингтонская конференция представляла собой попытку империалистических государств договориться между собой. Она отражала стремление США и Англии восстановить равновесие сил на Тихом океане, нарушенное в годы мировой войны Японией. Товарищ Сталин неоднократно подчеркивал всю непрочность этого соглашения. Он говорил: «...английскому, американскому и японскому капиталу удалось временно сговориться насчет установления сферы влияния в Китае, в этом обширнейшем рынке международного капитала, насчет способов его ограбления. Можно ли считать этот сговор сколько-нибудь прочным? Опять-таки нельзя. Во-первых, потому, что сговорившиеся дерутся и будут драться на-смерть между собой из-за доли в грабеже; во-вторых, потому, что сговор этот произошел за спиной китайского народа, который не хочет и не будет подчиняться законам чужестранных грабителей»².

Последующие события целиком и полностью подтвердили анализ, данный товарищем Сталиным 13 лет назад. Вашингтонские ограничения по строительству военных судов не распространялись на корабли среднего и малого тоннажа и на подводные лодки. Япония использовала эту лазейку для лихорадочного строительства и модернизации тяжелых и легких крейсеров, миноносцев и подводных лодок.

² И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 139. Изд. 1931.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 57.

Чапей (район Шанхая) до японской оккупации 1937 года.

С 1922 по 1933 год Япония заложила и построила 150 кораблей с водоизмещением 400 тысяч тонн, в то время как США построили только 44 корабля — водоизмещением в 200 тысяч тонн¹. Усилив свой флот по классам крейсеров, миноносцев и подводных лодок и опираясь на свои морские базы, расположенные по соседству с материком, Япония стала хозяйкой в западной части Тихого океана.

Характеризуя результаты вашингтонской конференции, известный специалист по вопросам морских вооружений Гектор Байуотер писал: «Когда в 1922 году был подписан вашингтонский договор пяти держав, британские и американские морские эксперты не предавались никаким иллюзиям относительно стратегических последствий этого соглашения. Они полностью отдавали себе отчет в том, что ключи от Западной части Тихого океана были отданы Японии в качестве подарка. Но нет никакого сомнения в том, что они надеялись, что Япония не будет злоупотреблять этим даром»².

Как известно, эти надежды совершенно не оправдались.

Независимо от решений конференции, Япония тайно приступила к сооружению

морских баз на Формозе, Бонине, Манданских островах.

Что касается «обязательства» Японии не нарушать территориальной целостности Китая и придерживаться политики «открытых дверей», то последующие события показали истинную цену этих «обязательств».

Не успели еще просохнуть чернила вашингтонского договора девяти держав, как ответственные государственные деятели Японии, вроде Исии³ и Танака, во всеуслышание заявляли о захватнических планах Японии по отношению к Китаю.

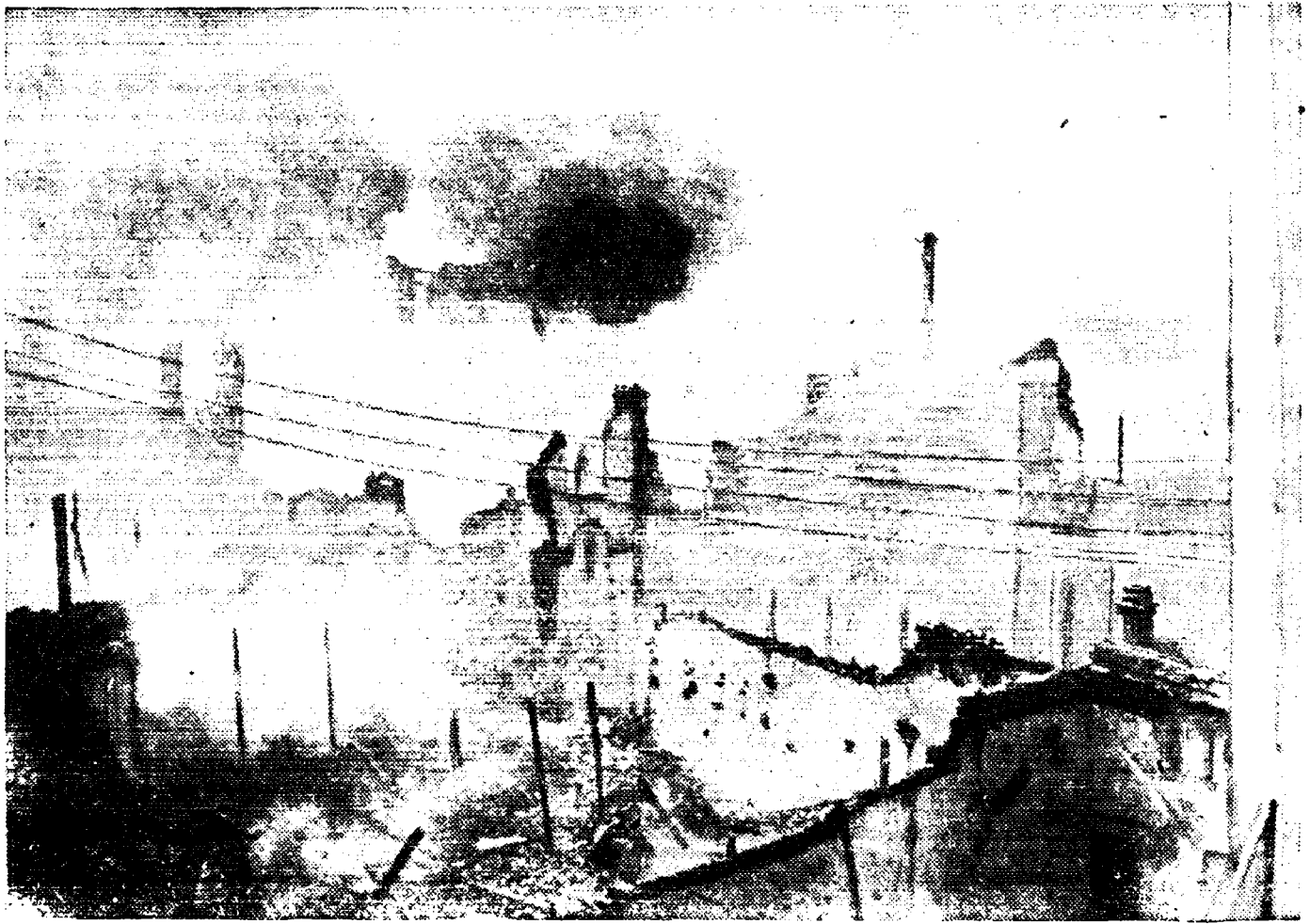
Расторжение англо-японского союза в 1922 году также не принесло Америке желаемых результатов. Обострение англо-американских противоречий в послевоенные годы вновь привело Англию к тесному сотрудничеству с Японией.

Характеризуя империалистические противоречия на Тихом океане в этот период, товарищ Сталин указывает: «Я уже не говорю о таком немаловажном факте, как борьба интересов Англии и Америки в Китае. Вы знаете, должно быть, что здесь борьба происходит скрытая, при чем сплошь и рядом Америке, действующей более гибко, свободной от тех грубо-колониальных методов, от которых еще не освободились английские лорды, тихонько удается подкузьмить Англию в Китае,

¹ А. Kiralfy «The Naval Arm of Diplomacy in the Pacific» в журнале «Pacific Affairs» за 1935 год, стр. 10.

² Н. Bywater «Britain on the seas», журнал «Foreign Affairs», p. 214. 1938. January.

³ См. Kikujiro Ishii «Diplomatic Commentaries», p. 134—136. Baltimore. 1936.

Чапэй (район Шанхая) после оккупации японцами. 1927 год.

чтобы маленько вытеснить Англию и проложить себе дорогу в Китай. Понятно, что Англия на это равнодушно смотреть не может»¹.

В страхе перед ростом национально-освободительного движения в Китае и его влиянием на многомиллионные массы колониальной Индии, а также опасаясь чрезмерного усиления влияния Америки в Китае, Канаде и Австралии, правящие классы Англии на протяжении 10 лет (с 1924 по 1934 год) неизменно выступали на Дальнем Востоке в качестве верного союзника империалистической Японии.

Дальневосточная политика правящих консервативных кругов Англии была одним из основных факторов, проложивших путь японской агрессии в Манчжурии в 1931 году.

Политика пособничества Японии, исходящая от правящих кругов Англии, привела к тому, что сейчас ее интересам на Дальнем Востоке угрожает серьезная опасность со стороны японских захватчиков.

Блокада Японией иностранных концессий в Гуансун и Тяньцзинь, превращение

¹ XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б), стр. 17. Гиз. 1926.

японцами этих концессий в концентрационные лагеря для англо-французских резидентов в Китае, систематическое вытеснение Англии, США и Франции с Дальнего Востока — все это является свидетельством дальнейшего обострения империалистических противоречий на Тихом океане.

«Уже предыдущий кризис, — говорил товарищ Сталин на XVIII съезде ВКП(б), — перепутал все карты и привел к обострению борьбы из-за рынков сбыта, из-за источников сырья. Захват Японией Манчжурии и Северного Китая, захват Италией Абиссинии, — все это отразило остроту борьбы между державами. Новый экономический кризис должен привести и действительно приводит к дальнейшему обострению империалистической борьбы. Речь идет уже не о конкуренции на рынках, не о торговой войне, не о демпинге. Эти средства борьбы давно уже признаны недостаточными. Речь идет теперь о новом переделе мира, сфер влияния, колоний путем военных действий»². В этой борьбе соперничество между США и Японией занимает и будет занимать одно из главнейших мест.

² И. Сталин. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 9.

ТОМАС ДЖЕФФЕРСОН И АМЕРИКАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В апреле этого года Соединенные штаты Америки торжественно отмечали 150-летие с момента избрания своего первого президента — Вашингтона. Этому юбилею национальной и государственной независимости посвящена и открытая в Нью-Йорке всемирная выставка.

Независимость и самостоятельность были завоеваны США в результате революции и кровавой, продолжительной войны против угнетателей-англичан, одной из тех войн, к которой следует отнести определение «Краткого курса истории ВКП(б)» как войны справедливой, незахватнической, освободительной.

Об этой войне, в которой Соединенные штаты из бывшего вассала британской короны превратились в самостоятельную республику, Ленин в 1918 году в «Письме к Американским рабочим» писал: «История новейшей, цивилизованной Америки открывается одной из тех великих, действительно освободительных, действительно революционных войн, которых было так немного среди громадной массы грабительских войн, вызванных, подобно теперешней империалистской войне, дракой между королями, помещиками, капиталистами из-за дележа захваченных земель или награбленных прибылей. Это была война американского народа против разбойников-англичан, угнетавших и державших в колониальном рабстве Америку, как угнетают, как держат в колониальном рабстве

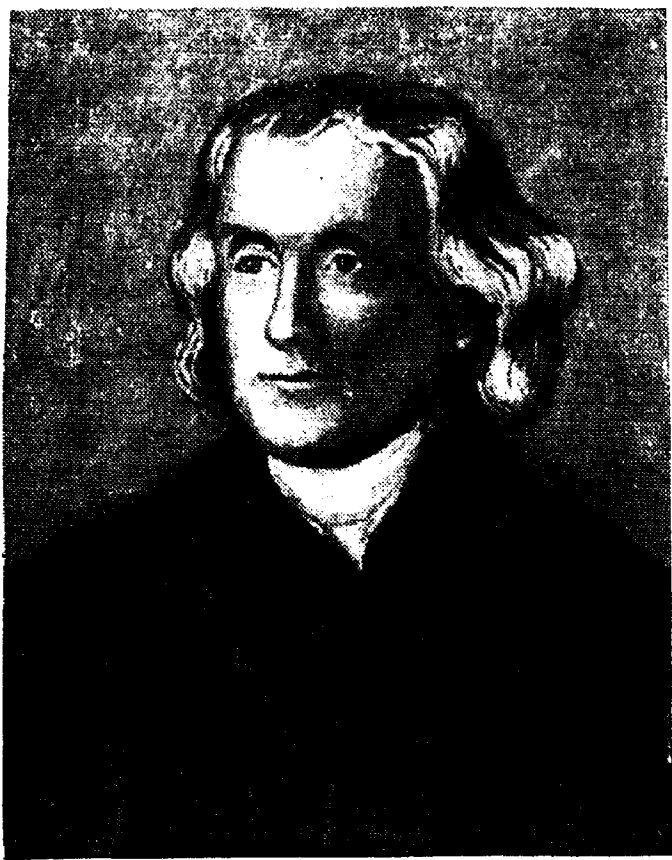
еще теперь эти «цивилизованные» кровопийцы сотни миллионов людей в Индии, в Египте и во всех концах мира»¹.

Жизнь и борьба Томаса Джефферсона, одного из замечательнейших деятелей американской революции 1776 года, страстного борца против британского деспотизма, отца американской демократии, неразрывно связаны с борьбой американского народа за свободу и независимость.

В условиях современной Америки, когда кучка миллиардеров, представителей крупных монополий, переходит в наступление на демократические завоевания народных масс, демократические традиции, связанные с именем Джефферсона, имеют актуальное, революционное значение, мобилизуя массы на борьбу против фашизма. Коммунистическая партия США признает себя преемницей демократических традиций Джефферсона.

«Компартия США есть политическая партия рабочего класса, продолжающая традиции Джефферсона, Пэна, Джексона, Линкольна и Декларации независимости; она защищает демократические завоевания, права на «жизнь, свободу и стремление к счастью» и защищает конституцию Соединенных штатов против ее реакционных врагов, готовых уничтожить демократию и все народные свободы...» (из введения к уставу компартии США).

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 176.

Томас Джефферсон.

Устами своего вождя тов. Браудера компартия заявила:

«Наша социалистическая программа органически связана, неизбежно выросла из традиций американской демократии, основанной Т. Джефферсоном, политическими наследниками которого мы являемся»¹.

1

Томас Джефферсон родился 13 апреля 1743 года в Виргинии, одной из старейших английских колоний, которая во время революции встала во главе народного движения. Отец Джефферсона, зажиточный фермер, был членом местной палаты представителей и пользовался популярностью в народе за свои демократические убеждения. Томас Джефферсон получил прекрасное образование, значительно превышающее общий уровень образования его современников. Он изучал греческий язык, латынь, французский, много занимался философией и музыкой. Семнадцати лет он был помещен в лучший колледж Вильямсбурга, в то время главного города Виргинии. В течение 5 лет в колледже он изучал юриспруденцию и после окончания его стал адвокатом. Уже в юношеские годы Джефферсон отличался большим трудолюбием, занимаясь по 15 часов в сутки. Он увлекался математикой и философскими учениями материалистов XVIII века и, по его собственному выражению, питал «положительное отвращение к изучению эти-

ки и метафизики», считая запятая этими предметами потерянным временем.

Биографы Джефферсона отмечают, что он очень рано обнаружил склонность к независимому и самостоятельному мышлению и отличался пылким темпераментом. Когда в 1765 году в Америке началось движение против английских угнетателей, молодой Джефферсон со всей страстью включился в это движение. Он сразу выдвинулся в первые ряды борцов за демократию. В 1769 году Джефферсон был избран в палату депутатов Виргинии и таким образом оказался в самом центре движения.

В этот период, полтора столетия тому назад, теперешнее мощное государство США представляло собой ряд разрозненных английских колоний. Значительные земельные пространства Запада не были освоены, и население колоний насчитывало всего около 4 миллионов человек, из которых около полумиллиона составляли невольники-негры. Самыми большими городами были Филладельфия и Нью-Йорк с населением не более 10 — 15 тысяч человек. Преобладающим занятием колонистов было сельское хозяйство. Развитие промышленности искусственно задерживалось метрополией для избежания конкуренции и обеспечения сырьем своей собственной промышленности.

Однако колонии очень рано добились своего собственного выборного самоуправления и права самостоятельного решения всех местных вопросов. Когда Великобритания после семилетней войны с Францией попыталась переложить издержки этой войны на плечи колоний, она встретила со стороны последних упорное сопротивление.

В 1765 году английский парламент принял закон о гербовом сборе (stamp act), по которому все гражданские и торговые документы в американских колониях облагались значительным налогом в пользу британского правительства. Предполагая сопротивление проведению этого акта в жизнь, парламент одновременно принял решение о расквартировании в колониях войска в 10 тысяч человек и содержания его за счет американцев. Согласно духу английской, неписанной конституции, обложению новыми налогами, прямыми и косвенными, могло производиться только с ведома налогоплательщиков. Поэтому действия парламента вызвали в колониях всеобщее возмущение. Законодательные собрания Виргинии, Массачузетса и других колоний выносили резолюции протеста. Британское правительство отдало своим губернаторам распоряжение о роспуске этих собраний. В ответ на это распоряжение собрания отказались отпускать средства на содержание войска. Повсюду произносились

¹ «Daily Worker» № 159. 1938.

страстные речи против новых налогов, введение которых являлось нарушением права самоуправления колонистов. Лозунгом дня стало «Taxation without representation is tyranny»¹. Во многих колониях население сжигало склады с гербовой бумагой.

В этот начальный период борьбы движение носило умеренный характер: лишь немногие ставили себе целью отделение от Британии. I континентальный конгресс, собравшийся в Филадельфии в 1774 году и состоявший в большинстве своем из торг, сторонников Британской монархии, обратился к королю Георгу III с петицией, умоляя его в качестве «смиранных и покорных слуг» об отмене законов, нарушающих права колонистов.

Однако британское правительство не проявило уступчивости, и борьба становилась все более острой. Для проведения в жизнь решений, принятых законодательными собраниями, во всех колониях были созданы комитеты безопасности, которые превратились в местные органы революции. Мастеровые и ремесленники объединились в организацию, носившую название «Союза свободы». Агитация против угнетательских законов принимала все более широкие размеры. Нарастала волна протеста. За принятие резолюций протеста палата Виргинии несколько раз распускалась британским губернатором, но она продолжала свою деятельность, собираясь нелегально в одном из кабаков Вильямсбурга. Видя слабость колоний в отсутствие единства между ними, депутаты Виргинии обратились к палате депутатов Массачусетса с предложением совместных действий. Копия принимаемых палатой резолюций рассылалась законодательным собраниям всех штатов.

Членами палаты депутатов Виргинии были многие лица, игравшие впоследствии важную роль в революции. Среди них можно назвать наряду с Джефферсоном Вашингтона, Ричарда Генри Ли, Дабни Карра, пламенного оратора революции Патрика Генри, с которым Джефферсона связывала тесная дружба, и др.

Выступая в палате депутатов по поводу гербового сбора, Патрик Генри заявил: «...Тарквиний и Цезарь каждый имели своего Брута, Карл I — своего Кромвеля, и Георг III... (здесь оратор был прерван со стороны присутствующих торг возгласами «Измена!») и Георг III, — продолжал он, — может извлечь пользу из их примера. Если это измена, — свершите ее».

Подобные речи производили неизгладим-

мое впечатление на Джефферсона, будущего автора «Декларации независимости».

Через год британское правительство вынуждено было отменить закон о гербовом сборе. Успех еще более окрылил колонистов и вдохновил их на продолжение борьбы. Когда в 1767 году английской парламент принял закон об обложении пошлиной важнейших товаров потребления, колонисты ответили бойкотом этих товаров. Перед лицом такого упорного сопротивления британскому правительству ничего не оставалось, как отменить и этот закон. Была оставлена только пошлина на чай.

В марте 1772 года в бухте Провиденс американцы сожгли королевскую шхуну, которая контролировала морскую торговлю и производила обыски судов. Английское правительство ответило на это приказом об аресте виновных с доставлением их в Англию для предания суду и смертной казни. За выдачу виновников было обещано 5 тысяч фунтов стерлингов. Однако виновники не были обнаружены.

Через год в Бостоне молодые американцы, переодетые индейцами, сбросили в океан груз чая в 342 ящика, принадлежавший Остиндской компании. Это был акт протеста против продолжавшегося взимания пошлины на чай. Со стороны британского правительства последовал ряд репрессий: распоряжение о роспуске законодательного собрания Массачусетса и закрытии для торговли Бостонского порта. Колония была объявлена на военном положении.

Джефферсон принимал деятельное участие в разворачивающихся революционных событиях. Ряд резолюций, написанных им для законодательного собрания Виргинии, был издан в виде памфлета, носящего название «A summary View of the Rights of British America»².

В этом произведении блестящего юриста и талантливого писателя проводилась мысль о том, что британское правительство и послушный ему парламент не имеют права властвовать над колониями Америки. Джефферсон писал: «Может ли быть какой-нибудь смысл в том, что 160 тысяч избирателей на острове Британия пишут законы для 4-миллионного населения штатов Америки... Где это сказано, чтобы вместо того, чтобы быть свободным народом, каким мы до сих пор были и надеялись быть в будущем, мы вдруг оказались рабами не одного, а 160 тысяч тиранов, отличающихся от всех прочих только тем, что потеряли страх, единственный мотив, могущий удержать руку тирана?»

¹ «Обложение налогами без участия представителей есть тирания».

² «Заключение о правах Британской Америки».

Истязания негра-невольника американским колонистом.

По поводу запрещения производства в колониях необходимых предметов потребления он, далее, писал: «Георг III запретил американцу сделать себе шапку из меха, который он добыл, быть может, на своей собственной земле,— пример деспотизма, аналогичного которому нет даже на самых произвольных страницах британской истории».

Памфлет этот был отправлен в Англию, где усиленно распространялся оппозицией. Имя Джефферсона оказалось в черном списке заслуживающих смертной казни за тяжкие преступления против британской короны.

Молодой Джефферсон не ограничился выступлением против действий британского правительства. Вскоре после своего избрания в палату депутатов Виргинии он задумал провести демократические преобразования существующего в штате законодательства, чем вызвал к себе ненависть местной аристократии. В американских колониях в области землевладения действовало в то время то же законодательство, что и в Англии, по которому, во избежание дробления крупной собственности, преимущественное право наследования имел старший сын (primogeniture). Кучка аристократов владела четырьмя пятими всех земельных богатств Англии. Американская аристократия стремилась сохранить в американских колониях весь строй земельных отношений, господствовавший в Англии, и закрепить за собой огромные земельные богатства как базу для плантаторской системы хозяйства, основанной на рабовладельческом труде.

Социальным идеалом Джефферсона являлась аграрная демократия — ассоциация равных и свободных производителей, — поддерживаемая в городе ремесленной демократией. Борьба, по его мнению, должна была прежде всего вестись против реакционных форм землевладения.

Предложенный им проект отмены закона о преимущественном праве наследования и назначении наследника был принят. Реформа законодательства штата Виргиния вскоре распространилась и на другие штаты и получила впоследствии отражение в конституции США. В дальнейшей своей деятельности Джефферсон, уже будучи президентом Соединенных штатов, стремясь к осуществлению той же цели, добился покупки у Франции огромной территории Луизианы для распределения еще не освоенных земель между непосредственными мелкими производителями — фермерами. В связи с этим необходимо отметить огромную роль Джефферсона в создании того «американского» пути развития сельского хозяйства, который Ленин впоследствии противопоставил «пруссескому» пути.

В статье «Землеустройство и деревенская беднота» Ленин писал: «Капитализм бывает разный: помещичий, полуфеодальный, с тьмой остатков всяких привилегий, наиболее реакционный и наиболее мучительный для массы, — а также капитализм свободных фермеров, наиболее демократический, менее мучительный для массы, с наименьшими остатками привилегий»¹. В 1776 году революционной задачей являлось освобождение молодого ка-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XVI, стр. 620.

питализма от пут умирающей феодальной системы и создание условий, наименее мучительных для широких народных масс. К этому стремился Джефферсон, и в этом его историческая заслуга.

Второй важной реформой, предложенной Джефферсоном, был «Статут Виргинии о религиозной свободе», который также имел весьма прогрессивное значение в XVIII веке, в условиях гнета господствующей церкви. Враг религиозной нетерпимости и христианского мракобесия. Джефферсон в течение 9 лет упорно добивался принятия этого закона и проведения его в жизнь.

Джефферсон был также одним из первых американских «аболюционистов» — противников рабства. Он рассматривал его как «осуществление наиболее зверских инстинктов — неограниченного деспотизма с одной стороны и унижительного подчинения — с другой».

В 1778 году он предложил в палате Виргинии проект запрещения ввоза рабов как первое мероприятие на пути полного их освобождения. Проект, однако, встретил решительное противодействие плантаторов юга. Много лет спустя, в 1821 году, в своих мемуарах Джефферсон писал по этому поводу: «Общественное мнение не приняло тогда проекта, не принимает его и до сих пор. Но недалек тот день, когда оно должно будет его принять, или последует худшее. Ничто более определенно не записано в книге судеб, как то, что эти люди должны быть свободны».

2

Репрессии со стороны британского правительства и фактическое начало войны против колоний диктовали необходимость дальнейшего углубления и расширения задач революционно-освободительного движения. Идея независимости и отделения от Англии получала все более широкое распространение в массах. Большое значение в распространении этой идеи среди народа имел памфлет Томаса Пэна¹ под названием «Здравый смысл», появившийся в январе 1776 года. Значение этого произведения в революционизировании сознания американцев впоследствии подчеркивалось Джефферсоном. Пламенные строки Томаса Пэна читались всей страной и способствовали мобилизации масс вокруг лозунга борьбы за независимость.

«По поводу борьбы между Англией и Америкой написаны томы, — говорил автор «Здравого смысла», — но период дебатов окончился. Оружие — как последнее средство — решит спор. Король сделал выбор,

¹ Томас Пэн — английский публицист, активный участник американской и французской революций, член Конвента.

и наш континент принял последний. Никогда еще солнце не светило делу более благородному, это не есть дело одного города, деревни, провинции или королевства, а дело целого континента, составляющего, по крайней мере, одну восьмую обитаемого мира...» Памфлет содержал призыв к восстанию: «...О вы, кто любите человечество, вы, кто дерзает противостоять не только тиранам, но и тирану, восстаньте!»

В июне 1776 года был созван II континентальный конгресс. Делегация Виргинии во главе с Джефферсоном получила от своего штата наказ — внести в конгресс резолюцию, провозглашающую независимость. 7 июня такое заявление было сделано делегатом Виргинии — Ричардом Генри Ли. После обсуждения и принятия этого предложения была создана комиссия для составления текста «Декларации независимости» в составе Франклина, Адамса, Шермана и Ливингстона во главе с молодым Джефферсоном, которому и было поручено составление текста.

В основу «Декларации независимости» Джефферсон положил учение английского философа Джона Локка, по которому все люди созданы природой свободными и равными и сами выбирают свои правительства для целей охраны жизни, свободы и собственности; правом и обязанностью народа является свержение правительства деспотического, неспособного выполнить свои задачи. Предложенный Джефферсоном проект «Декларации» был принят собранием с незначительными поправками, за исключением пункта о рабстве, неприемлемого для большинства собравшихся, из которых многие были богатыми плантаторами. Собрание отвергло его к большому неудовольствию автора. Этот пункт гласил: «Он (английский король) вел жестокую войну против самой человеческой природы, нарушая ее наиболее священные права и свободу далекого народа, никогда не причинившего ему никакого зла. Он захватывал и продавал их в рабство в другом полушарии или подвергал мучительной смерти в дороге. Эту войну — позор для языческой власти — предпринял христианнейший король Великобритании. Решившись поддерживать торговлю человеком, он воспрепятствовал всякой попытке (колоний) запретить или ограничить эту торговлю...»

4 июля 1776 года «Декларация» была подписана делегатами конгресса, и демократическая республика начала свое существование.

Текст «Декларации» был прочитан гражданам Филадельфии, собравшимся в зале, получившем с тех пор наименование «Зала независимости»; его читали во всех городах, на всех площадях. Огромная толпа народа ворвалась в здание правительства,

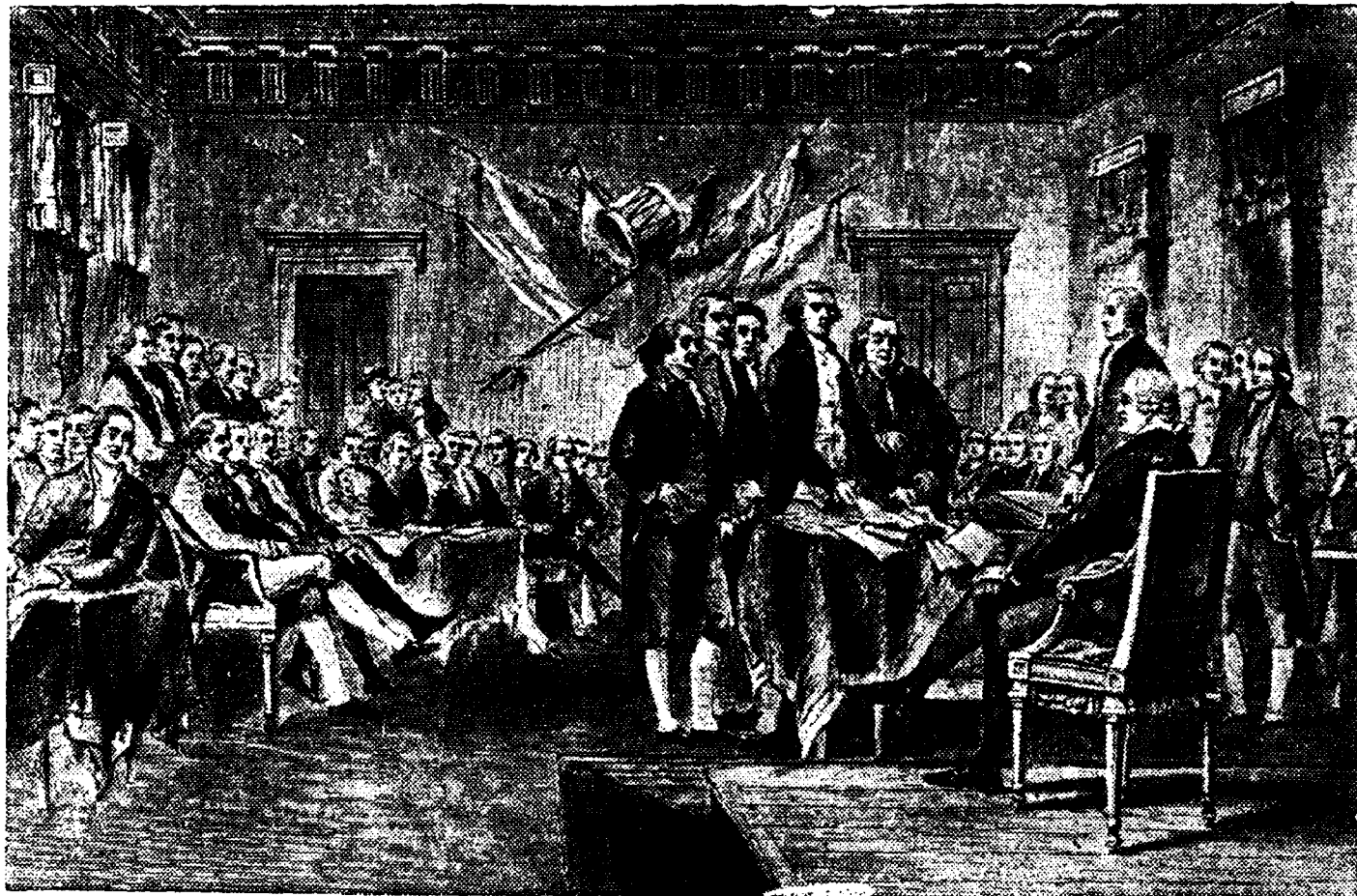
разорвала королевский герб и сожгла его. В Нью-Йорке толпа разрушила свинцовую статую Георга III и свинец переплавил в пули. По всей стране звонили колокола и до полуночи горели костры. Когда отрядам молодой революционной армии, возглавляемой Вашингтоном, была прочитан текст «Декларации», пушечные салюты возвестили миру о готовности американской армии кровью защищать свою свободу.

За год войны с Англией первоначально недисциплинированные и необученные отряды колониальной милиции превратились в подлинную армию революции.

Будучи слабее в отношении вооружения, армия революции оказывала англичанам стойкое сопротивление, мужественно и с энтузиазмом борясь за свое кровное, народное дело. О преимуществах этой революционной армии Энгельс писал в «Анти-Дюринге» следующее: «Эти-то неуклюжие шеренги (англичан.—М. З.) встретились в американской войне за независимость с толпами повстанцев, которые, правда, не учились маршировать, но прекрасно стреляли из своих винтовок, сражались за свое собственное дело, а потому не дезертировали, как наемные солдаты, и к тому же не имели любезности выстраиваться линиями и вступать в бой с англичанами в открытых местностях, но, наоборот, нападали на них в лесах, рассыпаясь мелкими подвижными отрядами стрелков»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 171.

Зима 1777—1778 годов была очень тяжелой для американской армии: она страдала от отсутствия боеприпасов, продовольствия, одежды и обуви. Филадельфия была захвачена англичанами. Многие колонисты, особенно богатые, переходили на сторону англичан. В рядах британской армии сражались 25 тысяч американцев, принадлежавших к привилегированной верхушке американского общества. В своей борьбе против мятежных колоний Англия действовала не только силой, но использовала также оружие шпионажа, предательства и измены. Одни из способнейших генералов, близкий друг Вашингтона, Бенедикт Арнольд, изменил и перешел на сторону англичан, за что получил 30 тысяч фунтов и чин командира бригады в британской армии. Его имя в американской истории стало синонимом предательства. Известен также заговор генерала Конвея, готовившего покушение на жизнь Вашингтона и смещение его с должности главнокомандующего, с тем чтобы самому занять его место. В число заговорщиков входили Томас Миффлин, Чарльз Ли и ряд видных членов сената и Конгресса. Мэр Нью-Йорка и даже член личной охраны Вашингтона были также замешаны в этом предательском заговоре. Только через 80 лет после американской революции, в 1857 году, при президенте Линкольне стало известным, что генерал Чарльз Ли, заместитель главнокомандующего американской армией, находился на службе британского кабинета и способствовал пораже-

Подписание «Декларации независимости» 4 июля 1776 года на Контиентальном конгрессе.

Восторженная встреча объявления о принятии «Декларации независимости» американскими колонистами 4 июля 1776 года.

нию революционной армии. Его предательство не было известно даже Вашингтону, хотя последний буквально поймал его на месте преступления, когда в битве при Монмаусе, вопреки приказу Вашингтона атаковать британцев, он отдал распоряжение об отступлении в момент, когда враг даже не наступал. За это Ли был предан тогда военному суду, который изгнал его из армии, но, так как заговорщики имели своих покровителей в сенате и верховном суде, он остался неразоблаченным до конца.

Американские буржуазные историки «не любят выносить сор из избы» и предпочитают как можно меньше раскрывать темные страницы американской истории. Поэтому вопрос о том, какую роль сыграла в поражениях, понесенных американцами, измена верхушки армии, до сих пор еще не вскрыт полностью.

Но предательства и измена аристократической верхушки не сломили силы сопротивления революционного народа. Многочи-

сленные агенты британского главного командующего генерала Клинтон, пытавшиеся сменить на свою сторону солдат, не имели успеха: солдаты схватывали их и представляли командованию, говоря: «Мы не Арнольды».

Силы революции, опирающиеся на народные массы, одерживали верх.

17 октября 1781 года британский генерал Корваллис вынужден был капитулировать с войском в 7247 человек, обозом и снаряжением. Это поражение английской армии было решающим и вызвало падение министерства тори в Англии. Новое министерство Рокингема начало переговоры о мире, которые велись в Париже Франклином и Дж. Адамсом. Мирный договор был заключен 30 ноября 1782 года и окончательно ратифицирован 3 сентября 1783 года. Великобритания признала независимость Соединенных штатов. Восемилетняя война окончилась поражением Англии и блестящей победой американской революционной армии.

Война за независимость. Американская армия в окопах у Мори-таун.

3

После окончания войны на очередь дня встал вопрос о том, какой общественный класс воспользуется завоеваниями революции. Встанет ли страна на путь создания аристократического государства наподобие британской монархии, или народные массы, с оружием в руках отстаившие независимость своей страны, воспользуются буржуазно-демократическими завоеваниями революции? По этим двум линиям разгорелась борьба между демократической партией, возглавляемой Джефферсоном, и партией федералистов — сторонников монархии — во главе с Александром Гамильтоном. Эта партия была выразительницей интересов крупных земельных собственников и финансовой буржуазии и стремилась использовать в своих классовых интересах завоеванную народом победу. Опасность монархического переворота в первые годы после окончания войны была очень реальной. Монархия казалась привилегированным классам верным средством обезопасить себя от угрозы народного выступления. Среди части офицерства армии были также сильные монархические настроения. Обращение офицеров в Вашингтону с предложением создать в своем лице монархическую власть встретило, однако, решительное противодействие самого Вашингтона. Контрреволюционные попытки не имели успеха, и в Америке была провозглашена

республика. В 1789 году на пост президента был избран Георг Вашингтон.

* * *

Джефферсон в этот период (с 1785 года) находился в Париже в качестве посла Американской республики. Пребывание в пред-революционном и революционном Париже усилило и углубило уже ранее сложившиеся революционно-демократические убеждения Джефферсона. Эти взгляды Джефферсона нашли яркое выражение в его отношении к восстанию, вспыхнувшему осенью 1786 года в Западном Массачусетсе. Восстание было вызвано необходимостью покрыть огромные издержки войны, которые всей своей тяжестью легли на плечи народных масс. Образовавшийся в годы войны государственный долг имел своим следствием рост налогового бремени, который давил бедняков, мелких фермеров, мелких торговцев и ремесленников. Застой в торговле и обесценение бумажных денег все более ухудшали положение народных масс. Разрешение земельного вопроса конфискациями крупных земельных владений и продажей небольших участков полностью не удовлетворяло массы. Во главе вооруженного восстания встал капитан революционной армии Даниэль Шейс. Восстание встретило полное сочувствие и поддержку среди населения и грозило разрастись в гражданскую войну. Представители федералистской реакции с яростью обрушились на вос-

ставших голодных и полураздетых людей, подавив восстание с помощью войска в несколько тысяч человек.

Джефферсон горячо выступил в защиту восставших. «Может ли история дать пример восстания, столь доблестного,— писал он из Франции.—Избави бог, чтобы мы в течение 20 лет не имели восстания подобного этому. Что значат несколько жизней, принесенных в жертву в течение одного или двух столетий... Дерево свободы время от времени должно освежаться кровью тиранов и патриотов. Это его естественное удобрение...»

Провозглашение права народа на восстание в защиту своих прав было сделано Джефферсоном в 1787 году, за два года до начала французской революции и задолго до якобинской диктатуры. Эти идеи решительно отличают Джефферсона от других американских демократических деятелей и вызывают негодование буржуазных историков. По поводу только что приведенного высказывания Джефферсона историк Джон Морс восклицает: «Коледается вера в человечество, когда видишь, что подлинно великий государственный деятель выражает такие безрассудные мысли!..» «Теряешь терпение слушать, когда разумный человек говорит такие глупости!»¹ — сердится дальше тот же историк по поводу мысли

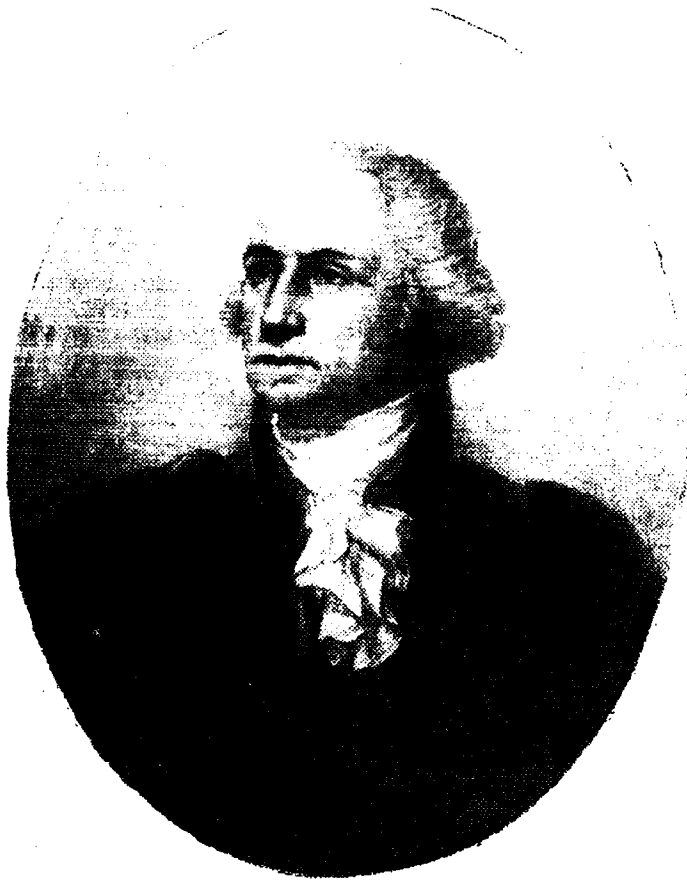
¹ John T. Morse «Thomas Jefferson», pp. 82—83.

Джефферсона о том, что он предпочитает правительству тирании общество без правительства, наподобие индийской общины.

Накануне революции во Франции Джефферсон писал своим друзьям в Америку: «Если вы хотите полностью представить себе, каким благом является наша демократия, посмотрите на существующий здесь порядок. Взгляните на этих свиноподобных королей и королев, прожигающих свою жизнь за картами, на этих аристократов, избегающих всякой деятельности, грабящих налогоплательщиков и прожигающих свою жизнь в разврате, на этих священнослужителей, столь же алчных, как и пэры, и столь же развратных! И взгляните на тружеников страны, тех, кто кормит, одевает и обслуживает своих господ: они живут в хатах, недостаточно просторных для лошади или коровы, питают свое тело и душу пищей, недостаточно хорошей для поряточной собаки; посмотрите на их ломотья, на их изголодавшиеся лица и тела! Их разум темен, они не имеют школ. Невежественные, суеверные, почти одичавшие, они потеряли всякое представление о правительстве, и их религия — лишь форма, не имеющая никакого содержания. Для них государство — господин, которому надо платить, или же они будут осуждены на вечную муку на земле; церковь — господин, которому надо платить, или же они будут преданы проклятию на том свете.

Сдача генерала Корнваллиса 17 октября 1781 года у Йорктауна.

Георг Вашингтон.

Взгляните, вся система во Франции представляет собой перезревший плод...

Джефферсон раз'езжал по французской провинции и изучал быт крестьянства, знакомился с жизнью ремесленников в бедных кварталах Парижа, интересовался условиями их труда и заработной платой. Джефферсон вступил в тесные сношения с революционерами. Дом посла Американской республики на Елисейских полях был местом конспиративных собраний деятелей французской революции. Они доверяли Джефферсону, уважали его, как автора «Декларации независимости».

Джефферсон присутствовал при открытии Генеральных штатов и заявлении Мирабо об отказе разойтись. По свидетельству британского посланника герцога Дорсе, именно Джефферсон дал совет представителям третьего сословия объявить себя Национальным собранием, предоставив двум другим сословиям присоединиться или не присоединиться к ним. Джефферсон присутствовал при взятии Бастилии и при первых столкновениях народа с войсками. Он был в Париже, когда 27 августа Национальное собрание приняло «Декларацию прав человека и гражданина», влияние на которую «Декларации независимости» является несомненным.

Особенно интересными являются взгляды Джефферсона на дальнейшее развертывание революции и участие в ней народа, страдания которого он с таким сочувствием присматривался. В работах американских буржуазных историков весьма

скупо освещается этот вопрос: они заявляют, что письма Джефферсона по этому вопросу «сохранились в таком виде, что не поддаются прочтению...»¹.

В нашем распоряжении имеется, однако, достаточно свидетельств о том, что ни блеск Парижа, ни придворное общество, в котором он в качестве дипломата должен был вращаться, не поколебали демократических убеждений Джефферсона. Под влиянием первых событий революции во Франции он с восторгом писал в Америку Вашингтону: «Французская нация разбужена нашей революцией».

Позже, в эпоху якобинской диктатуры, Джефферсон был в числе немногих, кто оправдывал террор. По этому поводу он писал: «Многие лица, действительно виновные, были казнены без суда, и вместе с ними пали несколько невинных. Об этом я сожалею так же сильно, как и кто-либо другой, и некоторых из павших буду оплакивать до самой своей смерти. Но я оплакиваю их, как если бы они пали в бою. Это оружие (террор.—М. З.) в руках народа необходимо было употребить, оно слепило лишь до некоторой степени и не столь слепло как ядра и бомбы...»

Федералисты травлили Джефферсона и его партию за сочувствие якобинцам, называли их «якобинцами» и «анархистами» и обвиняли в намерении ввести в Америке всеобщую анархию и воздвигнуть гильотину в каждом городе. На это Джефферсон отвечал, что его партия «называет себя именем якобинцев, тем именем, которое еще два месяца тому назад было присвоено ей как клеймо позора».

Джефферсон связывал судьбу демократических преобразований в Америке с успехом революции во Франции. В письме к другу от 25 августа 1791 года он писал: «Я все еще надеюсь, что французская революция окончится счастливо. Я считаю наши взгляды неизменными в этом вопросе. Неудача там была бы мощным аргументом доказать, что неудача должна быть также и здесь».

4

События во Франции раскололи американское общество на два лагеря. Когда в 1793 году Англия присоединилась к европейской коалиции против Франции, разгорелась острая борьба внутри американского правительства. Джефферсон, выражавший стремления народных масс, был за активную помощь Франции, союзнице Америки в войне за независимость. Будучи тогда на посту статс-секретаря в кабинете Вашингтона, Джефферсон предлагал

¹ Th. Watson «The life and Times of Thomas Jefferson», p. 269. 1927.

эмбарго, как меру против агрессоров. «Кажется вероятной мысль, — писал он, — что морские державы, объединяющиеся против Франции, приостановят снабжение этой страны даже продовольствием. Я надеюсь, что конгресс немедленно удалит из наших портов суда наций, осуществляющих агрессию...» 12 марта 1793 года Джефферсон писал: «Представитель Франции сделал предложение о приобретении продовольствия на 3 миллиона ливров для отправки во Францию. Мы согласились без колебаний и не пропустим случая доказать этой нации, как сердечно желаем мы служить ей...»

Федералистская партия во главе с Гамильтоном¹ поддерживала британскую политику, всеми силами пыталась способствовать гибели революционной Франции. Федералисты были напуганы тем успехом и симпатиями, которыми французская революция пользовалась среди американского народа, распевавшего «Марсельезу» и восторженно приветствовавшего посла Франции Жене. Американцы надевали на шапки красные повязки и называли друг друга «гражданами».

Борьба между Джефферсоном и Гамильтоном принимала все более острые формы. Джефферсон открыто обвинял Гамильтона в измене, подкупах, в заговоре с целью свергнуть правительство и установить монархию. В этой борьбе он опирался на поддержку народа, который презрительно называл федералистов «монархистами», «монократами» и «англоманами».

Президент Вашингтон, никогда не почувствовавший французской революции и, по выражению одного историка, «бывший англичанином задолго до того, как он стал американцем»², в этом споре принял сторону федералистов, сторонников Англии. Джефферсон вынужден был уйти с поста статс-секретаря. Вашингтон объявил о «невмешательстве» Соединенных штатов Америки в войну против Франции. Он выпустил прокламацию о нейтралитете. Как и в наши дни, эта политика «невмешательства» означала попустительство в отношении агрессора. Вскоре Вашингтон пошел еще дальше и в 1794 году заключил с Великобританией дружественный и торговый договор. Несколько позже, при преемнике Вашингтона — Джоне Адамсе, — контрреволюционная партия федералистов провела законы против «чужестранцев» и «подстрекателей к мятежу» («Alien and

¹ Гамильтон занимал в кабинете Вашингтона пост министра финансов, и борьба между возглавляемой им партией и партией Джефферсона не прекращалась.

² Meade Minnigerode «Jefferson friend of France 1793», pp. 407—408. 1928.

Illumination.

COLONEL TILGHMAN, Aid de Camp to his Excellency General WASHINGTON, having brought official accounts of the SURRENDER of Lord Cornwallis, and the Garrisons of York and Gloucester, those Citizens who chuse to ILLUMINATE on the GLORIOUS OCCASION, will do it this evening at Six, and extinguish their lights at Nine o'clock.

Decorum and harmony are earnestly recommended to every Citizen, and a general discountenance to the least appearance of riot.

October 24, 1781.

Приказ о разрешении иллюминации в Филадельфии по случаю победы над лордом Корнваллисом 24 октября 1781 года.

Sedition Acts»). Эти реакционные законы под «чужестранцами» подразумевали французских революционеров-эмигрантов, а под видом борьбы с «подстрекателями к мятежу» пытались уничтожить демократические завоевания и задушить свободу слова и прессы в самой Америке.

Наступление реакции вызвало мощную волну народного сопротивления, которая обеспечила торжество демократической партии и избрание Джефферсона на пост президента в 1801 году.

Новый президент — демократ, непримиримый враг феодализма и аристократии — с самого начала своей деятельности старался демократизировать обычай страны и ее учреждения. Вместо того чтобы воспользоваться пышным кабриолетом, запряженным шестеркой лошадей, в котором обычно отправлялись в Капитолий³ для принесения президентской присяги, Джефферсон скромно отправился туда пешком в сопровождении друзей. Пренебрегая этикетом, он упразднил титулы «высочества», «сиятельства», пышные церемонии, полукоролевские балы и «тронные» речи, уже ставшие традицией в американской рес-

³ Здание Конгресса в Вашингтоне.

публике при Вашингтоне и Джою Адамсо. Это «опрошение» вызывало неудовольствие верхушки американского общества. Возникли даже дипломатические осложнения. Британский посланник Мэрри жаловался своему правительству, что, когда он прибыл в Белый дом для вручения своих полномочий, он был принят президентом в negligee и ночных туфлях. Некоторые ограниченные историки склонны были видеть в этом поступке Джефферсона причину осложнений, приведших к войне с Англией в 1812 году. Очевидно, однако, что такой прием посланника британского короля не был случайностью со стороны Джефферсона: он оставался верным своей политике и, возможно, вспомнил, как в 1786 году, когда он прибыл в Лондон для переговоров о заключении торгового договора, на приеме, в королевском дворце, его величество Георг III повернулся спиной к автору «Декларации независимости», а королевские министры даже не пожелали обсуждать условия договора.

Джефферсон старался сделать правительство недорогим для народа, проводя экономию и бережливость в расходовании государственных средств и уменьшение жалованья чиновникам. При Джефферсоне национальный долг сокращался очень быстро, и он надеялся избыток средств употребить на постройку каналов, мостов и дорог, а также развитие образования в национальном масштабе, что являлось мечтой всей его жизни. В области административной Джефферсон постепенно, но настойчиво заменял федералистов в государственном аппарате. Однако его борьба против федералистов, засевших в высших правительственных учреждениях, в особенности в сенате и верховном суде, была безуспешной. Члены верховного суда избирались пожизненно и были независимы от президента. В этом направлении Джефферсон надеялся изменить конституцию, исходя из убеждения, что пожизненные должности противоречат духу республиканских учреждений. Он вовсе не считал американскую конституцию идеалом, поскольку она урезывала суверенитет народа и не обеспечивала демократических свобод: свободы совести, прессы, личности и др. Еще во время утверждения конституции Джефферсон, находившийся тогда во Франции, добивался отсрочки ратификации конституции, пока к ней не будет присоединен «Билль о правах» («Bill of Rights»), гарантирующий упомянутые свободы. Джефферсону удалось добиться принятия конгрессом «Билля о правах» вскоре же после его приезда из Парижа, в октябре 1789 года.

Произведенная таким образом демократизация конституции США являлась важ-

нейшим демократическим завоеванием в интересах народных масс.

Крупнейшим мероприятием Джефферсона на посту президента являлась покупка французской части Луизианы, которая представляла собою обширную область реки Миссисипи и обеспечивала для Западных штатов судоходство по этой реке и выход в море. В 1803 году Наполеон пошел на продажу Луизианы, убедившись, что неизбежна новая война с Англией и что французские владения в Америке будет трудно защищать. Джефферсон действовал очень решительно и употребил всю свою власть и авторитет в стране для осуществления покупки Луизианы, хотя конституцией такие права президента не предусматривались. Вскоре началась англо-французская война, и, если бы Джефферсон колебался и раздумывал, Англия наложила бы на Луизиану свою сильную руку.

Следующим крупным мероприятием Джефферсона было эмбарго, наложенное на иностранную торговлю во время войны Англии против наполеоновской Франции в 1807 году, когда американские суда подвергались многочисленным нападениям как со стороны английских, так и французских судов. Закрытие иностранной торговли очень способствовало промышленному развитию США, но в то же время это мероприятие вызывало значительное недовольство кругов, заинтересованных в американском экспорте, и в особенности владельцев табачных плантаций Юга. Джефферсон рассматривал эмбарго как меру против агрессии, которая давала возможность избежать или, по крайней мере, отсрочить войну. Однако недовольство этой политикой было одной из причин, заставивших его решительно отказаться от поста президента на третий срок.

Борьба Джефферсона за сохранение мира протекала в очень трудных условиях, так как федералистская контрреволюция, внешне побежденная, вела подпольную работу, подготавливая вооруженный переворот и стараясь вызвать войну и раскол штатов — отделение Юга и Запада. Заговорщики находились в изменнических сношениях с иностранными правительствами, прежде всего с Англией, через посланника Мэрри. В заговор были втянуты многие высшие чины армии, верховного суда, сената и члены Конгресса, а также губернаторы штатов. Главной фигурой заговора вначале был вице-президент Аарон Бэр¹. Когда в 1806 году он был разоблачен Джефферсоном, верховный суд, находившийся в руках федералистов, оправдал

¹ А. Бэр принадлежал к демократической партии.

Автограф Джефферсона.

его несмотря на очевидность измены. После разоблачения Бэра предательская деятельность федералистов продолжалась вплоть до войны с Англией в 1812 году, когда столица Соединенных штатов Вашингтон была открыта британцам.

Сложив полномочия президента в 1809 году, Джефферсон последние годы своей жизни отдал любимому им делу народного образования и был основателем и ректором университета Виргинии.

В составленной им самим эпитафии написано: «Здесь похоронен Томас Джефферсон, автор «Декларации Американской Независимости», статута Виргинии о свободе религии и основатель Университета Виргинии».

Наряду с борьбой за политическую свободу и свободу совести он придавал большое значение своей работе в области народного образования. Одно время за границей распространились слухи, что Джефферсон намеревался придать антирелигиозный характер образованию в основанном им университете. Взгляды Джефферсона на религию вызвали много споров и недоумений. Враги обвиняли его в неверии, сторонники защищали, объявляя верующим. На предложение дать разъяснение о своих взглядах на религию старик Джефферсон сердито отвечал, что он «не собирается допустить инквизицию над своим сознанием». В одном из своих писем Джефферсон объявляет себя материалистом и противопоставляет свои взгляды учению Христа, которого называет спиритуалистом. Особенно жестоким критиком он подвергал учение о существовании бога в трех лицах, называя его языческой победой над здравым смыслом человека и указывая, что христиане заимствовали эту идею из мифа о римском Цербере, который, по преданию, имел одно тело и три головы.

Популярность Джефферсона как общественного деятеля была так велика, что за

советами к нему в первые, «либеральные» годы своего царствования обращался даже Александр I. Он усиленно добивался знакомства с Джефферсоном через своего воспитателя француза Лагарпа, который содействовал установлению переписки между ними. На вопрос Александра, с чего ему начать свои преобразования, Джефферсон отвечал, что Александр поступил бы правильно, начав с распространения просвещения среди народа и освобождения его от существующего угнетения.

* * *

Томас Джефферсон умер 4 июля 1826 года, в день пятидесятилетия «Декларации независимости». Дожив до 83 лет, из которых 60 были отданы служению родине, он сохранил до конца ясность ума, мужество и верность своим демократическим убеждениям. Великий деятель, отдавший всю свою жизнь служению народу, умер нищим, вынужденный перед смертью распродавать свое имущество для оплаты долгов и принимать пожертвования частной благотворительности.

Коммунисты — авангард рабочего класса, написавший на своем знамени революционную борьбу за диктатуру пролетариата и коммунизм, самые последовательные борцы за подлинную демократию — демократию трудящегося большинства народа — являются единственными достойными наследниками революционных традиций Джефферсона, как и других выдающихся буржуазных демократов-революционеров.

Рабочий класс США составляет основную силу современного демократического движения в США. По призыву коммунистической партии США, рабочий класс усиливает свою организованность, укрепляя производственные профсоюзы, и вместе с тем тесно связывается с многомиллионными демократическими организациями: «Лигой борьбы за мир и демократию», «Американским конгрессом молодежи», «Национальным конгрессом негров» и др.

В нынешних условиях, когда задача разгрома фашизма сплачивает передовые и прогрессивные силы во всем мире, в том числе и в США, демократические традиции Джефферсона и его сторонников находятся в верных руках рабочего класса и его авангарда — коммунистической партии.

А. Победоносцев

ЧЕРКЕСИЯ

Краткий исторический очерк

В верховьях реки Кубани, там, где она принимает в себя бурные воды левых притоков — Большого и Малого Зеленчуков, — по северным склонам западной части Кавказских гор и их предгорий, на стыке двух краев — Орджоникидзевского и Краснодарского, — раскинулась Черкесская автономная область.

Безотрадным и тяжелым было до победы Великой Октябрьской социалистической революции историческое прошлое черкесского народа.

Черкесия с давних времен была объектом нападений со стороны многочисленных завоевателей. Вначале греки-колонисты, поселившиеся на побережье Черного моря, затем генуэзские купцы, крымские ханы, турецкие султаны, а впоследствии и русские царские сатрапы на протяжении многих веков угнетали свободолюбивый черкесский народ.

В результате завоевания Кавказа царизмом прежде родственные между собой черкесские племена были территориально раз'единены, а многие из них совершенно стерты с лица земли. Значительная часть черкесов была царизмом выселена в Турцию: черкесы же, оставшиеся на Кавказе, были обречены на долгие годы медленного и мучительного вымирания.

Великая Октябрьская социалистическая революция возродила к жизни черкесский народ. Твердо встав на путь социализма, черкесский народ в короткий исторический срок добился громадных успехов на всех участках социалистического строительства.

1

Черкесамп, или адыге, в далеком прошлом называлась большая группа разноплеменных, но родственных по языку и культуре горских народов западной части Северного Кавказа. Они занимали огромную территорию от восточных берегов Черного и Азовского морей на западе до устьев Терека на востоке. По свидетельству некоторых историков, отдельные черкесские племена доходили на севере до Дона. Сохранившиеся до сих пор черкесские названия на всем побережье Черного и Азовского морей, по обеим сторонам Керченского пролива, на Керченском полуострове и в южнорусских степях являются одним из доказательств пребывания здесь в прошлом черкесских племен.

Наиболее многочисленными из них были шапсуги, нутухайцы, темиргои, кабардинцы, бесленей, абадзехи, бжелухи, убыхи, хатукаи и махмеги. Среди всех черкесских племен наибольшей воинственностью

отличались абадзехи, жившие в суровых горных условиях. При «покорении Кавказа» они оказали длительное и ожесточенное сопротивление царским войскам, увлекая своим примером на борьбу за независимость другие черкесские племена.

Все черкесские племена подразделяются на две большие языковые группы: верхнечеркесскую, или кабардинскую, и нижнечеркесскую, адыгейскую, или кяхскую.

В первую входят кабардинцы и бесленей, которые под названием черкесов составляют коренное население Черкесской автономной области и под именем собственно кабардинцев — коренное население Кабардино-Балкарской АССР. Часть кабардинцев живет также в Моздокском районе, Орджоникидзевского края, и около города Армавира.

Ко второй группе принадлежат потомки шапсугов, абадзехов, темиргоев и бжедухов, населяющие территорию Адыгейской автономной области и Шапсугский национальный район, Краснодарского края.

Когда черкесские племена впервые появились на Кавказе, точно не установлено.

Изучение древней истории черкесского народа, как и истории многих других народов, ведется, согласно учению академика Н. Я. Марра, в основном путем научного анализа их языка.

Имеющиеся литературные данные дают основание предполагать, что черкесы находились на Кавказе со времен седой древности. Первые упоминания о черкесах относятся к античному времени. Древнегреческий географ Скилак Коринский, живший более 2500 лет тому назад, называл предков черкесов керкетами.

Первыми соседями черкесов были греки-колонисты, поселившиеся на побережье Черного моря и превратившие в свои колонии земли, принадлежавшие черкесам. Они занимались скотоводством, торговлей и работорговлей.

Близость греков оказала большое влияние на черкесов. Ряд греческих обрядов и обычаев установился среди черкесов очень прочно. Черкесские народные игры, например, очень походила на олимпийские игры. Божества, которым поклонялись черкесы в древности, также очень напоминали греческих богов. Черкесский Зекотх — бог войны и покровитель наездников — напоминал греческого Ареса; Тлепс — бог огня и покровитель кузнечного искусства — греческого Гефеста; Кодес — бог морей — Посейдона. Грекам же принадлежит внедрение среди черкесов христианства.

Самое географическое положение Кавказа превратило его с незапамятных времен в арену борьбы многих народов. За обладание Кавказом, прежде всего Закавказьем,

по которому пролегали пути европейской и азиатской торговли, боролись Рим, позднее — Византия и Иранское государство. На протяжении IV, V и VI веков нашей эры Закавказье находилось под властью Ирана, после чего наступила эпоха арабского владычества, во время которой широкое развитие получили ремесло, торговля и начался рост городов. Здесь, в Закавказье, возникло первое, древнейшее государство в нашей стране — Урарту — государство грузин и армян.

Северный Кавказ — обширная область Предкавказья с находящейся на его территории Черкесией — долгое время был под властью хазар, монголов, турок и крымских татар.

Первые связи черкесов с русскими восходят к периоду Киевской Руси X—XI веков. Известно, что князь Киевской Руси Игорь по пути из Киева к берегам Каспийского моря и в Византию два раза проходил по территории Северного Кавказа. После смерти Игоря сын его Святослав покорил Хазарское царство и многие племена на Оке и Волге и, направившись на Кавказ, разгромил там поселения черкесов, упоминавшиеся в летописях под названием косогов, а также осетин — ясов — и завладел на Азовском море полуостровом Тамань, называвшимся в то время Тмутараканью. С тех пор на непродолжительное время главной силой во всем Причерноморье становится Киевская держава.

В XII веке русские князья прекратили набеги на земли черкесов и долгое время не имели с ними никаких связей. Во второй половине XIII века на берегах Черного моря поселились генуэзские купцы, которые вплоть до XV века вели с черкесскими племенами оживленную торговлю.

Большое влияние на экономическое развитие Черкесии в то время имели путь через Марухский и Клухорский перевалы, соединявшие Черкесию с Абхазией, и так называемая Генуэзская дорога, которая шла от Анапы к Эльбрусу через Черные горы.

В начале XVI века влияние генуэзцев падает; вновь появляются прежние поработители черкесских племен — крымские ханы, находившиеся в свою очередь под влиянием Турции, которая с XVI века укрепила надолго свое могущество на берегах Черного моря.

Полчища крымских татар в сопровождении мулл двинулись на черкесские земли и стали огнем и мечом внедрять среди черкесов ислам — новую для них магометанскую веру. Это кровавое насилие продолжалось несколько десятилетий.

Массовое заселение черкесскими племенами северных склонов главного Кавказ-

свого хребта, очевидно, объясняется тем давлением, которое оказывали на черкесские племена их поработители на Черноморском побережье. По мнению одних исследователей, заселение северных склонов относится к XIII—XIV векам, по мнению других, — к значительно более позднему времени.

По черкесским преданиям, первыми племенами, поселившимися на северных склонах Кавказских гор и их предгорий — в бассейне рек Терека, Малки, Баксана и Черека, — были кабардинцы и бесленей, от которых берут свои исторические истоки современные кабардинцы и черкесы. По имени племени кабардинцев территория, им занимаемая, получила название Кабарды, сохранившееся до сих пор. К моменту заселения кабардинцами центрального предгорья Северного Кавказа относится и возникновение среди них феодальных отношений. Феодальные отношения Кабарды по сравнению с другими горскими народами Северного Кавказа были наиболее типичными и ярко выраженными. Феодальная община делилась на сословия князей, дворян, «свободных», крепостных и рабов. Распри и междоусобицы среди феодалов, **борьба** за лучшие пастбища стали приводить к военным столкновениям, которые кончались поражением одной части феодалов и централизацией власти и крупного пастбищного скотоводства в руках другой.

На возникновение крупной феодальной знати и укрепление ее мощи значительное влияние оказал русский царизм, который впоследствии, при колониальном захвате Черкесии, в свою очередь имел прямую поддержку со стороны черкесских князей-феодалов.

Феодалы вели торговлю с Закавказьем, Крымом, Турцией и Россией. Предметами вывоза являлись рабы, скот, шерсть, шкуры, кожи, рога, грубые сукна, бурки, мед, воск. Ввозились главным образом тонкие ткани, орудия примитивного земледельца, соль, некоторые предметы домашнего обихода и быта.

Рост и укрепление скотоводческого хозяйства крупных феодалов влекли за собой новые ожесточенные распри между ними и обострение классовой борьбы, выразившееся в восстаниях крепостного крестьянства. Чтобы удержать свое господство и освободиться от зависимости крымских ханов, которым Кабарда была обязана ежегодно платить дань и выполнять целый ряд повинностей, часть феодалов в середине XVI века обратилась за помощью к Московскому государству, которое согласилось оказать им покровительство.

Вплоть до первой половины XVIII века Кабарда находилась под опекой Московского государства, после чего вышла из-под

его влияния в результате соперничества Крыма и Турции с царской Россией. Вмешательство Московского государства во внутреннюю жизнь Кабарды вызвало еще большую междоусобицу среди кабардинских князей и новые восстания крепостного крестьянства. Часть князей вместе со своими подданными покинула Кабарду и поселилась в верховьях рек Уруна, Кубани, Большого и Малого Зеленчуков. Потомками этих кабардинцев, получивших название беглых кабардинцев, или хаджиретов, и является коренное население современной Черкесии.

Рядом с беглыми кабардинцами, которые первыми пришли на территорию Черкесии в конце XVI — начале XVII века, поселились абазинцы — выходцы из Цебельды, в Абхазии, — и ногайцы. Ногайцы, потомки монгольских кочевников — татар, — впервые появились в Закубанских степях в XIII веке и долго вели кочевой образ жизни. В конце XVII — начале XVIII века царское правительство вытеснило ногайцев из привольных степей, простиравшихся к северу и северо-востоку от Черкесии, и часть из них, переселившись на территорию Черкесии, стала переходить здесь на оседлость.

Черкесы, абазинцы и ногайцы жили в мирном содружестве. В хозяйственном укладе, нравах и обычаях черкесов, абазинцев и ногайцев было много общего, и впоследствии все они вместе выступили на борьбу с царскими колонизаторами.

2

Царская Россия издавна с воодушевлением смотрела на Кавказ, особенно с того времени, как в ней начали развиваться капиталистические отношения. Захват Кавказа, который по своему географическому положению являлся проходом в страны Ближнего Востока, был заманчивой перспективой для многих капиталистических хитрецов.

О том, какое значение завоевание Кавказа имело для царской России, Маркс и Энгельс писали:

«Если посмотреть на карту Европы, то мы на западной стороне Черного моря заметим устье Дуная, единственной реки, которая, начинаясь в сердце Европы, образует естественный путь в Азию. Как раз напротив, на восточной стороне Черного моря, к югу от реки Кубани начинается Кавказский хребет, который тянется на протяжении 700 миль в юго-восточном направлении от Черного моря к Каспийскому, отделяя Европу от Азии.

Держава, господствующая над устьями Дуная, господствует и над самим Дунаем — этим путем в Азию, — а вместе с тем в значительной части и над торговлей

Пограничная крепость Терки, XVI век.

Со старинной гравюры.

Швейцарии, Германии, Венгрии, Турции и главным образом Молдавии и Валахии. Если эта держава владеет к тому же еще и Кавказом, тогда ей и только ей принадлежит все Черное море, как *mare clausum* (внутреннее море), и ей не хватает только Дарданелл и Константинополя, чтобы закрыть всему миру доступ к этому морю. Обладание Кавказскими горами обеспечивает ей в то же время господство над Трапезундом, а благодаря ее господству на Каспийском море — и над Северным побережьем Персии.

Россия устремляла свои жадные взоры и на устье Дуная, и на Кавказский хребет»¹.

Для подготовки к успешному колониальному захвату Кавказа царизм провел предварительное ознакомление со своей будущей колонией.

В составленной в XVI веке карте — «Большом чертеже» — Московского государства имелись уже обстоятельные сведения о северных склонах Кавказского хребта.

В 1623 году московский купец Федор Катаев, ездивший в Турцию, составил подробное описание своего пути. В 1633—1637 годах казанский купец Василий Гagara под видом хождения в Иерусалим путешествовал по Кавказу и привез оттуда ряд интересующих русского царя сведений. На протяжении XV—XVII веков царское правительство посылало к горским народам Кавказа купцов и посольства и

принимало представителей от горцев в Москве. Все это являлось разведкой к колониальному наступлению на Кавказ.

Первые шаги проникновения царской России на Кавказ относятся ко времени царствования Ивана Грозного, который в 1556 году захватил Астрахань, тогдашнюю столицу ногайских татар, занял значительную часть северовосточного Предкавказья и построил на реке Тереке ряд военных укреплений. Черкесские князья-феодалы, видя в русском царе защитника своих классовых интересов, стали поступать к нему на службу.

В целях упрочения связей с кабардинскими и черкесскими феодалами царь Иван Грозный взял себе в жены дочь крупного кабардинского феодала Темрюка.

Первые поселения русских на территории, прилегавшей к Черкесии, относятся также к периоду царствования Ивана Грозного. На Дон из Центральной России бежали от царского гнета и засиля помещиков обездоленные, разорившиеся крестьяне и селились по соседству с черкесами. Из среды этих поселенцев рекрутировались впоследствии лучшие отряды крестьянских повстанцев Разина, Пугачева, Булавина и Болотникова. Характерно отметить, что черкесы находились вначале в самых дружественных отношениях с казаками, оказывая своим соседям помощь зерном, скотом, семенами.

Захватив Нижнее Поволжье и Северный Каспий, царизм поставил перед собой новую задачу — укрепиться в устье Терека и на побережье Дагестана, чтобы обеспечить тем самым путь в Персию. Здесь, в

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IX, стр. 533.

Собрание представителей адыго-черкесских племен в период борьбы за независимость.
Музей народов СССР.

районе Нижнего Терека; в 1567 году основывается городок Терки, а затем возникает Кизлярская укрепленная линия, заселенная казачьими поселенцами.

В конце 70-х годов XVIII века была создана укрепленная линия Моздок—Азов, и тем самым было положено начало утверждению царизма в Кабарде.

В 1783 году Екатерина II издала манифест о присоединении всего Прикубанского края к России.

Царское правительство стало массами истреблять ногайцев, которые кочевали по просторам Прикубанья, и выселять их в Центральную Россию и на Урал. Часть из них, уцелевшая от расправы и вытеснения в Россию, осела на территории Черкесии.

В 1791 году так называемая Кавказская линия уже была перенесена на Кубань и заселена запорожскими казаками.

После русско-турецкой войны 1828—1829 годов, окончившейся поражением Турции, к России отошли, по адрианопольскому миру, территории, прилегающие к устью Дуная, и были окончательно закреплены все земли, заселенные горцами Кавказа, в том числе и Черкесия.

По поводу захвата Россией Черкесии Карл Маркс писал:

«...Россия не имела никакого права отнимать Черкесию у Турции. Но, с другой стороны, Турция не могла уступить России то, чем не владела сама. Черкесия всегда была настолько независима от Турции, что в то время как в Анале еще имел местопребывание турецкий паша, Россия заключала соглашения с черкесскими вождями о прибрежной торговле,

так как турецкая торговля по закону ограничивалась исключительно гаванью Анапы. А раз Черкесия была независимой страной, то законы о местном самоуправлении, санитарные правила и таможенные предписания, которыми сочли нужным снабдить ее москвитяне, имели такую же степень обязательности, как русские законы для гавани Тамнико»¹.

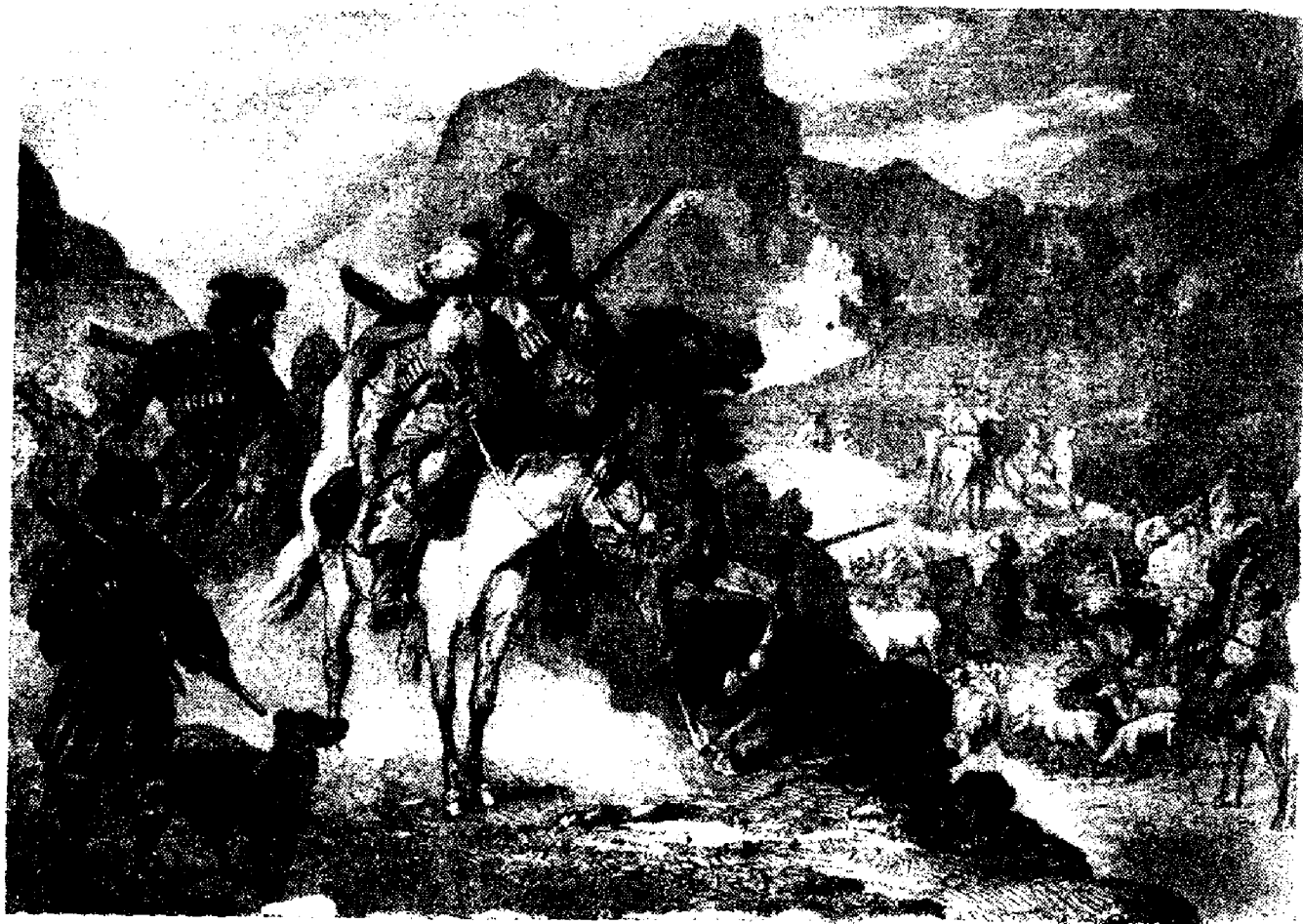
Царизм поставил перед собой прямую цель — расширить границы своих владений, создать колонию-форпост с выходом к Черному морю и обезопасить для себя торговые пути на Ближний Восток.

Завоевание Кавказа было зверской и кровавой расправой российской военно-феодалной империи над свободлюбивым и вольным народом. Целые аулы стирались с лица земли; чтобы лишить черкесов всякого убежища, царские войска вырубали громадные пространства лесов. С обширных пастбищ черкесов вытесняли в дикие, бесплодные ущелья гор.

Великий русский поэт А. С. Пушкин во время путешествия в Арзум в 1829 году, проезжая по Западному Кавказу, писал: «Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены».

Царь хотел, чтобы Пушкин, возвратясь из путешествия по Кавказу, воспел в своих произведениях «славные подвиги» царских войск, но из глубины души великого поэта вылилось горячее сочувствие горцам, гибнущим в неравном бою с завоевателя-

¹ Маркс и Энгельс. Т. IX, стр. 541—542.

Переселение черкесов в Турцию.

ми. Последняя строфа неоконченного стихотворения А. С. Пушкина «Кавказ» кончается словами:

«Так буйную вольность законы теснят,
Так дикое племя под властью тоскует,
Так ныне безмолвный Кавказ негодует,
Так чуждые силы его тяготят».

Свыше полвека длилась упорная борьба черкесов за свою независимость.

В неравной борьбе с царизмом черкесский народ проявлял чудеса храбрости и самопожертвования во имя того, чтобы отстоять свою родную землю.

Эта борьба была в полном смысле слова борьбой за существование. Равнинные пространства предгорий, которые отнимались у черкесов, были основой их хозяйства: в горах не только нельзя было заниматься земледелием, но невозможно было даже на круглый год обеспечить скот кормом.

Отсюда понятно то ожесточенное сопротивление, которое оказывали черкесы натуплению царских войск.

Борьба черкесского народа привлекала себе внимание всего мира.

Карл Маркс внимательно следил за этой борьбой; в ряде своих обозрений он упоминает о черкесах, их военных успехах и поражениях.

Жизнь, полная тревоги, необходимость постоянной готовности к обороне превра-

тили черкесов в храбрых, воинственных людей. Оружие для черкеса было дороже всего. Сложилась черкесская пословица: «Смерть наездника в бою — плач в его дому, а потеря оружия — плач в целом народе».

3

Успешной борьбе горских народов Кавказа с царскими захватчиками в значительной степени мешало отсутствие единства между отдельными народами и племенами. Царские генералы разжигали национальную рознь между отдельными народами и племенами Кавказа, натравливали их друг на друга. Были случаи, когда царское правительство с провокационной целью передавало часть земель или добычи, захваченных у одного племени, другому. Это делалось для того, чтобы обострить вражду между отдельными горскими народами и ослабить их мощь в борьбе с общим врагом — царизмом. Еще в первый период захватнической войны русского царизма на Кавказе Екатерина II писала в своем письме генералу де-Мелему: «Разномыслие между горцами облегчит ваше предприятие. На это дело и денег не жалеть».

С 30-х годов XIX века горцы Северного Кавказа были объединены под руководством

Черкесская знать, состоящая на службе царского правительства. Первая половина XIX века.

Рис. Гагарина.

Шамиля и на протяжении 25 лет героически боролись против царских войск. Руководить отдельными областями Шамиль посылал наиболее мужественных горцев, пользующихся доверием и любовью народов Кавказа. Наибом, т. е. представителем Шамиля, в Черкесии был Магомет Амин. Под его руководством борьбу Черкесии за независимость возглавляли Барзек Дагумуко Хаджи Керондук, Хушт Хаджи Хасан, Хаджи Гузбек и другие видные защитники независимости Черкесии.

Кровавая трагедия «покорения Кавказа» стоила десятков тысяч жизней солдат и казаков царской армии. Натравливаемые на горцев Кавказа как на врагов русского царя и веры христовой, крестьяне и казаки царской армии, переодетые в солдатские шинели, пригонялись в неведомые для них степи и горы Кавказа и массами погибали как в боях, так и от непривычных для них климатических условий: резкой смены сильного зноя и холода — и от малярии.

Основным методом царизма в его борьбе с черкесами являлось вытеснение черкесов в бесплодные горные ущелья и территориальное раз'единение отдельных племен.

Еще в первой четверти XIX века генерал Ермолов построил ряд укреплений в местах расположения станц Баталпаши-

ской и Барданинской и заселил их казаками. Такая же цепь поселений возникла и по рекам Лабэ, Уруну и Зеленчукам, а также на месте нынешних станц Сторожевой и Исправной.

Таким путем царизм пядь за пядью отнимал у черкесов последние остатки равнины, превращая степные просторы в районы своей колонизации.

«Политика царизма, политика помещиков и буржуазии, — указывает товарищ Сталин, — состояла в том, чтобы насадить в этих районах побольше кулацких элементов из русских крестьян и казаков, превратив этих последних в надежную опору великодержавных стремлений»¹.

Раз'единенные черкесские племена были лишены возможности совместно действовать, и это создало предпосылки для навесения окончательного удара Черкесии.

В 1859 году, после поражения Шамиля и сдачи вождя горцев северозападного Кавказа Магомет Амина, царские войска с еще большей силой обрушились на черкесские племена, направив против них огромную армию. В 1860 году были побеждены натухайцы. В последующие, 1861—1862 годы царские войска захватили огромное пространство в междуречье Белой и Лабэ и двинулись в глубь земель

¹ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 71.

беднота. Дореволюционный перюд.

Музей народов СССР.

к верховьям реки Инши. Здесь были ожесточенное сопротивление убыхов и части шапсугов. Около Кабардинского перевала в 1863 году верхнекабардинцы были вынуждены сдать, после разгрома войсками, выйдя к Туапсе, к выселению шапсугов. Погибли были покорены убыхи и хахучи. Жесточайшая и обескровленная в полувекшней борьбе, сдавленная в железном кольце царских войск, находившаяся десятилетиями в условиях тяжелой экономической блокады, героическая Черкесия, наконец, пала. 1864 год считается годом покорения Черкесии и вместе с тем всего Кавказа. Царский палач граф Евдокимов, руководивший последними действиями против черкесов, потопив в крови несчастный народ, приказал уцелевшим черкесам переселиться из родных аулов на болотистые талярийские земли или же выселиться в Турцию.

Выселение черкесов в Турцию приняло настолько угрожающие размеры, что атаман Баталпашинского отдела Братков написал 1 декабря 1888 года в своем письме наместнику Кавказа «о безусловной необходимости остановить горцев Баталпа-

шинского отдела на местах их настоящего поселения, с предоставлением им некоторых даже льгот (бесплатное пользование пастбищными полями нагорной полосы и др.), ибо за выходом их в Турцию этот край на многие сотни лет обратится в пустыню. Здесь для русского жителя равнины среди болот нет почвы».

Бросая жалкий скарб, сжигая сакля, оставляя скот, хлеб и сено, зарывая в землю мало-мальски ценное имущество, десятки тысяч черкесов в лютые морозы пробирались через Кавказский хребет на берега Черного моря, в Анапу и Новороссийск. Многие из них не могли перенести трудностей тяжелого пути и умирали. Тысячи могильников, оставшиеся на пути движения черкесов, на Черноморском побережье, являются историческими памятниками этого ужасного переселения. Голод и скопление черкесов на берегу в ожидании прихода судов, которые обещала прислать Англия, вызвали эпидемические заболевания. Весь берег был усеян трупами. Официальный историк того времени А. П. Берже пишет: «Никогда не забуду я того подавляющего впечатления, какое произвели на меня горы в Новороссийской бухте, где их собралось на берегу 17 тысяч че-

ловек. Позднее, ненастное и холодное время года, почти совершенное отсутствие средств к существованию и свирепствовавшая между ними эпидемия тифа и оспы делали положение их отчаянным»¹.

Черкесов, погрузившихся на суда, грабили в открытом море судовладельцы и пираты. По приезде в Турцию их ожидали новые лишения: им отводились самые вредные в климатическом отношении, заболоченные малярийные участки, непригодные для обработки земли, на которых черкесы массами погибали.

Народ, численность которого до нашествия русского царизма достигала 2 миллионов человек, к концу истребительной войны насчитывал значительно меньше миллиона человек, из которых лишь самая небольшая часть осталась на Кавказе.

4

Строительство железных дорог с ориентацией на Черное море создавало выгодные условия для неограниченного сбыта сельскохозяйственных продуктов. Получив свободный доступ на Кавказ, промышленные изделия царской России наводнили местный рынок и стали быстро вытеснять продукцию туземных кустарных промыслов, искони дававших средства к существованию многочисленному слою черкесов-кустарей. Положение черкесской бедноты и разорившихся кустарей было исключительно тяжелым. Многие из них не могли найти работы даже за грошовую плату у своих князей-землевладельцев и были вынуждены уходить на отхожие промыслы в казачьи станицы и города, где они подвергались самой зверской эксплуатации.

«Царская Россия была тюрьмой народов. Многочисленные нерусские народности царской России были совершенно бесправны, беспрестанно подвергались всяческим унижениям и оскорблениям. Царское правительство приучало русское население смотреть на коренные народности национальных областей как на низшую расу, называло их официально «иногородцами», воспитывало презрение и ненависть к ним»², — пишется в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

Говоря о положении великорусских народов до революции, упоминая и черкесов, товарищ Сталин указывает: «Политика царизма, политика помещиков и буржуазии по отношению к этим народам состояла в том, чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их

культуру, стеснять язык, держать их в невежестве и, наконец, по возможности руссифицировать их. Результаты такой политики — неразвитость и политическая отсталость этих народов»³.

Все это полностью подтверждается той жизнью, которую вынужден был вести черкесский народ до революции.

Путем раздачи крупных земельных участков, награждения всяческими чинами и медалями царизм создал себе опору в среде черкесских князей, эфенди, помещиков и кулачества. В руках этих эксплуататоров к началу империалистической войны находились свыше половины всей посевной площади, почти сплошь все пастбища и сенокосы, свыше 80% скота, в то время как подавляющая часть черкесского населения совсем не имела посевов и лишь ничтожное количество имело карликовое хозяйство на приусадебных участках.

До революции Черкесия входила в состав Баталпашинского отдела Кубанской области и управлялась казачьими атаманами, царскими приставами и местными князьями. Беззащитные черкесы были предметом безграничного произвола царских жандармов. Жаловаться было некому, так как в суде сидели те же насильники. Ни о просвещении, ни об охране здоровья трудящихся, разумеется, не могло быть и речи. Грамотность среди черкесов, абазинцев и ногайцев на русском языке в аулах до революции не превышала 0,2%. Своей письменности эти народности в царское время не имели совсем; арабская же письменность — язык ислама, язык «правой веры» — была достоянием только мулл и эфенди. В нескольких духовных школах — медресе и миссионерских школах — обучались дети туземной знати, из которых готовили чиновников на службу царизма. Никаких лечебных учреждений до революции в аулах Черкесии не было; ввиду отсутствия врачебного персонала за медицинской помощью трудящиеся обращались к знахарям и эфенди, которые являлись «исцелителями» от всех болезней. Туберкулез, трахома, сифилис, эпидемии брюшного тифа, оспы и скарлатины, свирепствовавшие в аулах, ежегодно уносили в могилу и калечили тысячи человеческих жизней.

Используя родовые пережитки и многонациональный состав Черкесии, царские чиновники расселяли на ее территории черкесов, абазинцев и ногайцев так, чтобы вызывать между ними постоянные раздоры из-за частого передела земель и пользования пастбищами, тем самым разжигая национальную рознь.⁴

Для того чтобы подавить в черкесском

¹ Е. Рже «Переселение горцев с Кавказа». «Русская старина». Т. 33, стр. 362.

² «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 6.

³ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 69—70.

Старый быт Черкесии.

Дореволюционный период.

народе чувство национального и классового самосознания, царские колонизаторы, опираясь на туземную знать, насильственно проводили русификаторскую политику.

5

Февральская буржуазная революция не улучшила положения черкесского народа. «Февральская революция таила в себе внутренние непримиримые противоречия. Революция была совершена усилиями рабочих и крестьян (солдат), между тем как в результате революции власть перешла не к рабочим и крестьянам, а к буржуазии»¹. Февральская революция лишь развязала руки местной земельной буржуазии, которая перешла к новому захвату земель трудящегося крестьянства, к еще большему закабалению бедноты и к усилению своего политического господства. Только Великая Октябрьская социалистическая революция окончательно и бесповоротно принесла освобождение многострадальному черкесскому народу. Но победила она на окраинах не сразу, так как «натолкнулась на плотину в виде образовавшихся еще до Октября «национальных советов» и областных «правительств» (Дон,

Кубань, Сибирь)»², — писал товарищ Сталин.

Черкесы, кабардинцы, чеченцы, ингуши и другие горские народы Кавказа при помощи рабочего класса великого русского народа сбросили со своих плеч самозванные «правительства», пытавшиеся продать эти народы иностранным интервентам, и, встав на сторону советской власти, присоединились к Советской России. Эти народы образовали свои областные советы, объединившие вокруг себя широкие трудящиеся массы всех национальностей Северного Кавказа.

В январе 1918 года в Армавире был организован Кубанский областной исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских, красноармейских, казачьих и горских депутатов, который имел огромное влияние в деле организации революционных сил и создания советов на местах.

На территории Черкесии первый совет был организован в январе 1918 года. История его возникновения такова. Видя нарастающую угрозу со стороны большевизирующихся масс станиц и аулов, атаман Баталпашинского отдела под видом «демократизации» управления созвал съезд населения отдела. На этот съезд Кубанский областной исполнительный комитет советов

¹ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 52—53.

² Там же, стр. 53.

Переход С. М. Кирова во главе партизанского отряда через Мамисонский перевал. 1921 г.
Музей народов СССР.

послал своих представителей во главе с членом облисполкома тов. Макеевым, которым было поручено развернуть на съезде широкую разъяснительную работу. Подавляющее большинство участников съезда поддержало делегацию Кубанского облисполкома, и вместо атамана на территории Черкесии был избран орган советской власти — Баталпащинский отдельский исполнительный комитет советов. Обнаглевшие контрреволюционеры, убедившись, что такими методами они ничего не добьются, перешли на путь террора. В ту же ночь группой казачьих офицеров, ворвавшихся в гостиницу, был зверски убит первый организатор советской власти в Черкесии тов. Макеев. Не имея организованной военной силы, избранный на съезде исполком вынужден был перенести свой центр в станицу Отрадную, в 65 километрах от станицы Баталпащинской, где во главе с коммунистической организацией приступил к формированию отрядов Красной Гвардии и к укреплению местных советов по всем станицам и аулам.

Отдельский исполком проводил в аулах Черкесии под руководством Наркомана, возглавлявшегося тогда товарищем Сталиным, большую разъяснительную работу, которая имела колоссальное значение и поднимала трудящихся черкесов на борьбу с белогвардейцами.

Огромная роль в этой работе принадле-

жала Сергею Мироновичу Кирову, который был в то время на Кавказе. Он неоднократно указывал, что главные враги революции на Кавказе — это землевладельцы, особенно князья. Он призывал все народы Северного Кавказа объединиться под лозунгом «Республика рабочих, крестьян, казаков и горцев». Тов. Киров прилагал все усилия к тому, чтобы предотвратить начавшуюся под влиянием контрреволюционной агитации вражду и военные столкновения между трудящимися казаками и горцами, и звал их на совместную борьбу против князей и земельной буржуазии. В своем докладе на народном съезде Терской области 5 марта 1918 года в Пятигорске тов. Киров говорил: «Поймите, наконец, что единственный путь и для вас, казаки, и для вас, горцы, — это во что бы то ни стало, ценою каких угодно жертв протянуть друг другу братскую руку. Ибо какие бы вы жертвы при этом ни приносили, они будут несравненно меньше тех жертв, какие дает война»¹.

В конце 1918 года положение Красной Армии на Кавказе ухудшилось. С помощью Германии, при вмешательстве Англии и в результате временных успехов чехословацких войск в Центральной России денкинские банды пошли в бешеное наступ-

¹ С. М. Киров. Набранные статьи и речи, стр. 26. Партиздат. 1937.

Колхозники-черкесы изучают Сталинскую Конституцию.

ление. Отражая натиск белых банд, отряды Красной Армии вынуждены были, слившись с XI армией, отступить в безводные астраханские степи.

В этот напряженный период, когда решались судьбы советской власти на Северном Кавказе и денкинские банды ворвались уже в Северную Осетию, оборону края возглавил Серго Орджоникидзе; организуя военные силы для обороны, он в то же время вел неустанную разъяснительную работу среди широких масс горцев Северного Кавказа, призывая их объединиться во имя священной войны против белобандитов. В тот тяжелый момент Серго писал Ленину: «Нет снарядов и патронов. Нет денег... Шесть месяцев ведем войну, покупаем патроны по пяти рублей. Владимир Ильич, сообщая Вам об этом (подробности почтой), заверяю, что мы все погибнем в неравном бою, но чести своей партии не опозорим бегством. Симпатии горских народов на нашей стороне...»¹.

Когда героические отряды Красной Армии были вынуждены отступить, Серго Орджоникидзе с группой отважных товарищей ушел в горы и продолжал со всей страстью большевика и пламенного организатора масс проводить там работу по созданию революционных частей.

¹ «Правда» от 15 февраля 1938 года.

В начале 1920 года Красная Армия во главе с Серго Орджоникидзе и Сергеем Мироновичем Кировым блестяще реализовала сталинский план разгрома Деникина, и в марте 1920 года на Кубани, в том числе и в Черкесии, была окончательно восстановлена советская власть.

Черкесский народ вместе с другими ранее угнетенными народами обрел свою советскую национальную государственность и встал на путь социализма.

* * *

Неузнаваемой стала Черкесия за время советской власти, и с каждым годом, с каждым днем лишь ее меняется.

Большие горные богатства таят в себе недра Черкесии. Железные и свинцово-цинковые руды, коксующийся каменный уголь, золото, прекрасные сорта мрамора, известняков, алебаstra, высококачественных огнеупорных глин — все эти полезные ископаемые были обнаружены только после революции и в настоящее время являются огромной сырьевой базой для промышленности.

Встав на путь социалистического развития, Черкесия добилась огромных успехов. Создана социалистическая промышленность местного, краевого и общесоюзного значения. Удельный вес промышленной продук-

нии в общем товарном балансе области с 5,3% в 1929 году поднялся уже к 1934 году до 33,2%, а за последние годы возрос еще более; из отсталой, аграрной области Черкесия превратилась в аграрно-индустриальную. Прочно укрепившись на пути промышленного развития, Черкесия становится одним из крупных индустриальных районов края.

На смену мелкому, единоличному, распыленному сельскому хозяйству станиц и аулов пришло крупное, коллективное производство. В колхозах объединено 99% трудящегося крестьянства области. Посевная площадь после революции выросла в 5 раз, урожай колхозных полей за последние годы повысился вдвое. Площадь посева только одной озимой пшеницы в 1937 году превышает в полтора раза всю посевную площадь дореволюционной Черкесии, а посевы кукурузы превысили ее довоенную площадь в 4—5 раз. В колхозах успешно внедряются новые сельскохозяйственные культуры: соя, конопля, лекарственные травы, эфирносы. Область ежегодно получает обильные сборы овощей, фруктов, винограда. О том, как технически перевооружилось сельское хозяйство, можно судить по следующему сопоставлению: до революции население аулов не знало даже железного плуга и простейших уборочных машин — в 1938 году почти вся вспашка произведена тракторами и свыше 70% посевной площади зерновых убрано комбайнами. В результате победы колхозного строя область из потребляющей превратилась в производящую, с все возрастающей с каждым годом товарной продукцией земледелия и животноводства. Зажиточной и культурной стала жизнь колхозников.

Бывшая царская колония с поголовно неграмотным населением стала теперь социалистической областью почти сплошной грамотности. Начиная с 1931 года все дети школьного возраста обучаются в школах на родном языке. Во всех крупных аулах открыты неполные и полные средние школы. В области имеются сельскохозяйственный техникум, педагогическое училище, сельскохозяйственная школа колхозного актива; в городе Микоян-Шахаре открылся Карачаево-Черкесский педагогический институт. Из среды черкесского народа выделяются талантливые писатели. Издаются газеты, журналы и массовая политическая и художественная литература

на черкесском, абазинском и ногойском языках.

Неузнаваем становится прежний аул. Темные, дымные сакли, лепившиеся друг к другу как гнезда ласточек, узкие — чуть-чуть проехать всаднику — проулочки, зловещая тишина, прерываемая лишь по утрам и вечерам мычанием коров, блеянием овец да заунывным пением муллы с минарета, — эта картина старого аула ушла в безвозвратное прошлое. Большинство современных аулов, перенесенных из горных теснин и ущелий на плоскость, почти ничем не отличается от больших станиц. Узкие проулки сменились широкими улицами, дымные сакли — красивыми, удобными домами колхозников. В центре аулов высятся большие каменные здания школы, аульского совета, клуба, почты.

Успехи Черкесии были бы еще большими, если бы враги народа — презренные выродки из троцкистско-бухаринской, националистско-фашистской своры, пробравшиеся к руководству области и впоследствии разоблаченные славной советской разведкой, — на протяжении ряда лет не вели вредительской работы. Суровый и беспощадный приговор вынес черкесский народ своим врагам.

Озаренный Сталинской Конституцией, возрожденный черкесский народ живет полнокровной, культурной, свободной и радостной жизнью. Сравнивая прошлое с настоящим, один старик-черкес рассказывает, что в царское время, работая батраком у князя, он получал за работу полтора пуда проса в год. Теперь по выработанным в колхозе трудодням он ежегодно получает в 2 и 3 раза больше чем за половину своей жизни, проработанную у князя. Другой седой старик-черкес, проживший на свете около ста лет, говорит: «Вот если бы запрудили эту горную речку, куда бы пошла вода? Она бы теснилась, бурлила, билась бы о берега и стонала. Вот так и было с нашим народом. Мы, в прошлом бедные горцы, всю жизнь прожили запруженными. И вот пришел к нам большой человек, Ленин, и открыл в реке запруженное место. Вода хлынула большим потоком и пошла свободно, вольно и радостно. А теперь эту горную реку расчистил от ненужного камня и от всего наносного наш родной и любимый Сталин. Я прожил в своем ауле много лет и никогда еще не видел, чтобы так хорошо, как сейчас, мы жили».

А. Букштейн

ПАРИЖСКОЕ ВОССТАНИЕ 1358 ГОДА

1

В начале XIV века увеличение удельного веса товарно-денежных отношений в экономике Франции и расширение ее государственных границ вызвали к жизни новое политическое учреждение — Генеральные штаты, которые являлись представительством высшего дворянства, духовенства и городских верхов. Генеральные штаты возникли из съезда королевских вассалов путем присоединения к двум первым условиям — духовным и светским феодалам — представителей третьего сословия. Окончательно сформировались Генеральные штаты в 1302 году при короле Филиппе IV Красивом.

В 1328 году во Франции пресеклась старшая ветвь царствовавшей династии Капетингов. На трон вступил представитель ее младшей линии, Филипп VI Валуа. Но другой родственник Капетингов, английский король Эдуард III, выступил соискателем французского престола. Спор за французский трон послужил поводом к войне между Францией и Англией.

Начавшаяся в 1338 году и продолжавшаяся до 1453 года война, получившая название Столетней, на самом деле возникла в результате более глубоких противоречий между двумя странами. Важнейшим из этих противоречий была борьба за Фландрию, политически связанную с Францией, но экономически тяготевавшую к Англии. В борьбу были втянуты Священная Римская империя и папство, так что Столетняя война породила затяжной кризис, в котором непрерывно пребывали ведущие страны феодальной Европы. Особенно болезненно переживала кризис Франция, на территории которой велась эта опустошительная война.

В 1346 году, при Креси, произошло первое крупное сражение Столетней войны. Французская армия состояла из рыцарей-феодалов, пренебрежительно относившихся к военному искусству английской городской милиции, набравшейся из буржуазии и презрительно названной рыцарями «лавочниками». Самонадеянные французские рыцари были, однако, наголову разбиты английской армией, славившейся своими хорошо обученными лучниками, набравшимися из людей «среднего класса» — мелких рыцарей и горожан. Поражение французских феодалов подорвало их военный авторитет в стране и вызвало раздражение французской буржуазии.

В 1348 году Францию, как и другие страны Европы, посетила «черная смерть» — страшная эпидемия чумы, завезенная в Европу с Востока итальянскими купцами. Массовая смертность дезорганизовала экономическую жизнь Франции и повлекла за собою катастрофическое обнищание населения.

В 1351 году был обнародован орлонанс короля Иоанна II Доброго. Орлонанс устанавливал суровые репрессии за бродяжничество, таксировал цены на продукты и навязывал пехам новый регламент. Всеми этими мерами правительство рассчитывало обеспечить предпринимателей дешевой рабочей силой, но в действительности только усилило недовольство в народе.

В 1356 году у Пуатье французское феодальное войско потерпело еще одно сокрушительное поражение. Цвет французского рыцарства во главе с самим королем Иоанном II был захвачен в плен Черным принцем — наследником английского престола, который командовал английской армией.

Причиной неудач французской армии были варварство и близорукость ее воен-

Французский рыцарь. XIV век. Из коллекции Артиллерийского музея в Париже.

чальников, которые из страха перед вооруженными массами держались за устаревшие феодальные принципы комплектования армии, увлекались уже отживающими свой век турнирными методами ведения войны, пренебрежительно относясь к новым методам военного искусства.

Неудачная война еще больше подорвала производительные силы Франции и разорила ее население. Так например в крупном индустриальном центре, Шалоне на Марне, производство пало в 40 раз. Если в начале XIV века ремесленники этого города выделывали более 30 тысяч штук сукна, то во 2-й половине XIV века они выработали всего лишь 800 штук. Такая судьба постигла и другие промышленные центры страны.

Сопутствовавшее промышленному упадку увеличение налогового бремени, вызванное ростом расходов на военные нужды, неоднократная фальсификация монеты, к которой прибегала обанкротившаяся власть, окончательно дезорганизовали торговлю и ремесло, разорили купцов и ремесленников и довели до крайних пределов недовольство и возмущение народных масс.

В городах разгорелась внутренняя классовая борьба между имущими и пенными слоями населения. Ход этой борьбы определял занятую тем или иным городом позицию в отношении к королевской

власти. Когда в этой борьбе одерживали верх городские низы, город в целом выступал как революционная сила; когда победа склонялась на сторону буржуазной (патрицийско-бюргерской) верхушки, город занимал позицию колеблющуюся или переходил на сторону реакции. По мере развития борьбы восставшие города, в числе которых был Париж, смыкались с крестьянским восстанием, но прочными союзниками крестьян являлись только плебейские слои городов. Однако и в их лице крестьяне не нашли необходимого им для успеха восстания организующего начала, так как наемный труд в городах еще только зарождался и рабочим не успели выделиться в особый класс. Большая часть городов примкнула к дворянству и приняла участие в подавлении крестьянского движения. Отсутствие единства между отдельными городами происходило от экономической отсталости страны, в которой отсутствовал национальный рынок и были гипертрофированы местные интересы.

Первым из городов революционную борьбу начал Аррас: здесь социальная борьба обострилась в связи с увеличением косвенных налогов и главным образом габели (соляной налог), что в первую очередь задевало интересы маломощных и бедноты. Трудовые элементы Арраса в марте 1356 года захватили власть в городе в свои руки. Многие буржуа, опасаясь плебейской расправы, поспешно бежали, 20 богатых горожан были схвачены и казнены. Когда позже в городе появились восставшие крестьяне, аррасцы испекли им хлеб и снабдили их оружием и латами для войны против дворян.

Напряженная борьба протекала и в Амьене: плебейские массы этого города послали вооруженный отряд в подкрепление восставшим крестьянам; тогда амьенский мэр и эшеваны снарядили людей для преследования ушедших; между двумя группами амьенцев произошло столкновение, причем с обеих сторон были раненые и убитые.

Особо следует отметить события в Саллисе. Увидев приближающееся к стенам восставшего города дворянское ополчение, саллисцы, приняв меры предосторожности, отворили городские ворота и дали рыцарям возможность проникнуть в пределы города. Когда ничего не подозревавшие рыцари обнажили оружие и достигли центра города и когда уже раздался их клич, призывавший к атаке и грабежу, горожане спустили на них с нагорной улиты заблаговременно приготовленные телеги. С нарастающей быстротой понеслись вниз эти своеобразные торпеды и врезались в толпу дворян, опрокидывая наземь лошадей и давя

упавших всадников. В этот момент вооруженные горожане вышли из засады и напали на метавшихся в панике рыцарей. Мужчинам помогали женщины, выливавшие из окон на головы врагов бурлящие потоки смолы и кипятка.

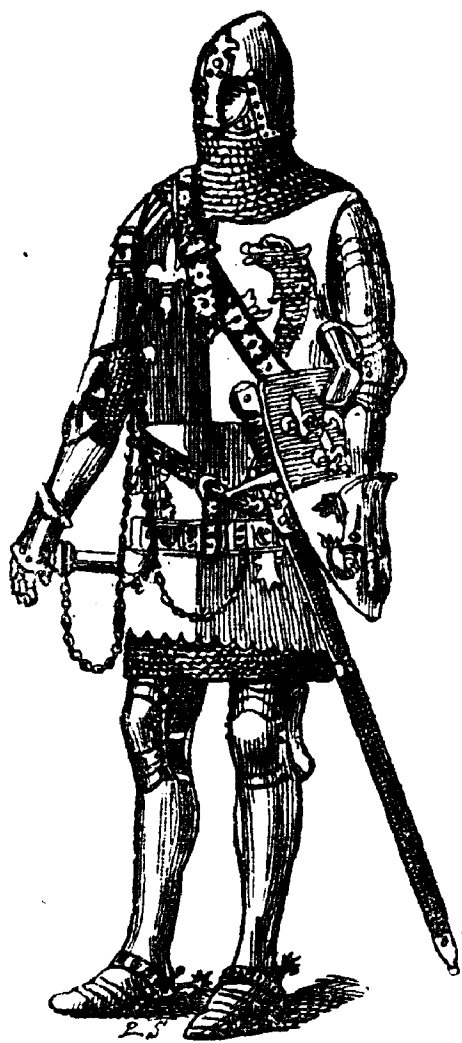
Санлис был одним из городов, где преобладало демократическое большинство. Его решительному выступлению против дворянства предшествовала борьба против реакционных элементов внутри города.

Ведущая роль в городском движении принадлежала главному городу королевства — Парижу. В Париже находились: королевский двор, правительственный аппарат, высшая судебная инстанция — парламент — и всемирно известный университет. Париж являлся административным и культурным центром страны. Блестящая королевская свита, сановная бюрократия, высокопоставленное духовенство, известные ученые и важные иностранцы — все они представляли собою богатых заказчиков, привлекавших в столицу многочисленных купцов и ремесленников. К началу XIV века в Париже насчитывалось 350 цехов, объединявших около 6 тысяч членов. В 1328 году в Париже для надобностей фиска было зарегистрировано около 60 тысяч «дымов»; исчисляя население каждого дома в среднем в 5 человек, ориентировочно можно говорить о 300 тысячах населения столицы.

С развитием торговли и ремесел в Париже произошло резкое размежевание на-

Одежда знатной дамы. Франция. XIV век.

Французский рыцарь. XIV век. Из коллекции Артиллерийского музея в Париже.

селения. Совершавшие крупные торговые обороты богатые купцы, замкнувшиеся в узкую касту мастера старших цехов составляли одну обособленную группу горожан; они образовали патрицианские роды и называли друг друга прюдомами (безкоризненно честными людьми). Парижские патриции владели огромными капиталами, предприятиями внутри города и значительными земельными владениями в округе. Они покупали себе дворянские звания, приносившие не только моральное удовлетворение мещанскому тщеславию, но и реальные выгоды приобщения к привилегированному сословию. Они проживали в домах, превосходивших по роскоши феодальные замки и украшенных импровизированными фамильными гербами. Богатые парижане соперничали с феодальной аристократией внешним блеском своей жизни, но, не имея доступа в государственный аппарат, уступали ей во влиянии на государственные дела. Тем не менее зажиточные патриции Парижа, организованные в могущественные корпорации, монополизировали парижский городской совет и представляли значительную политическую силу.

Вторую группу населения Парижа составляли средней руки торговцы и мастера младших цехов; из их рядов комплектовались кадры бюргерской оппозиции, хотя в большинстве своем они смыкались с пат-

рициатом и делили с ним власть в городских муниципалитетах.

Эти две группы парижского населения были связаны с феодальным миром тесными экономическими узами. Их коммерческая или промышленная деятельность зиждилась на обслуживании феодалов. Восседавшие на троне Валуа и подражавшая их стилю жизни масса дворянства в XIV веке стали особенно расточительны. Они тратили большие деньги на приобретение роскошных тканей, драгоценной утвари, дорогого оружия, пряностей и т. п. предметов, которые нельзя было произвести внутри поместья. Навстречу дворянским прихотям приходила буржуазная предприимчивость.

Соответственным образом и буржуазная идеология в XIV веке была проникнута феодальным влиянием. Буржуа того времени были насквозь пропитаны провинциальными интересами и ревниво оберегали свои местные вольности; провинциальные штаты охотно вотировали налоги только на местную оборону. В отношении консолидации буржуа уступали духовенству, объединенному общей зависимостью от римской курии, и дворянству, которых спланивал страх перед движением крестьянских масс.

Многочисленная группа подмастерьев, учеников, поленщиков, батраков, строительных рабочих, лотошников, базработных бродяг и нищих — весь этот мелкий, обездоленный люд образовывал самую обширную плебейскую массу городского населения. Парижский плебс подвергался эксплуатации со стороны привилегированных предпринимателей и был лишен возможности вести легальную борьбу за улучшение своего положения, так как не обладал политическими правами и был отстранен от участия в муниципальном (городском) управлении.

Парижский муниципалитет состоял из мэра (городской голова), 4 эшевен и 26 советников; в XIV веке все эти должности были выборными. Однако сами выборы отнюдь не отличались демократическим характером и обеспечивали парижским буржуа монопольное управление городом. Во главе городской администрации стоял мэр. Парижским мэром всегда избирали прево (prévôt — старшина) парижских купцов. Парижские купцы объединялись в корпорацию «торговцев на воде»; это была могущественная организация, сохранявшая исключительное право парижских купцов водить торговые суда по Сене. Эта важная монополия, отдававшая в их руки Сене — крупнейшую торговую магистраль средневековой Франции, — приносила им большие барыши. «Торговцы на воде» были привилегированной, патрицианской верхушкой парижских буржуа. Многочисленные ремесленные цехи столицы материально зави-

сели от купцов, в руках которых находилось снабжение столицы.

Экономическое преобладание купечества влекло за собою и его политическое господство. 4 эшевена и все 26 советников, точно так же как и мэр, избирались из среды купечества. Муниципалитет ведал раскладкой налогов, полицейской охраной города, строительством общественных сооружений, на нем лежала забота поддерживать в санитарном состоянии огромный город с многочисленным населением. Для выполнения этих разнообразных функций имелась целая армия специальных должностных лиц: графье (регистраторов), сборщиков налогов, королевских прокуроров, ремесленных инспекторов, архитекторов и др. Важную роль играли начальники кварталов (всего 16, по числу парижских кварталов): они следили за исполнением предписаний мэра, обнаруживали злоумышленников, собирали добровольные взносы, следили за своевременным открытием и закрытием магазинов, несли пожарную охрану города; они по приказу мэра протягивали поперек улиц тяжелые цепи во время народных волнений. В этих разносторонних обязанностях начальникам кварталов помогали пятидесятники и десятники. Поквартальная организация Парижа, поддерживавшая общественный порядок внутри города, и наемное войско, несшее охрану городских стен и караульную службу у городских ворот, были той вооруженной силой, которая охраняла привилегии парижских буржуа.

2

Таков был социальный строй Парижа к моменту, когда город восстал против королевской власти.

Вооруженной борьбе против правительства предшествовали оппозиционные выступления представителей Парижа в Генеральных штатах созыва 1356 года. Работа Генеральных штатов протекала в напряженной обстановке нарастающего недовольства масс. Виднейшим депутатом от третьего сословия в Генеральных штатах был парижский патриций, прево парижских купцов, мэр города Парижа, крупный сукнодел Этьен Марсель. Его популярность особенно возросла в 1356 году. Когда победа англичан у Пуатье открыла им доступ в бассейн Луары и создала угрозу самой столице, Э. Марсель энергичными мерами укрепил обороноспособность Парижа. По его инициативе были реставрированы уже обветшавшие городские стены и возведены земляные укрепления. К участию в этих капитальных работах было привлечено все столичное население. Одновременно Э. Марсель провел реорганизацию парижской армии.

Выступление епископа города Лана Роберта Лекюка на собрании Генеральных штатов с речью о том, что чиновники короля должны быть лишены своих прав. Миниатюра из рукописи XIV века.

До этого город охранялся наемниками. Муниципалитет решил создать милицию, то есть военное ополчение из самих горожан, привлекая в ряды милиции исключительно имущие элементы; народ остался невооруженным. Буржуа каждого квартала образовывали отряды под командованием начальника квартала, которому помогали пятидесятники. Двадцатитысячная армия парижских буржуа под командой своих начальников ежедневно проходила военное обучение и несла караульную службу.

Генеральные штаты 1356 года, созванные сыном короля дофином Карлом, будущим королем Карлом V, с целью ликвидировать последствия поражения и изыскать средства для выкупа короля из плена и для дальнейшего ведения войны с англичанами, сделали ряд попыток осуществить реформу государственного управления. Они потребовали у дофина устранения от государственного кормила «дурных советников» короля и назначения на их место сословных представителей. Кроме того они потребовали дополнительного включения в Большой тайный совет¹ в качестве его членов

¹ Большой тайный совет являлся высшим административным учреждением Франции; наряду с высшим судебным учреждением — парламентом — и высшим финансовым учреждением — Счетной па-

латой и предлагали составить из депутатов Генеральных штатов Военный совет, который координировал бы всю организацию военных сил королевства. Карл саботировал постановления Генеральных штатов и уехал в Мец, к своему дяде, императору Священной Римской империи Карлу IV, надеясь заручиться его помощью. Однако, не получив иной поддержки, кроме сочувственных речей, окончательно обанкротившийся дофин вскоре вернулся в Париж. Чтобы пополнить пустую казну, он приказал пустить в обращение порченную монету. В ответ на это парижские кушцы и ремесленники закрыли свои лавки и мастерские. Улицы столицы наполнились возбужденной толпой, распевавшей крамольные песни и недвусмысленно бряцавшей оружием. Дофин испугался и пошел на уступки. Он пригласил к себе депутацию из почетных горожан во главе с Э. Марселем и заявил им о своем согласии подчиниться постановлениям Генеральных штатов. Париж одержал первую крупную победу над королевской властью.

В феврале 1357 года снова собрались

латой — Большой тайный совет выделился из прежнего Королевского совета в результате дифференциации государственного аппарата, связанной с усложнением задачи управления разросшимся государством.

Генеральные штаты. Представители дворянства, нануганные ростом революционного движения, готовы были примириться с королевским домом, в котором они видели оплот своего господства над народными массами. Поэтому они не явились на заседания Генеральных штатов 1357 года. Индифферентно отнеслись к Генеральным штатам также и провинциальные города. Представители провинций боролись против гегемонии столицы, и они пытались сорвать заседания Генеральных штатов. У депутатов провинциальных городов неожиданно появились «неотложные» личные дела, и многие из них не явились в Париж. В результате удельный вес представителей Парижа в Генеральных штатах чрезвычайно возрос.

В исторической литературе постановление Генеральных штатов 1357 года известно под названием Великого мартовского ордонанса. Ордонанс предусматривал усиление политической роли Генеральных штатов и регулярный их созыв; он устанавливал новый модус голосования, благодаря которому депутаты от третьего сословия получали больше шансов проводить свои предложения; ордонанс гарантировал неприкосновенность личности всем депутатам; придавал постановлениям Генеральных штатов характер всеобщности, делая их обязательными для провинций, не представленных на сессии; ордонанс объявил отставку с одновременной конфискацией имущества 22 наиболее ненавидимых королевских сановников; он временно отстранил от занимаемых должностей весь бюрократический аппарат монархии (было начато следствие, чтобы выяснить лицо каждого чиновника); для осуществления предпринятой радикальной чистки государственного аппарата была создана комиссия генеральных реформаторов, избранная Генеральными штатами; было постановлено вновь расширить Большой тайный совет, введя в него новых людей из «партии реформаторов»; королевская подпись получала законную силу, только будучи скрепленной по меньшей мере 3 подписями членов совета; ряд пунктов ордонанса был направлен к оздоровлению финансов, военной и судебной администрации; в тех случаях когда правительство оказывалось бессильным обеспечить порядок, Генеральные штаты могли разрешать народу вооруженную самозащиту. Генеральные штаты вынесли постановление о сборе налога, для того, чтобы оказать субсидию королю, но потребовали, чтобы взимание налога, расход и контроль производились Штатами, для чего они должны были собираться три раза в год, даже без созыва их королем.

Таким образом, мартовский ордонанс представлял собою программу широких политических реформ, долженствовавших

огранить интересы буржуа от произвола королевского правительства путем чистки государственного аппарата от дворянских элементов, открыть представителям буржуа доступ к замещению вакантных должностей. Однако победы в условиях Франции XIV века, при относительно слабом развитии рынка и ремесел, французские буржуа могли добиться лишь при условии временного раскола среди феодалов и заключения союза с одной частью феодалов против другой. Но деятельность вождей парижского восстания в их поисках союзников не была последовательной, и их мероприятия отличались противоречивостью и оппортунизмом: применяясь к реальной обстановке, они все время меняли своих союзников, опираясь то на дофина, то на Карла Злого¹, то обращаясь за помощью к англичанам, то в последний момент—к восставшим крестьянам, которых они, однако, бросали на произвол судьбы при первой же неудаче.

Утверждение буржуазных историков XIX века, что буржуа XIV века «во внезапном, но преходящем порыве возвысились до идеи национальной свободы» (О. Тьерри) и что «Э. Марсель сумел подняться до политических концепций, самых возвышенных и иногда отвлеченных» (Перран), является очевидным преувеличением. Буржуазная историография, идеализируя Э. Марселя, тем самым искажала его образ, лишив его жизненных, характерных для его эпохи черт.

Важным этапом в развитии революционных событий был апрель 1357 года. Как уже известно, в результате разгрома французской армии у Пуатье французский король Иоанн оказался в плену у англичан. Но и из неволи он пытался вмешиваться в политическую жизнь Франции и оказывать на нее свое воздействие. Оставаясь в плену, король продолжал вести царственный образ жизни в кругу обширного двора, состоявшего из высшего французского рыцарства и знатных дам. Счет за этот расточительный образ жизни расчетливые англичане предъявляли Франции. Еще более разорительным для королевства оказался выкуп из плена короля и его многочисленной свиты. Когда 5 апреля 1357 года в Париже был обнародован королевский рескрипт, присланный Иоанном из бордосского плена, с сообщением о заключении перемирия на тяжелых для Франции условиях, с запрещением собираться Генеральным штатам и отменой установ-

¹ Карл Злой, наваррский король, благодаря своему внешнеблагожелательному, по существу дела, демагогическому образу действия в отношении городов, казался парижскому патрициату более приемлемым кандидатом на французский престол чем представители правящего дома Валуа.

Речь дофина перед толпой парижан на рыночной площади.
Миниатюра из рукописи XIV века.

ленного последним налогом, среди населения столицы разразилась буря негодования. Население вооружалось, повсюду были расставлены посты, городские ворота были закрыты, улицы перегорожены цепями, вокруг города спешно воздвигались укрепления.

По требованию Э. Марселя и его единомышленника Роберта Лекока, дофин отменил предписание отпа, однако положение дел оставалось угрожающим, так как зашевелились силы реакции, ободренные инициативой короля. Отстраненные от должностей, озлобленные, королевские садовники вели подрывную работу в провинции, агитируя против Парижа. Провинции отворачивались от декретировавшей налоги столицы и принимали сторону королевской власти, которая из демагогических соображений освободила их от уплаты налога. Однако играть на бескорыстии королевская власть могла очень недолго. Дофин вскоре вынужден был пойти на мировую и санкционировать новый созыв Генеральных штатов. В это время в Париже появился бежавший из заточения король Наварры Карл Злой. Помимо королевства Наварры, Карл Злой обладал огромными ленами в Северной Франции. Приходясь родственни-

ком Валуа, он шантажировал дофина, претендуя на французский престол, который, заявлял он, вакантен, поскольку король находится в плену. Наступившее смутное время и фактическое отсутствие короля представлялись ему благоприятным моментом для осуществления своих замыслов. Поддержанный частью феодалов, недовольных промахами Валуа, и буржуазией, Карл Злой стал открыто добиваться французского престола.

Восставший Париж стремился использовать его в качестве союзника против дофина, но, в конечном счете, сам был им использован, а затем брошен на произвол судьбы, когда карта восставших была битая. Карл Злой по прибытии в Париж сразу же начал демагогические ораторские выступления, возбуждая на многочисленных митингах неприязнь к дофину и искусно укрепляя собственную популярность. Э. Марсель поддерживал притязания Карла Злого и одновременно деятельно заканчивал работы по укреплению города и делал запасы про довольствия на случай осады.

Дофин попытался сыграть на социальной розни столичного населения и апеллировать к плебейской массе, отстраненной от управления и обремененной повинностями.

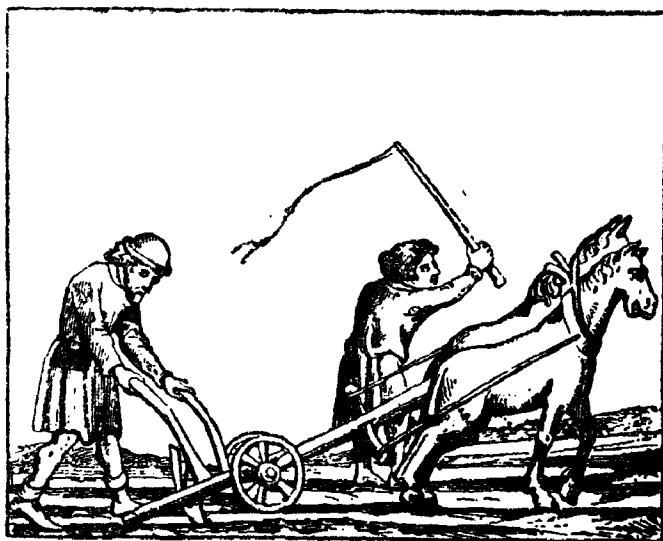
ми. В речи, обращенной к огромной толпе парижан, собравшейся на рыночной площади, дофин в целях реабилитации заявил, что был бесцелен бороться против англичан, так как не получил ни одной копейки из тех средств, которые собирали с народа для военных нужд; дофин уверял в своей готовности жить и умереть вместе с парижскими массами. Его речь была встречена одобрительно. Узко классовая политика буржуазной верхушки Парижа и других городов вызывала недовольство народных масс, что сказывалось прежде всего на таком остром вопросе, как налоги. Налоги были распределены таким образом, что они всей своей тяжестью обрушивались на народные низы.

Обеспокоенные, Э. Марсель и его сторонники в свою очередь собрали народ, чтоб отвести от себя упреки дофина. С защитительной речью выступил соратник Э. Марселя — Шарль Туссак. На этот раз раскол среди населения Парижа был предотвращен.

Но в то же время все очевиднее становилась изоляция столицы. В Генеральных штатах в январе 1358 года представители дворянства отсутствовали вовсе. От духовенства было несколько депутатов. Немногочисленной была и депутация от третьего сословия благодаря уклонению провинций от посылки своих представителей.

Убийство парижанами двух маршалов на глазах у регента. Миниатюра из рукописи XIV века.

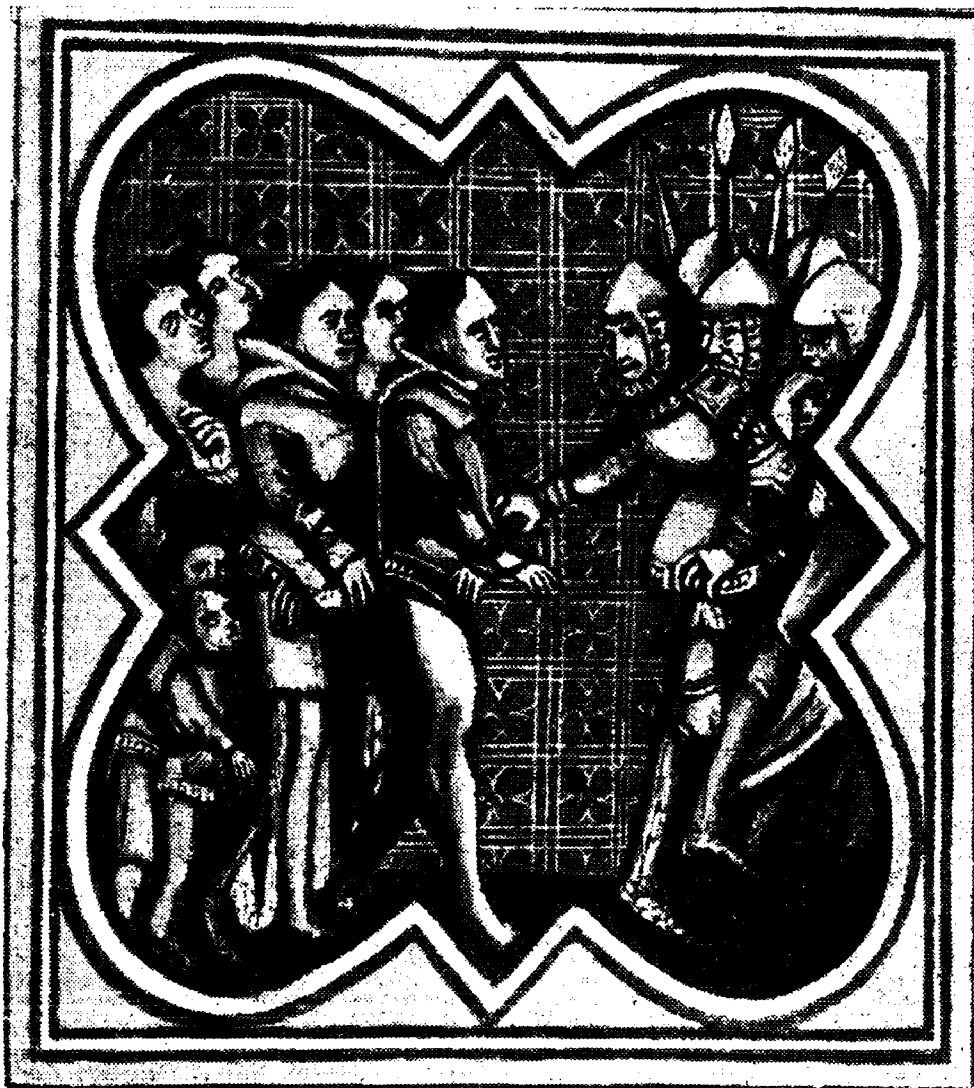

Французские крестьяне за пахотой. XIV век. Со старинной миниатюры.

Дофин, наместник короля, был фактически пленником парижан. Его стерегли и не выпускали за пределы столицы. Его власть ограничивалась советом, состоявшим из членов так называемой «народной партии», или «партии реформаторов», — представителей парижского патрициата. Совет игравший роль революционного правительства, снабдил дофина титулом регента, то есть временного правителя государства; его подпись обладала силой высшей санкции. Этим парижские власти освободили себя от необходимости обращения за утверждением своих законодательных актов к королю Иоанну Доброму. Но регент отнюдь не предполагал содействовать делу восставших, а, наоборот, обнаруживал контрреволюционные тенденции. Он уволил советников, навязанных ему Генеральными штатами. В ответ на это в феврале 1358 года произошли новые волнения, которыми непосредственно руководил Э. Марсель.

22 февраля 1358 года во дворец проникла группа парижан, на глазах у регента растерзавшая двух его маршалов. Устрашенный убийством, трепещущий за свою собственную жизнь регент по требованию восставших облачился в красно-синюю шапку — символ восставшего Парижа — и всенародно одобрил действия восставших. Парижане вынудили одобрение своих действий у еще не раз'ехавшихся из Парижа провинциальных депутатов Генеральных штатов и разослали раз'яснительные письма городам. Часть городов одобрила действия парижан, но многие города осудили убийство.

Разрыв между столицей и провинциями углублялся. Еще в начале февраля Генеральные штаты, в которых преобладающее влияние имели депутаты Парижа, потребовали уничтожения провинциальных штатов. Симпатии провинций к столице быстро пошли на убыль. «И произошло в королевстве большое разделение, потому что

Первое собрание Жакерии в Бовези. Миниатюра из рукописи XIV века.

многие города и даже большая часть их держала сторону регента. Их прямого сеньора, а другие стояли на стороне Парижа», — читаем мы в «Больших французских хрониках».

Вскоре регенту удалось бежать из Парижа.

У регента были сторонники и в самой столице, главным образом среди зажиточных парижан, владевших землями вне городских стен. Эти элементы были склонны договориться с регентом.

Дофин бежал в провинцию, чтобы стать во главе сил реакции. Центром контрреволюционных предприятий регента стала Шампань. Подготавливая поход на Париж, дофин собрал под свои знамена дворянское ополчение и сделал попытку вывезти луврскую артиллерию, но попытка эта не увенчалась успехом. Войска дофина захватили город Мо, господствовавший над верхним течением Сены, над Уазой и Ноанной, по которым шло продовольствие для столичного населения. Восставшая столица была поставлена под угрозу голода.

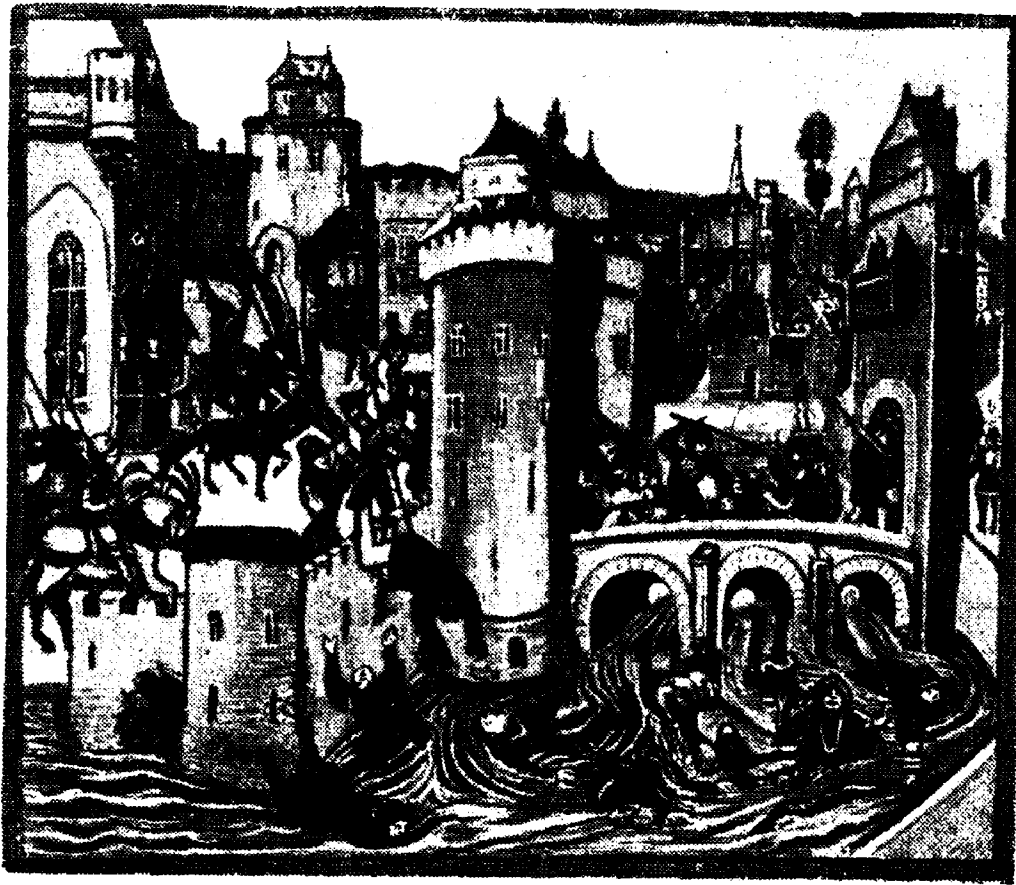
3

В эти критические для Парижа майские дни 1358 года началось одно из крупнейших крестьянских восстаний средневе-

ковья — «Жакерия» (название восстания происходит от французского *Jacques Bonhomme*, то есть Яков-престак, как презрительно называли крепостных господ-феодалы).

Крестьянство являлось важнейшим фактором всей средневековой истории. Хотя роль городов возрастала с течением времени, все же центр тяжести феодальной экономики находился в деревне. Наиболее острые социальные конфликты возникали также за пределами городских стен. Основной движущей силой в революционных событиях 50-х годов XIV века было именно крестьянство, поскольку основным противоречием средневековья было противоречие между крупной феодальной собственностью и мелким крестьянским производством, основным антагонизм был в отношениях между феодалом и крепостным.

21 мая 1358 года в местечке Сен-Леде-Жеран произошли первые погромы дворянских замков. Очень быстро крестьянское восстание охватило значительную часть Северной Франции. Возникшие во время восстания отдельные крестьянские отряды скоро начали объединяться. Крестьянская армия включила в свои ряды революционно настроенных ремесленников. «Генеральный

Сражение восставших горожан и крестьянских партизан с рыцарями де Фуа в Мо. Со старинной миниатюры.

капитан» крестьянского восстания Гильом Каль создал себе канцелярию, своего рода военно-революционный штаб, откуда исходили приказы, скрепленные особой печатью. В них крестьянам предписывалось избирать предводителями отрядов достойных этого отличия горожан. Одним из таких был Отфонтэн — брат президента провинциального парламента: другим был Колар — богатый мельник из Клермона.

Примитивно вооруженным и плохо обладающим организации крестьянам необходимым был союзник. Поскольку и город и деревня имели общего врага — реакционное дворянство, сгруппировавшееся вокруг наследника престола, — борьба с этим непримиримым врагом и послужила платформой для объединения крестьян и горожан. Вот почему в различных городах появлялись посланцы крестьянского вождя с предложением военного союза против дворянства.

Таким образом, вооруженная смывка города и деревни осуществлялась снизу вопреки осторожной политике буржуа, тревоживших за свою собственность и опасавшихся покушений на нее со стороны городских янзев и крестьян.

Гильом Каль отправил специальную депутацию к Э. Марселю с предложением о совместных действиях против дофина. Парижан стремились использовать крестьянское движение в своих целях. В то же время Э. Марсель скрывал союз с крестьянами, дабы не отпугнуть благонамеренных буржуа богатых городов. «Вам надлежит

знать, что указанные вещи, случившиеся в Бовези¹, начались и произошли помимо нашего сведения и послания», — писал он в письме к городам.

Э. Марсель организовал 2 вспомогательных отряда, которые были им посланы на помощь крестьянской армии. Один из них возглавлялся бакалейщиком Пьером Жюлем и золотых дел мастером Пьером Дебарром. Им было предписано совершить рейд в южном направлении, атаковать дворянские замки и варочьи в восстание эту, еще не участвовавшую в движении область. Другой отряд находился под начальством Жана Вейана — прево привилегированной корпорации парижских монетчиков. Он присоединился к Гильому Калю, осаждавшему замок Эрменонвиль. Совместными усилиями замок был разрушен, а его владелец Робер Лорри, придворный Иоанна Доброго, спасая жизнь, отказался от своего благородного происхождения и присягнул мятежному Парижу. Набегу подвергся также замок, принадлежавший канцлеру Орженону, автору «Больших французских хроник». Отряды парижан, руководимые буржуа, проявляли большую умеренность: обезоруживая врагов, они именем Э. Марселя запрещали их убивать.

Крупнейшим военным предприятием парижан был поход, предпринятый для освобождения Мо. Задача заключалась в об-

¹ Бовези — место, где началось крестьянское восстание, — расположено к северу от Парижа.

таления городской птаделью Марша, которая доминировала над окрестностями, препятствуя свободному судоходству по реке Марне и тем самым снабжению столицы.

Мэр города Мо, Сула, местный капоньяк Шазенуа и суконщик Жан Роз, подготавливая восстание горожан, заручились помощью крестьян из прилежащей округи и вступили в тайные сношения с Э. Марселем.

9 июня 1358 года около 300 человек с П. Жюлем во главе отправились из Парижа по направлению к Мо; в пути к ним присоединились еще 500 человек под командой Ж. Вейана и большое количество партизан. Этих сил было вполне достаточно для взятия города, который неминуемо должен был капитулировать, но капитуляции его помешали случайные обстоятельства. На помощь осажденным пришли случайно проезжавшие рыцари Гастон де Фуа и де Буш, которые как раз в это время возвращались в сопровождении 150—200 вассалов из крестового похода против пруссов. Испытанные в боях, хорошо вооруженные, рыцарские войска оказались сильнейшим противником для неискушенных в военном ремесле горожан и крестьян.

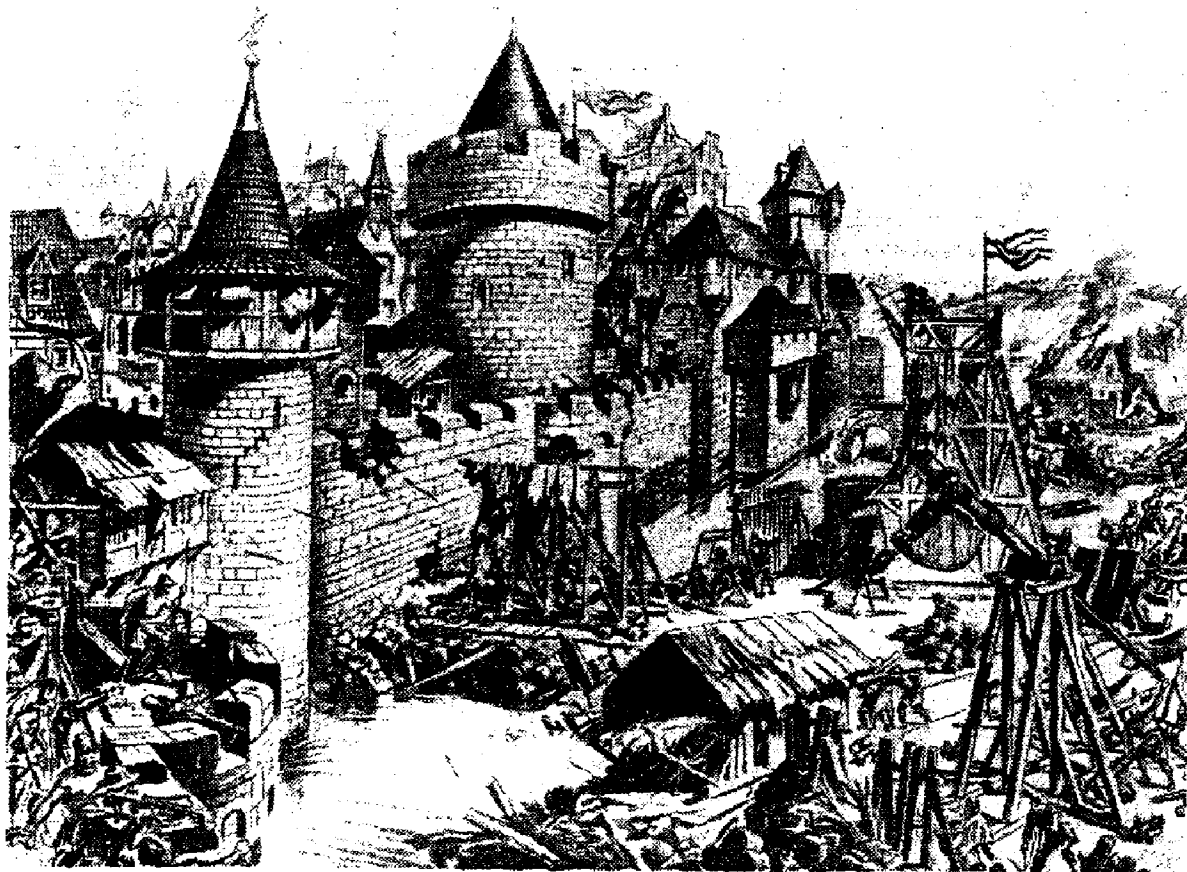
При виде неожиданной помощи осажденные воепринули духом и бросились в ата-

ку. Парижские стрелки были сняты; все, кто не успел бежать, были перебиты. Несчастных обитателей Мо бросали в темницы или сжигали в собственных домах. Живописный город был превращен в печальные руины. На пустынных улицах его валялись трупы убитых. На видном месте болтались тела повешенных мэра Сулы и его товарищей.

В письме к городам, датированном 11 июля 1358 года, Э. Марсель описывал ужасы дворянской расправы и просил содействия для спасения народа. «Отдайтесь этому предприятию, — писал он, — значит совершить дело более угодное богу чем крестовый поход против сарацинов...»

Около этого же времени Э. Марсель во главе парижан совершил экспедицию к Корбейлю — важному пункту, захваченному регентом, который хотел воспрепятствовать снабжению столицы хлебом. Под стенами города произошла отчаянная битва; парижане стеснили с боем, захватив в плен маршала Нормандии Риго де Футэна, разрушив имевший стратегическое значение Шарантонский мост и принеся с собою в голодающий Париж захваченные у врага припасы.

Прехусмотрительный Э. Марсель был против совершения вылазок, обходившихся слишком дорого парижанам; он их допускал, уступая давлению буржуа, владе-

Осада города в XIV веке.

Убийство Этьена Марселя на крепостной башне в Париже 31 июля 1358 года. Со старинной миниатюры.

ших землями в округе и требовавших защиты своей собственности.

С каждым днем положение парижан становилось все более затруднительным. 30-тысячная армия регента, обложившая Париж, обрекала его жителей на голод. Разумеется, больше всего страдало немощное население столицы. В городе усиливался ропот. Видя, что ей не справиться с противником при существующих условиях, парижская буржуазия изменила своему союзнику — крестьянству — и пошла на новые уступки Карлу Злому, который в это время стоял во главе дворянских отрядов, громивших восставших крестьян. Карл Злой учинил зверскую расправу над жемлем восставших крестьян Гильомом Клемом, который был предательски отдан в его руки буржуазией города Клермон.

Внутри Парижа усилилась активность тайных агентов регента, распространявших среди населения столицы различные инсинуации. Народу внушалось, будто превозмудство и видом оплаты английских наемников Карла Злого ловко округляет свои капиталы. Голодный парижанин оказывался восприимчивым к этой клевете. Имущие слои Парижа, терпевшие убытки благодаря рас-

стройству торговли и ремесла и лишившиеся своих земельных владений, конфискованных дофином, хотели мира путем сговора с королевской властью. 19 июля 1358 года превозмудство вступил в переговоры с дофином и согласился на капитуляцию Парижа. Дальнейшая участь города представлялась решению реорганизованного городского совета.

Возмущенный предательским договором, парижский плебс восстал с оружием в руках и перебил часть наемников Карла Злого. Спасая оставшихся в живых наемников, в которых Э. Марсель видел последнюю опору против регента, он вывел их за пределы города. Здесь дважды произошло столкновение между ними и парижанами, стоившее последним сотни жизней, а Э. Марселю — остатков популярности.

Немощные слои Парижа ничего не получили от восстания, совершенного их руками, и не хотели далее поддерживать вождей, которые спелись с врагами и предали народ.

31 июля 1358 года мнительный и опасающийся измены Э. Марсель лично производил смену караула на одной из башен городской стены. Неожиданно появилась

толпа заговорщиков. Ее предводителем был Жан Мальяр, парижский буржуа, еще недавно правая рука Э. Марселя, теперь считавший его помехой на пути к соглашению с регентом. Заговорщики предательски убили Э. Марселя. После убийства Э. Марселя были казнены его сподвижники Ш. Туссак и др. Тела революционных вождей были сброшены в Сену.

Отсутствие единения между отдельными городами и внутри городского населения ослабило позицию Парижа и облегчило дофину борьбу против него. В начале движения все население столицы объединилось в единодушном осуждении королевской власти, но с течением событий снова обострились старые социальные противоречия между парижанами. Э. Марсель в интересах буржуазной верхушки Парижа стремился стать выше ее идейной ограниченности и пытался вести политику балансирования между дофином и Карлом Злым, используя в то же время восстание крестьян. Эта полная противоречий и колебаний политика Э. Марселя выдвигается буржуазными учеными за некую наиклассовую линию в его деятельности. Политика Э. Марселя потерпела фиаско. Он был предан парижскими буржуа, уставшими от восстания, нануганными социальным характером движения и жаждавшими выгодного мира с королевской властью.

2 августа 1358 года регент в'ехал в Париж. С 3 августа начались массовые казни парижских буржуа, позже из фискальных соображений замененные огромными штрафами.

В 1359 году богатый парижский меняла Мартин Пидоэ составил заговор против регента. Это было последнее эхо парижского восстания. Пидоэ был выдан деносчиком и подвергнут четвертованию.

* * *

Крестьянское восстание 1358 года было подавлено. «Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том слу-

чае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями»¹. Этих условий не было тогда во Франции. В раздираемых классовыми противоречиями французских городах наемные рабочие еще не успели выделиться в особый класс из общей массы плебейской части городского населения. Что же касается буржуазных групп городского населения, то их союз с крестьянством был с самого начала построен на узко классовой основе. Они хотели лишь использовать крестьянское движение в своих целях и предали своих союзников, как только обнаружили, что соглашение с крестьянством перестало быть выгодным. Но, лишившись опоры крестьянского движения, оттолкнув от себя народные массы города, само буржуазное движение городов должно было неминуемо потерпеть поражение.

Движение народных масс 1358 года не прошло бесследно для истории дальнейшего развития Франции. Крестьянское восстание, направленное против основ феодального способа производства, представляло прогрессивное явление и расчищало путь для развития новых, буржуазных отношений.

Вспарившийся в 1364 году Карл V вынужден был отказаться от политики первых Валуа. Путем реформ король сверху реализовал многое из того, чего добивались депутаты третьего сословия в Генеральных штатах. Упорядочение финансов, исправление налоговой системы, восстановление королевского домена, улучшение администрации, реорганизация военного дела — таков перечень реформ Карла V.

Однако перечисленные реформы не учитывали интересов крестьянства и плебейских масс городов. На протяжении всей остальной истории средневековой Франции крестьянские восстания и движение плебейских масс города не прекращались.

¹ И. Сталин. Статьи и речи, стр. 159. Партиздат. 1934.

ВОССТАНИЯ РАБОВ И ВАРВАРСКИЕ ВОЙНЫ В ТАВРИДЕ

1

Среди множества племен кочевнико-скотоводов, населявших в древности степные просторы юга европейской части СССР в начале первого тысячелетия до нашей эры, особенно выделялись своим могуществом и богатством скифы. Много сведений о них сообщают нам историк Геродот и другие источники¹.

Постепенно скифские кочевья и поселения охватили обширные пространства: на югозападе до теперешних Полтавщины и Киевщины включительно, на севере до Воронежской области. Реки Урал, Волга, Дон, Днепр, Буг, Днестр способствовали развитию рыболовства и служили скифам путями сообщения. Можно предполагать, что у скифов господствовали производственные отношения, соответствующие первобытно-общинному строю, хотя в рамках этого строя уже начинали зарождаться элементы его разложения, появлялись рабы и частная собственность на средства производства и на рабов.

В VII—V веках до нашей эры Скифия представляла собой цветущую страну. Богатства Скифии привлекали отважных мореплавателей, предприимчивых купцов-греков. Сюда же бежали из полисов Греции и Малой Азии аристократы или демократы, когда ожесточенная классовая борьба, шедшая там, поворачивалась против них.

В 540 году до нашей эры относится основание греками на месте скифского поселения колонии Пантикапея. Основала ее изгнанная победившими демократами торговая аристократия города Милета во главе со своим вождем Археанактом.

Место для колонии было выбрано очень удачно. Расположенный на высоком холме на берегу Боспора Киммерийского (на месте теперешней Керчи), Пантикапей находился как бы на границе двух миров: на север шел путь в Мэотиду (Азовское море) к «варварам» — скифам, на юг уходила дорога в Грецию.

Пантикапей рос, богател, обстраивался. Около середины V века до нашей эры он стал центром крупной монархии — Боспорского царства — со смешанным населением из греков и скифов. Боспорским царством была завоевана соседняя Феодосия и покорены племена синдов и мэотов на противоположном берегу пролива.

Между Боспором и Афинской морской державой завязались оживленные торговые сношения. До 800 тысяч медянов зерна грузилось в среднем ежегодно в портах Боспора для Афин.

Афиняне очень ценили связь с Боспорским царством и всячески поощряли боспорских владык: их награждали золотыми венками, воздвигали им почетные статуи, опубликовывали в их честь почетные декреты.

Боспор стал одной из могущественных окраинных эллинистических держав. Белые дворцы с мраморными колоннадами ослепительно блестяли на южном солнце. В многочисленных портиках шумел народ: купцы, матросы, поэты, философы, рабы, ремесленники, куртизанки, переводчики...

Основной массой населения греческих городов, как известно, являлись рабы. И Пантикапей — центр Боспора — не представлял в этом отношении исключения. Клеймо «царская», стоящее на многочисленных, найденных при раскопках кровельных черепицах, свидетельствует о наличии специальных царских мастерских — эргастерий, в которых применялся труд рабов.

О могуществе боспорских царей можно судить даже по их могильным курганам. До сих пор близ Керчи высится так называемый Царский курган. По предположению, здесь был похоронен Левкон I (IV век до нашей эры). Высота этого сооружения — 17 метров, окружность — 260 метров, длина коридора (дромоса), ведущего в погребальную камеру, — 36 метров. Монументальность памятника, при созерцании которого на память приходит разве только грандиозная «сокровищница Атрея» в Микенах, тщательность отделки деталей — все это тоже говорит об огромном труде сотен, быть может, тысяч рабов.

При раскопках часто обнаруживаются надгробные стелы (плиты), статуи, отдельные архитектурные детали: барабаны и капители колонн, акротерии и т. п. Материалом изделий вначале служил привозной мрамор; постепенно его вытеснял местный известняк. Все эти тяжелые работы: добыча камня, его обработка, постройка всевозможных сооружений — опять-таки требовали большой затраты труда рабов.

Тяжело было положение этих рабов. На улицах Пантикапея, Феодосии, Херсонеса можно было видеть картину, хорошо знакомую нам из истории и быта греческих и

¹ Геродот, IV; Гиппократ, 24—26.

италийских центров античности: людей, закованных в цепи, с ошейниками, погоняемых кнутом надсмотрщика. Это были туземцы: скифы, тавры.

Нелегкой стала теперь и жизнь свободных скифов — жителей степей и предгорий Тавриды.

Во II веке до нашей эры в Крыму образовалось скифское государство царя Скилура с центром Неаполисом (близ теперешнего Симферополя). На него оказывали сильное культурное влияние греки.

Государство это было расположено на плодородной земле, дававшей богатые урожаи хлеба. Но страна была отрезана от моря, и богатства края не находили сбыта. На полях погибал несжатый хлеб, в ямах-зернохранилищах гнило зерно. Скилуру приходилось налаживать экспорт хлеба через покоренную им далекую Ольвию.

Преемник Скилура, один из его пятидесяти сыновей, Палак пытался захватить ближайший богатый греческий город — порт, рабовладельческую демократическую республику — Херсонес (3 километра от теперешнего Севастополя). Поход Палака (начало последнего десятилетия II в. до н. э.) был настолько хорошо подготовлен, что херсонеситы ввиду реальной угрозы падения города обратились за помощью к понтийскому царю Митридату¹.

Митридат VI Евпатор был властный, решительный человек, мечтавший о создании мировой монархии на Востоке. Просьба херсонеситов шла навстречу его тайным честолюбивым замыслам. Он послал в Крым своего полководца Диофанта.

Из декрета херсонеситов в честь Диофанта, найденного в Херсонесе² и исследованного академиком С. Жебелевым³, мы видим, какое сильное сопротивление скифы оказали пришлым войскам. Скифы мужественно боролись против новых пришельцев из-за моря, союзников их вековечных угнетателей — греческих рабовладельцев, колонистов Прибрежья, отстаивая свою свободу и независимость.

Неспокойно было и на Боспоре. Правитель Боспора, Перисад V, тоже нуждался в помощи извне для того, чтобы обороняться от нападения коренных жителей Керченского полуострова, угрожавших ему войной.

¹ Понтийское царство (Понт) находилось на южном побережье Черного моря; столицей его была Синопа.

² В. Латышев «Собрание античных надписей с побережий Черного моря» («IosPE»). Т. I, № 352. 2-е изд.

³ С. Жебелев «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре». ГИИМК. 1933. Эта работа вновь перепечатана «Вестником древней истории» № 3 (4) за 1938 год.

Используя постоянные затруднения Перисада, Диофант склонил его к мысли о передаче власти Митридату.

2

Война скифов с войсками Митридата велась с переменным успехом: то побеждали войска Диофанта с их более передовой военной техникой и стратегией, то брали верх скифы, прекрасно знавшие страну и местные условия. Они наносили грекам сокрушительные молниеносные удары.

В 107 году до нашей эры в Пантикапее вспыхнуло восстание местных скифов-рабов, во главе которого стоял Савмак. Восставшие заставили бежать Диофанта, как раз заканчивавшего к этому времени переговоры с царем Перисадом о передаче Боспора Митридату; сам Перисад был убит.

Восстание рабов вспыхнуло в результате обострения классовых противоречий между классом угнетателей и классом угнетенных, между классом господ и классом рабов. Классовая борьба еще более обострилась в связи с войной и переговорами о передаче Боспора заморскому деспоту; она вылилась в форму открытого вооруженного восстания скифских рабов.

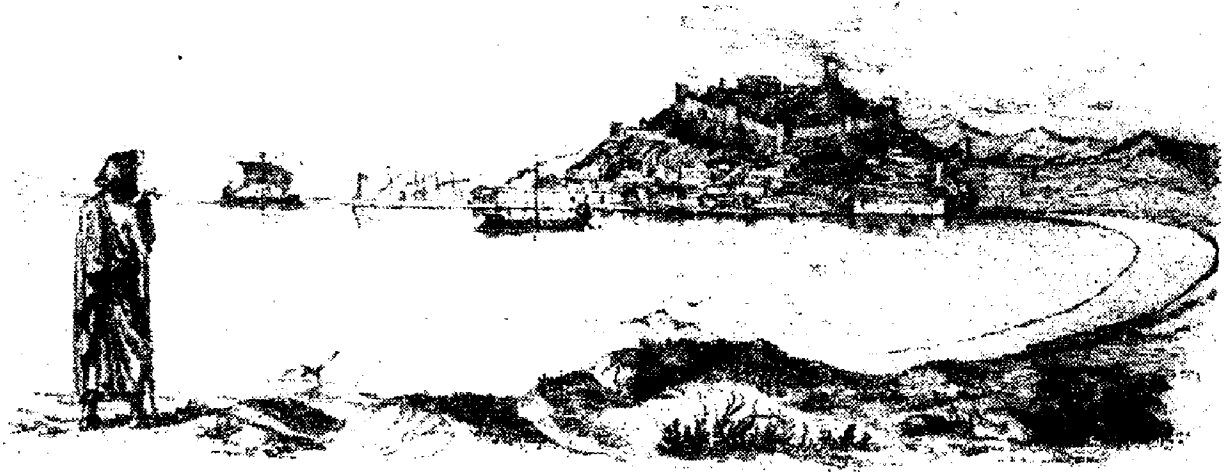
Восставшие захватили власть в свои руки.

Границы территории, охваченной восстанием рабов, совпадали, повидимому, с границами европейской части Боспорского царства. Восстание скифских рабов в Пантикапее, вероятно, быстро распространилось по всему Керченскому полуострову, и на сторону Савмака встало очень много союзников из туземного населения. Можно даже предположить, что к восставшим присоединились и уцелевшие в борьбе с Диофантом отряды скифов западного Крыма.

История не сохранила нам подробностей о ходе и развитии восстания рабов на Боспоре, как не сохранила нам его политических лозунгов и характеристики его вождя.

Скиф. Рисунок с античной вазовой росписи.

Пантикапей в I веке нашей эры. Опыт художественной реконструкции.

Рис. К. Э. Купова.

Многое приходится лишь угадывать на основании крайне скудных данных.

Буржуазные историки изображают Савмака как скифского принца, царевича, воспитанника или даже наследника Перисада. Все движение скифов, возглавляемое Савмаком, выглядит у них как один из многочисленных дворцовых заговоров.

Тщательный филологический анализ херсонесского декрета, в котором говорится о произведенном скифами перевороте, показывает, однако, что на деле Савмак — рожденный и вскормленный в неволе раб царя¹.

На трех дошедших до нас монетах, выпущенных захватившими власть рабами, Савмак именуется царем, но это не более как традиционный термин. Савмак был вождем восстания; естественно, что после победы он стал во главе нового государства.

На лицевой стороне двух монет изображена безбородая голова, повернутая вправо, увенчанная лучезарным венком; на лицевой стороне третьей монеты — та же голова, но анфас².

Так в античной иконографии изображалась обычно голова бога солнца Гелиоса³.

¹ Греческое слово *ekthgersanta* (о Перисаде), стоящее в тексте декрета, переводимое обычно словом «воспитавший», правильнее, как показал на ряде аналогий С. Жебелев (см. указ. соч., стр. 27), переводить словом «вскормивший» — термином, применявшимся обычно по отношению к хозяевам рабов этой категории.

² Одна из монет находится в собрании Бурячкова в Государственном историческом музее в Москве.

³ См. Ю. Марти. Путеводитель по Керченскому историко-археологическому музею. 1938. Ср. Baumeister. *Denkmäler des klassischen Altertums*; Kascher. *Griechische und Römische Mythologie*.

Появление такого изображения на монетах царя рабов Савмака, несомненно, имеет глубокий смысл, так как Гелиос неоднократно служил эмблемой восстаний рабов в античные времена.

Еще за двенадцать шесть лет до восстания Савмака Аристоник в Малой Азии «быстро собрал, — как говорит Страбон, — массу немущих людей и рабов, призвав их к свободе. Своих сторонников он называл гелиополятами»⁴, т. е. гражданами солнечного государства.

Термины «солнечное государство», «солнечные люди» — излюбленные термины утопических романов эпохи эллинизма. Диодор Сицилийский приводит сведения об утопических романах Евгемера и Ямбула⁵, в которых описывается «солнечное царство». Оно находится на «островах блаженных», где-то между счастливой Аравией и страной чудес и фантазий — Индией. Здесь нет частной собственности, нет болезней. Среди богатейшей природы, на лугах, под животворными лучами Гелиоса, которому они поклоняются, люди доживают до 150 лет.

Эти прекрасные мечты были единственным возможным утешением для находившихся в ужасном положении масс рабов. И когда широкие народные массы восставали против своих эксплуататоров, их лозунгом часто становилась борьба за создание утопического «солнечного царства».

Эти идеи были занесены, вероятно, в Боспорское царство из чужеземных стран, с которыми торговал Боспор. На протяжении II—I веков до нашей эры имели место восстания в Сицилии, Италии, Македонии, Аттике, Пергамском царстве, на островах

⁴ Страбон. XIV, 646.

⁵ См. Диодор. II, 55—60.

Монета Савмака.

Хпосе и Родосе¹ и т. д.² Часто северное Причерноморье служило убежищем для побежденных в борьбе, бежавших сюда с далекого юга. Среди приближенных Савмака могли оказаться и ветераны восстания Арпистоника.

Судя по всем имеющимся у нас данным, восставшие на Боспоре рабы-скифы также провозгласили своей программой борьбу за царство Гелноса.

Повстанцы пытались укрепить экономику Боспора, пошатнувшуюся в результате происшедших потрясений. К ним вполне применимы слова Диодора, сказанные им в связи с первым сицилийским восстанием: «Восставшие рабы, разумно заботясь о будущем, не сжигали вилл, не уничтожали в них ни имущества, ни запасов плодов и не трогали тех, которые продолжали заниматься земледелием»³.

Однако в условиях рабовладельческого строя создание «солнечных государств» было прекрасной, но утопической мечтой. «Рабы, как мы знаем, — писал Ленин, — восставали, устраивали бунты, открывали гражданские войны, но никогда не могли создать сознательного большинства, руководящих борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут, и даже в наиболее революционные моменты истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов»⁴.

¹ Интересно отметить, что Родос являлся издавна центром культа бога Гелноса. В 280 году в честь этого божества была воздвигнута у входа в Родосскую гавань огромная медная статуя — одно из «семи чудес света», — так называемый Колосс родосский.

² «Восстания возникали, подобно сверкающим искрам пожара, от первого трута, зажегшегося в Сицилии» (Орозий. V, 9, 4—8).

³ Диодор. XXXIV—XXXV, 2, 18.

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 375.

Как все восстания рабов, и восстание Савмака было подавлено.

Около года Диофант собирал силы для нового похода, похода на этот раз против Боспорского царства.

Митридатом менее всего руководило желание отомстить за убийство Парфеяда. Наоборот, это убийство было ему в известной степени на руку. Савмак являлся непреклонным препятствием на пути создания «мировой монархии на Востоке».

Объединившись с херсонеситами, Диофант повел наступление на Боспор с суши и с моря. Под натиском превосходных сил противника восставшие вынуждены были отступить. Несмотря на героическое сопротивление они были побеждены в неравной борьбе.

Повстанцы были подвергнуты массовым казням. Савмака Диофант отослал в столицу Понта — Синспу — на расправу к самому Митридату. Митридат стал царем Боспора.

Так окончилось восстание скифов-рабов на Боспоре под руководством Савмака.

3

С ликвидацией восстания Митридату, который стал царем Понта и Боспора, удалось осуществить, однако, только часть своих честолюбивых замыслов.

Он задумал целью отторгнуть от Рима весь восточный и греческий мир. Начались знаменитые в истории Рима Митридатовы войны (92—63 годы до нашей эры)⁵.

⁵ См. подробно о них у Моммзена «История Рима». Т. II. Гл. VIII.

Вход в Царский курган под Керчью.

Митридат VI. Изображение на монете того времени. Берлинский монц-кабинет.

Интересно отметить, что Митридат резко изменил свою политическую ориентацию. Он начал заключать союзы с варварскими племенами, вербовал в свою антиримскую армию рабов и пиратов — этих всегдашних спутников движений рабов.

Трудно установить, какие причины лежали в основе этой резкой перемены политики Митридата. Д. Калистов¹ предполагает, что Митридат «понял, наконец, за кем историческое будущее», и именно поэтому со всей решимостью и страстностью своей натуры принялся за коренную перестройку своей политики, тактики и стратегии. Нам представляется более близким к истине объяснение изменения политического курса Митридата его стремлением использовать народные антиримские, антирабовладельческие движения в своих личных целях, для достижения указанных выше честолюбивых замыслов о мировой монархии на Востоке.

В результате новой политики царя все страдавшие от римского ига — и эллины и азиаты — объединились вокруг Митридата — «освободителя».

Митридат повел жестокую борьбу с римлянами.

С огромными силами напал он на город Родос на острове того же названия за то, что тот укрыл у себя бежавших римлян. Были перебиты римляне и на Делосе.

В самой Италии развернулось большое восстание италийских крестьян, известное под названием Союзнической войны (91—89 годы до нашей эры). Италийские повстанцы прислали посольство к Митридату с просьбой об оказании помощи.

В Македонию вторглись поднятые Митридатом фракийцы.

¹ Д. Калистов «Этюды из истории Боспора в римский период». «Вестник древней истории» № 2(3), стр. 285. 193».

Митридат стал, таким образом, вождем широкого антиримского движения. Всем перешедшим на его сторону племенам и народам он даровал автономию, жителям этих местностей предоставлял права гражданства, должникам прощал долги, немущим давал землю, а рабов массами отпускал на волю. В армии Архелая, одного из виднейших полководцев Митридата, сражалось до 15 тысяч таких вольноотпущенников. На острове Хиосе получившие свободу рабы сослали своих хозяев в болотистую и малярийную Колхиду. В Афинах во главе правления Митридат поставил своего любимца, блестящего оратора, бывшего раба, Аристиона.

На усмирение восставшего Востока Рим послал своих лучших, знаменитейших полководцев: Суллу, Лукулла и Помпея. Подкупленный римлянами, сын Митридата Махар, наместник Боспора, изменил ему, и корабли, полные хлеба, назначавшиеся для Синопы, пошли на снабжение когорты Лукулла. Между тем испугавшиеся радикальной политики Митридата крупные торговые города Малой Азии — Смирна, Колофон, Эфес, Трааллы, Сарды — не примкнули к царю и заперли свои ворота перед его посланцами.

Сложившаяся в Малой Азии политическая ситуация заставила Митридата пачать отступление. Он шел через Армению, по побережью Понта Евксинского в направлении Боспора, где со страхом ожидал его Махар, получивший уже титул «друга и союзника Рима». Митридата поддержали многочисленные меотийские племена. Махар бежал в Херсонес, который, испугавшись массового перехода туземных племен на сторону Митридата, тоже стал теперь ориентироваться на Рим.

Митридат укрепился в Пантикапее и начал готовиться к новой войне с Римом, опираясь на антирабовладельческие, антиримские настроения крымских племен. Рабовладельцы Боспорского царства ответили на эту политику царя восстанием, центром которого была Фанагория, расположенная в азиатской части Боспорского царства. К этому же времени относится измена — переход на сторону римлян второго сына Митридата — Фарнака.

Темной ночью Фарнак осадил дворец своего отца. Помощь скифов запаздывала, и Митридат, видя всю безнадежность своего положения, покончил жизнь самоубийством.

Торжествовавший победу римский полководец Помпей дал рабовладельческой Фанагории права свободного города, а Фарнака, отдавшего римлянам как трофей труп своего отца, пожаловал титулом «друга и союзника римлян» и назначил царем боспорским.

В I веке до нашей эры варварское общество еще не могло противопоставить себя античному рабовладению. Попытка Митридата объединить под своей властью в борьбе против Рима двух непримиримых врагов: местное население (тавров и скифов) с рабовладельцами греческих городов Причерноморья — должна была неизбежно потерпеть поражение.

4

В последующие десятилетия римляне начали энергично вмешиваться в дела Боспора. Они назначали и сменяли его правителей. Даже субсидии на содержание армии царя Боспора, «друзья кесарей, друзья римлян», получали от Рима.

Крым стал продовольственной базой для всей восточной части римской державы. По требованию римлян в Крыму усиленно производились хлеб, вино, добывались соль, рыба. Именно к I веку нашей эры относятся раскопанные советскими археологами под Керчью многочисленные комплексы рыбозасоленных ванн в Тиритаке (среди них есть комплексы в 16 ванн, вмещающие по 200 кубометров). При раскопках Мирмекия обнаружены винодельни, бродильные цистерны, которые давали ежегодно десятки тысяч литров вина. В слоях римского времени в Пантикапее и в Фанагории раскопаны огромные гончарные горны: здесь производились пифосы и амфоры — тара для вина и для зерна.

Все эти изделия шли в города римской провинции Азии и на западное побережье Понта — в Дактию, Мезию, Фракию, где стояли римские армии.

Подъем производственной деятельности греческих причерноморских городов, связанных с заказами римской державы, был основан на эксплуатации прежде всего туземного населения Крыма, работавшего на колонизаторов-рабовладельцев.

Движение народных масс против колонизаторской политики греков и римлян не прекращалось и после смерти Митридата. В Боспорском государстве местные претенденты на престол: Асандр, Аспург, Динамня, Котис, Митридат II, родственник Митридата Великого, — продолжали вести упорную борьбу против ставленников Рима. Большинство из них, правда, носило титул «друга римских кесарей, союзника римского народа», но этот титул сохранял лишь формальное значение. Войны, убийства, восстания беспрерывно потрясали Боспор и весь Крым.

Около середины I века нашей эры на Херсонес напали тавры и скифы. На помощь рабовладельцам Херсонеса пришли римские солдаты под командой Плавиния Сильвана — легата из Нижней Мезии (время

Перона, 66-й год нашей эры). На мысе Ай-Тодор образовалось римское военное поселение Харакс, основанное, по видимому, десантом моряков равеннской эскадры. Римские корабли стали бороздить воды Черного моря. Пантикапей превратился в опорный пункт Рима по оккупации Таврии.

Но положение на Черном море попрежнему оставалось тревожным. При Веспасиане (70-е годы нашей эры) на территории бывшего Понтийского царства «внезапно поднял оружие раб-варвар, бывший некогда начальником царского флота. Это был Анникет»¹, — сообщает Тацит. Восставшие привлекли на свою сторону народы, жившие по берегам Понта, и захватили Трапезунд. «Варвары, — пишет дальше Тацит, — горделиво раз'езжали по морю».

По сообщению того же Тацита, около этого же времени вторглись в Мезию роксоланы².

При Домициане (81—96-е годы нашей эры) на Дунае началось восстание дакийцев. Оно было подавлено только при Траяне с огромной затратой сил и энергии, с привлечением чуть ли не всех имевшихся у Рима наличных войск.

Римляне вынуждены были эвакуировать свои войска из Крыма, направив их на «успокоенные» Придунайских провинций.

Во II веке нашей эры римская оккупация Крыма возобновилась. Центром этой оккупации стал Херсонес. Здесь стояли римские гарнизоны, укомплектованные из солдат 1-го италийского легиона, 1-й когорты баракагустанцев, 2-й лицензиевой когорты. Гарнизон Харакса состоял во II веке нашей эры из солдат 1-го италийского легиона и позднее 11-го Клавдиева легиона.

Хозяйничанье римлян самым неблагоприятным образом отразилось на благосостоянии Крыма и прибрежных городов.

Римляне ненавидели местное население и боялись его. Но они не доверяли и своим союзникам-рабовладельцам Херсонеса и Боспора. Около середины II века нашей эры херсонеситы два раза посылали посольство к боспорскому царю Реметалку, прося у него союза, по видимому, против все тех же волнующихся туземных низов. Обеспокоенные римляне, опасаясь, что этот союз может быть направлен против

¹ Тацит. История, III, 47. Едва ли «Аникет» (непобедимый) — подлинное имя, скорее прозвище, принятое вождем движения после переворота; быть может, намек на Гелиоса Непобедимого. Подобные факты не единичны. На память приходят Димитрий Полиоркет Нисходящий (намек на Зевса Нисходящего), сицилийский раб — вождь Евн-Апгнох, Митридат Евпатор Дионис.

² См. там же. I, 79.

ших, отняли на ряд лет у Херсонеса и те жалкие права «свободного» города, которыми он еще пользовался.

Римским оккупантам в прибрежных городах Крыма буквально непрерывно пришлось бороться с наступающими из центральных районов многочисленными «варварами».

Ярко говорят об этом, в частности, стихотворные тексты ряда надгробий¹.

Вот надпись на стеле некоего Лисимаха — свидетельство о том, что он сражен среди чужеземцев «грозным Ареем склфов». Вот Ксанф, «безупречный среди сограждан»: он также «сгублен завистливым Ареем в битве за родину». Вот Мниодор из «венчанной морем Спидны» лежит, «сраженный копьем в земле боспорской». Вот Аполлоний Аполлониев, который «наткнулся на страшное варварское копье...», и т. д.

Ряд боспорских царей — «друзей Рима» — помогал римлянам в борьбе против своих соплеменников. Так, одна стела 193 года нашей эры говорит о царе боспорском Тиберии Юлии Савромате I как о победителе скифов и сирахов, освободившем море от пиратов в Понте и в Вифинии (т. е. римских провинциях).

Но античные города Причерноморья испытывали в римскую эпоху глубокие потрясения и внутри. Огромнейший интерес представляет один обломок мраморной плиты, найденный в Херсонесе и относящийся, повидному, также ко II веку нашей эры². На нем записан декрет в честь какого-то гражданина³, которого «совет и народ» награждают золотым венцом и медной статуей.

Этот гражданин, вернувшись откуда-то в родной город, «застал граждан страждущими от тирана и желающими его низвергнуть». Выбранный в предводители движения, он вместе с вооружившимся народом свергает тирана и «делает город счастливым».

Следующая фраза не поддается точному восстановлению, но в ней говорится что-то о «междоусобном смятении», убийстве, гневе народа.

Далее идет речь о том, что этот гражданин, избранный в попечители общественных доходов, все свое внимание обратил на укрепление города и даже позаботился о ремонте городских стен. Когда городу угрожала война с кем-то из соседей, он

произвел ревизию продовольственных средств Херсонеса и улучшил снабжение хлебом, чем «в эти тяжкие, угрожающие военными опасностями времена весьма возвысил дух сограждан».

Он ездил также на собственные средства в Рим хлопотать перед императором и сенатом о возвращении Херсонесу прав свободного города.

Между тем находившиеся в городе приверженцы изгнанного «тирана» снова призвали его, и он двинулся на город «с довольно многочисленным войском». Пасколько можно понять из строк 32—34 надписи, нападение было отражено несмотря на то, что, как можно догадаться по дальнейшему, обрывочному тексту, в заложники к нападавшим попали сыновья и дочь честного гражданина.

Перед нами, несомненно, важнейший документ, говорящий о захвате власти в рабовладельческом Херсонесе низами. Очевидно, среди восставших были не только рабы и люмпенпролетарии, но и мелкие торговцы и ремесленники, страдавшие под бременем тяжелых налогов.

Можно предположить, что ответом на описанное восстание низов города явилось дальнейшее сужение, превращение в фикцию и без того узкой рабовладельческой демократии. Херсонес конца II и начала III века нашей эры — типичный провинциальный город Римской империи. Им управляют «отцы города», власть которых поддерживает римский закон.

Этот период отмечен все углубляющимися восстаниями местных племен. В конце II века нашей эры римские гарнизоны помогли Херсонесу и боспорскому царю Савромату II в каких-то военных действиях, направленных, вероятно, против все того же местного населения. В первой четверти III века нашей эры воевал со скифами «друг кесарей и римлян» Тиберий Юлий Котис. В Хараке в помощь ослабевшему местному гарнизону были посланы пальмирские стрелки.

Недовольство народных масс проявлялось и в отношении к христианству как к религии, заносимой пришельцами из центров ненавистной массам Римской империи.

Изучение остатков подземного христианского храма первых веков нашей эры в Херсонесе приводит к любопытным выводам. Храм этот вырублен глубоко под почвой, прямо в скале, и в него ведет вырубленная по стене лестница, которая, не доходя до самого низа, обрывается; дальше, видимо, шла лестница деревянная или веревочная. Внутри храма сохранились алтарная ниша и боковые полукружия.

Тот факт, что христианский храм был спрятан в подвале частного дома, тоже

¹ См. Тураев, Бороздин, Фармаковский «Древний мир на юге России» (1918), а также публикации Ю. Марти в сборнике ГАИМК «Из истории Боспора», 1935.

² IosPE, т. IV, № 68.

³ Имя не сохранилось: обломок сильно поврежден.

Западная часть Крыма, Херсонес, была осаждена готами, вандалами, гуннами; к ним присоединялись городские рабы. Можно предположить, что имели место также выступления гладиаторов.

Население областей, прилегающих к Херсонесу, все чаще примыкало к готам в их походах.

Происходила варваризация прибрежных городов Черного моря, этническая перегруппировка во всей Восточной Европе, образование новых племен и народностей.

Зарождался и новый тип производственных отношений: начался процесс феодализации.

На Боспоре найдено пока 11 актов манумиссий (отпущенный раб на волю). Самый ранний из них относится еще к 16 году нашей эры, последний — к царствованию Савромата III (229—232 годы нашей эры).

В одном документе (151 год нашей эры) речь идет о «пелатах», т. е. буквально о «поверженных», «распрестертых», в данном случае покрепленным к храму — обладателю больших земельных угодий.

Феодализирующаяся знать Боспора объединялась в особые вассальные по отношению к царям военные отряды — фисасы.

Важно отметить и такой феодальный характер термян, как «царь царей», применяемый по отношению к себе Котисом в надписи 223 года нашей эры.

Конечно, о развитом феодализме говорить здесь ни в каком случае еще не приходится. Это пока зародыши того строя, который приходит на смену рабовладельческому, павшему под ударами рабов и варваров.

«Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся. Но вместо них она поставила крепостников и крепостническую форму эксплуатации трудящихся»¹.

«Новые производительные силы требуют, чтобы у работника была какая-нибудь инициатива в производстве и склонность к труду, заинтересованность в труде. Поэтому феодал покидает раба, как не заинтересованного в труде и совершенно инициативного работника, и предпочитает иметь дело с крепостным, у которого есть свое хозяйство, свои орудия производства и который имеет некоторую заинтересованность в труде, необходимую для того, что-

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 527.

бы обрабатывать землю и выплачивать феодалу натурой из своего урожая»².

Период существования рабовладельческих государств на территории СССР кончился.

* * *

История античных колоний на юге СССР — поучительный пример того, что политика полного забвения колонизаторами и оккупантами интересов местного населения и жадной эксплуатации его не может долго оставаться безнаказанной. Рано или поздно местные народы объединяются и начинают освободительную, революционную, справедливую войну против пришлых угнетателей и оккупантов.

Восстания рабов и скифские войны на Боспоре и в Тавриде — неотъемлемые звенья единой цепи, цепи многочисленных восстаний и войн рабов в античном мире, начавшихся Сицилийским восстанием Евна (137 год до нашей эры), достигших наивысшего развития в восстании Спартака (74 год до нашей эры) и окончившихся падением Римской империи и гибелью рабовладельческого строя (III—V века нашей эры).

Первые восстания рабов на юге СССР проходили подобно одновременным восстаниям в основных античных центрах под различными этническими лозунгами. И лозунги эти оставались неосуществленными, поскольку выраженные в них пожелания не опирались на общественные силы, не подкреплялись ростом, развитием политических, классовых сил.

«Уничтожения рабства победоносным восстанием древний мир не знает», — писал Энгельс³. Но здоровое варварство туземных племен вносило живую струю в разложившийся античный рабовладельческий строй и здесь, в северном Причерноморье.

Для современных народов СССР не прошли бесследно ни культура античных городов Черноморского побережья, ни «молодые силы»⁴ сменивших их «варварских» племен — наших далеких предков.

Восстание Савмака, успешная борьба скифов против греческих рабовладельцев и римских оккупантов — вдохновенные, героические страницы древней истории народов СССР.

² «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 129.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 133.

⁴ См. у Ф. Энгельса (там же): «Действительно, только варвары способны омолодить мир, страдающий от того, что старая цивилизация умирает».

БАБЕФ И „ЗАГОВОР РАВНЫХ“

1

150-летний юбилей французской буржуазной революции конца XVIII века воскрешает в нашей памяти имена ее вождей и деятелей. Наряду с именами Робеспьера, Сен-Жюста, Марата трудящимся особенно дорого имя Гракха Бабефа, организатора «Заговора равных», который в период самой разнузданной термидорианской реакции 1795—1796 годов боролся за «всеобщее счастье людей», за создание нового общественного строя, при котором должно было осуществиться «фактическое» равенство.

Бабеф выражал требования и повседневные нужды угнетенных трудящихся масс своего времени. В «Анти-Дюринге» движение бабувистов характеризуется как движение того слоя, который был «более или менее развитым предшественником современного пролетариата».

Франсуа-Ноэль Бабеф, принявший имя Гракха в честь одного из героев и народных трибунов древнего Рима, родился в 1760 году в Сен-Кантене, в Пикардии. Его отец—отставной майор—не мог в достаточной степени обеспечить семью. Нужда была так велика, что маленького Франсуа не отдали в школу, и он выучился читать самоучкой. Четырнадцати лет Бабеф покинул родительский дом и поступил писцом к одному землемеру. Через год он перешел на службу в крупное имение дворянина Де-Бракемона. В 1781 году Бабеф потерял отца, а в 1782 году женился на Виктории Ланге—горничной господ Бракемон. Вскоре Бабеф переселился в Руа на постоянную работу февдиста. В его обязанности входило наблюдать за выполнением феодальных повинностей, внесенных в «поземельную опись».

Должность февдиста обязывала Бабефа стоять на страже интересов феодальных землевладельцев, но она привела к противоположным результатам, содействуя окончательному формированию революционного мировоззрения Бабефа. Как писал впоследствии Бабеф: «В пыли сеньерпальных архивов я открыл ужасные тайны узурпации дворянства. Я разоблачил их перед народом в огненных строках на заре революции»¹.

¹ «Бабеф, народный трибун, своим соотечественникам». Перевод этого письма Бабефа цитируется по книге П. Щеголева «Бабеф», стр. 15. М. 1933.

Для характеристики взглядов Бабефа в предреволюционные, 80-е годы большой интерес представляет его переписка с ученым секретарем академии города Арраса Любуа де Фоссе. Уже тогда Бабеф стоял на крайнем, революционном фланге французского общества. Он мечтал о действительном равенстве людей, о коммунистической общности не только земли, но и продуктов промышленности. В письме от 21 марта 1787 года он выдвигал следующую проблему: «Каково должно быть при современном уровне знаний положение народа, общественные учреждения которого будут таковы, что между всеми его членами установится совершенное равенство, что земля, которую он населяет, будет принадлежать всем сообща и никому в отдельности, и, наконец, все будет общим, вплоть до продуктов промышленности? Будут ли подобные учреждения оправданы естественным законом? Возможно ли существование подобного общества и осуществимы ли практические мероприятия, которые должны быть приняты для достижения полного равенства в распределении?»².

В этих первых исканиях Бабефа уже сказывается характерная для него черта—стремление найти пути и средства для практического осуществления коммунистических идей.

С первых же дней революции 1789 года Бабеф горячо включился в нее. Он редактировал указы депутатов в Генеральные штаты от города Руа, устраивал торжественные сожжения сеньерпальных архивов на площади города и т. п. Взятие Бастилии 14 июля 1789 года ремесленниками и рабочими Парижа заставило Бабефа покинуть Руа. Он переехал в Париж. В ожидании выхода в свет своего «Постоянного кадастра»³, трактата, в котором он защищал уравнивательные идеи, Бабеф занялся писанием памфлетов на наиболее злободневные темы, в частности он выступил с памфлетом против Мирабо. В октябре 1789 года Бабеф снова вернулся в Руа. Здесь он повел борьбу против косвенных

² Victor Advielle «Histoire de Gracchus Babeuf et du babouvisme». V. II. Correspondance, p. 117—118. Paris, 1934. Перевод по книге П. Щеголева «Бабеф», стр. 9.

³ «Постоянный кадастр» вышел в свет в 1799 году.

Франсуа-Ноэль Бабеф.

палогов, чем навлек на себя недовольство муниципальных властей, которые добились в апреле 1790 года заключения его в тюрьму. Бабефа освободило заступничество Марата, который поместил в его защиту статью в своем «Друге народа»¹.

В октябре 1790 года Бабеф становится редактором газеты «Пикардийский корреспондент», в которой он разоблачал муниципальные власти, захватившие общинные земли. Эти выступления Бабефа вызвали против него новые репрессии. 5 апреля 1791 года Бабефа арестовали и отправили в Мондишь. Его обвинили в «антиконституционном желании заменить республикой монархию». По выходе на свободу Бабеф не успокоился и продолжал борьбу с властями города Руа. В письме к аббату Купэ, кандидату в Законодательное собрание (от 10 сентября 1791 года), Бабеф развил свою политическую программу, указывая на неизбежность нового этапа революции, который приведет к установлению «аграрного закона». Бабеф ставил знак равенства между аграрным законом и действительным равенством. «Аграрный закон—действительное равенство». В своем требовании полного эгалитаризма с проведением широчайшей политической демократии, вплоть до всенародного голосования законов, Бабеф уже тогда расходился с якобинцами, которые были противниками

¹ «Друг народа» № 153 от 4 июля 1790 года.

уничтожения частной собственности. Эти расхождения Бабефа с якобинцами, глубоко принципиальные по своему характеру, в значительной степени объясняют тактику Бабефа в первые месяцы термидоранской реакции.

В грозные сентябрьские дни 1792 года Бабеф получил назначение на должность администратора Соммского департамента. Здесь он развил кипучую деятельность: разоблачил роялистский заговор, боролся со спекуляцией и скоро нажил так много личных врагов, что вынужден был перейти на административную должность в Мондишь. Оплошность, допущенная Бабефом при исполнении служебных обязанностей, оплошность, не имевшая никаких корыстных целей и вызванная желанием избежать некоторых формальностей делопроизводства, была ловко использована его врагами, которые обвинили его в подлоге. Его отстранили от должности и дело перешло прокурору. Бабеф отправился в Париж, чтобы там добиться реабилитации. Несмотря на то что в Париже Бабеф получил должность секретаря продовольственного комитета, 14 ноября 1793 года он был арестован вследствие промахов реакционеров из Мондишь и оставался в тюрьме до 18 июля 1794 года.

Когда Бабеф снова получил возможность ринуться в бой, произошел контрреволюционный переворот 9 термидора (27 июля 1794 года), положивший конец революционной диктатуре якобинцев. С приходом к власти крушой буржуазии наступила реакция.

2

В августе 1794 года Бабеф приехал в Париж, и 3 сентября появился первый номер его «Газеты свободной печати».

Эта газета отражала политические настроения Бабефа в течение осени 1794 года. Бабеф не сразу понял истинный смысл совершившегося переворота. Он продолжал считать Робеспьера «тираном» и не жалел о свержении диктатуры якобинцев, надеясь, что после 9 термидора наступит расцвет демократических свобод. Но очень скоро Бабеф разглядел действительную, контрреволюционную сущность переворота 9 термидора и в течение зимы 1794—1795 годов выработал новую политическую и социальную программу. Показателем этой эволюции во взглядах Бабефа является новое название газеты—«Народный трибун» (с 23-го номера), со страниц которой Бабеф начал разоблачать термидоранцев, стоявших у власти.

Бабеф состоял членом клуба электо-

ральцев¹, в котором об'единялись распыленные силы «левой оппозиции». В него входили бывшие соратники Эбера, Шометта, Жака Ру. Электоральцы боролись за восстановление парижского самоуправления, за свободу печати. Бабеф неоднократно выступал с трибуны электорального клуба, вплоть до того времени, когда клуб, лишившись помещения, распался.

Выступления Бабефа против правящих термидорианцев вызвали приказ об его аресте. Бабеф ушел в подполье, но и оттуда в «Народном трибуна» он продолжал разоблачать нравы и быт термидорианского Парижа. Бабеф восхвалял суровую гражданскую добродетель времен Робеспьера и восставал против отмены максимума, развязавшей безудержную спекуляцию.

В № 29 «Народного трибуна» Бабеф писал о двух различных партиях, борющихся во Франции: «Одна партия хочет республики буржуазной и аристократической, другая требует, чтобы республика сохранила чисто народный и демократический характер». Бабеф признавал открытую войну между «патрициями и плебеями», которая, по его мнению, и составляла содержание французской революции. Поворотным пунктом революции он считал 9 термидора. «Будем иметь мужество заявить, что революция несмотря на все препятствия и противодействия шла вперед вплоть до 9 термидора, и с этого момента она пошла назад», — писал Бабеф в № 34 «Народного трибуна».

Бабеф противопоставлял времена Робеспьера послетермидорианскому режиму и утверждал, что материальное благосостояние масс при Робеспьере было значительно выше.

Безвыходность экономического положения этих масс при термидорианцах. голод зимы 1794—1795 годов заставили Бабефа искать спасения в новой революции. Об этих настроениях Бабефа в течение зимы 1794—1795 годов пишет и Буонаротти: «После роковых событий 9 термидора Бабеф одно время приветствовал снисходительность, применявшуюся к врагам революции, но его заблуждение было непродолжительным: тот, кто принял Гракхов за образец для себя, не заметил заметить, что никто не походил на этих знаменитых римлян меньше чем правители после тер-

мидора. Стоявший выше своих ошибок, Бабеф сознался в своем заблуждении, потребовал возвращения народу его прав, сорвал маску с тех, кем был обманут, и завел свое рвение в пользу демократии так далеко, что аристократы, управлявшие республикой, не замедлили заключить его в тюрьму»².

Комитет общественной безопасности постановил арестовать Бабефа за призыв к восстанию и респуску Национального представительства. 19 плювиоза (17 февраля 1795 года) полиция, наконец, удалось разыскать и арестовать Бабефа. 15 марта его перевели в провинциальную тюрьму города Арраса.

Выступление рабочих масс Парижа в жерминале и прериаде застало Бабефа в тюрьме, но Бабеф сумел извлечь полезный урок из опыта этих выступлений. Бабеф убедился в том, что на террор термидорианского правительства нужно ответить массовым террором и что после вооруженного восстания и свержения термидорианцев должен быть установлен режим революционной диктатуры. Все это привело Бабефа к окончательной переоценке своих взглядов в отношении якобинской диктатуры. Переписка, которую вел Бабеф из тюрьмы со своими друзьями, вскрывает эту новую эволюцию взглядов Бабефа. Особенно интересна его переписка с Жерменом, одним из политических заключенных аррасской тюрьмы, ставшим впоследствии верным соратником Бабефа в «Заговоре равных».

В письме к Жермену от 10 термидора Бабеф яркими красками изображал безысходную нужду трудящихся масс Франции, эксплуатируемых богачами, захватившими в свои руки власть. «Я вижу, — писал Бабеф, — без рубах и сапог, без платья почти всех тех, кто фабрикует эти материи, шерсть или шолк. почти всех тех, кто тклет, кто изготовляет полотно и ткани, выделывает кожу и шьет обувь... Вот последствия варварского закона, продиктованного капиталами»³. Такая же непримиримая классовая ненависть звучит в письмах Бабефа к «адекой армии», в которых он обрушивается на термидорианцев — творцов конституции 1795 года, узурпировавших все народные права.

24 фруктидора (12 сентября 1795 года) Бабефа перевели в парижскую тюрьму

¹ Название «электорального клуба» (от французского слова «electoral», означающего «избирательный») возникло в связи с тем помещением, в котором происходили собрания. Это было здание парижского архиепископства, где в 1792—1793 годах происходили собрания избирателей Парижского округа.

² Филипп Буонаротти «Гракх Бабеф и «Заговор равных», стр. 41. М. 1923.

³ Victor Advielle «Histoire de Gracchus Babeuf et du babouvisme». Ch. V, p. 145. Paris. 1884. Цит. по канне II. Щеголева «Бабеф», стр. 75—76.

Плесси. После подавления роялистского восстания 12—13 вандемьера термидорианский Конвент решил освободить из тюрьмы людей, которые могли быть полезны для борьбы с роялистской опасностью.

26 вандемьера (18 октября) Комитет общественной безопасности освободил Бабефа, а 4 брюмера была объявлена общая амнистия и все ядро будущих участников «Заговора равных» получило свободу.

2 ноября 1795 года власть во Франции перешла в руки Исполнительной директории, что содействовало еще большему упрочению господства реакционной буржуазии. Это укрепление буржуазной реакции шло параллельно с глубоким обнищанием народных низов. Положение рабочих масс зимой 1795—1796 годов было особенно тяжелым; на почве голода росло недовольство масс существующим режимом. 15 брюмера Бабеф возобновил выход в свет «Народного трибуна» и попытался развить свою деятельность в «обществе Пантеона» (так назывались собрания, происходившие в помещении монастыря святой Женевиевы). Это общество было крайне неоднородным. «Равные» — сторонники Бабефа — выделялись в нем как наиболее крайнее революционное течение. Помимо «равных» в это общество входили «патриоты»¹ и представители либеральной буржуазии.

Ввиду усилившихся нападков пантеонцев на Директорию 8 вантоза (27 февраля 1796 года) состоялось постановление Директории о закрытии общества. Бонапарт во главе отряда сам привел этот приказ в исполнение. Тогда Бабеф решил сосредоточить всю работу в подпольной организации.

3

В начале 1796 года сформировался под руководством Бабефа повстанческий комитет, имевший своей непосредственной задачей свергнуть правительство и отменить конституцию III года. Об этом периоде деятельности Бабефа Буонаротти пишет: «Глубок заговора сложился в начале III года в тюрьме Плесси, где встретились ветераны революции: Бабеф, Жермен, Буонаротти, Клод, Фике, Леблан, Антонелл, Лепелетье. Их патриотизм и эгалитарные

¹ Слово «патриот» соответствовало в период французской революции слову «революционер» и означало человека, преданного своей родине, в отличие от дворян-эмигрантов, изменявших интересам страны во имя собственных интересов. Буонаротти различает среди заговорщиков, организовавшихся в тюрьме Плесси, 2 группы: «патриотов» — умеренных — и более решительных «равных» — непримиримых.

принципы были раздражены изданием проекта новой конституции, предложенной Конвенту 5 мессидора III года. «Равные» избрали своих руководителей: Комитет, Инсurreкционное бюро, Тайную директорию. Комитет выделил из своего состава особый боевой отряд, или «военную группу». Он ставил своей общей задачей уничтожение частной собственности, а через это и неравенства, а ближайшей — захват власти»².

Тайное общество, организованное Бабефом с разветвлениями в других центрах Франции, имело своих агентов в рабочих предместьях — Сен-Антуанском и Сен-Марсельском — и в войсках. Оно должно было совершить переворот. Из тактических соображений предполагалось объединить силы оппозиции вокруг лозунга «возврат к конституции 1793 года», конечной целью всего движения выдвигалась «общность имущества». Бабеф, вынужденный вследствие гонений Директории уйти в подполье, продолжал выступать в «Народном трибуне». 10 апреля 1796 года на улицах Парижа появился плакат под названием «Объяснение политической доктрины Бабефа». В нем суммарно излагались основы учения Бабефа; приводим этот плакат полностью:

«10 апреля 1796 года.

Объяснение учения Бабефа, народного трибуна.

1) Природа дала каждому человеку равное право на пользование всеми благами.

2) Цель общества — защищать это равенство, часто нарушаемое в естественном состоянии сильными и злыми, и увеличивать путем совместной работы общую сумму радостей жизни.

3) Природа наложила на каждого человека обязанность труда; всякий, уклоняющийся от этой обязанности, тем самым совершает преступление.

4) Труд и наслаждения должны быть общими.

5) Существует угнетение там, где один работает до изнурения и терпит во всем недостаток, в то время как другой, ничего не делая, утопает в излишествах.

6) Никто не может, не совершая преступления, присваивать исключительно себе произведения земли или промышленности.

7) В истинном обществе не должно быть ни богатых, ни бедных.

8) Богачи, не желающие отказаться от своего избытка в пользу нуждающихся, — враги народа.

² Филипп Буонаротти «Граф Бабеф и «Заговор равных», стр. 6—7. М. 1923.

9) Никто не имеет права скоплением в своих руках всяких средств мешать другим получать необходимое для их счастья образование; образование должно быть всеобщим.

10) Цель революции — уничтожить неравенство и восстановить общее благосостояние.

11) Революция еще не закончена, ибо богатые захватили все блага и пользуются исключительной властью, в то время как бедные трудятся как настоящие рабы, погружены в нищету и не пользуются никаким значением в государстве.

12) Конституция 1793 года есть истинная, законная конституция, потому что народ торжественно утвердил ее, и Конвент не имел права изменить ее, потому что он, чтобы произвести в ней изменения, приказал расстреливать народ, требовавший ее применения, потому что он подвергнул изгнанию и умертвил депутатов, выполнявших свой долг и защищавших ее, потому что применение террора по отношению к народу и влияние эмигрантов определили составление и мнение признанием народом конституции 1795 года, за которую не высказалась и четвертая часть голосов, поданных за конституцию 1793 года; потому что эта последняя утвердила неотчуждаемое право каждого гражданина голосовать законы, осуществлять политические права, собираться, требовать того, что он считает необходи-

мым, получить образование и не умирать с голоду; все эти права были открыты и всецело нарушены контрреволюционным актом 1795 года.

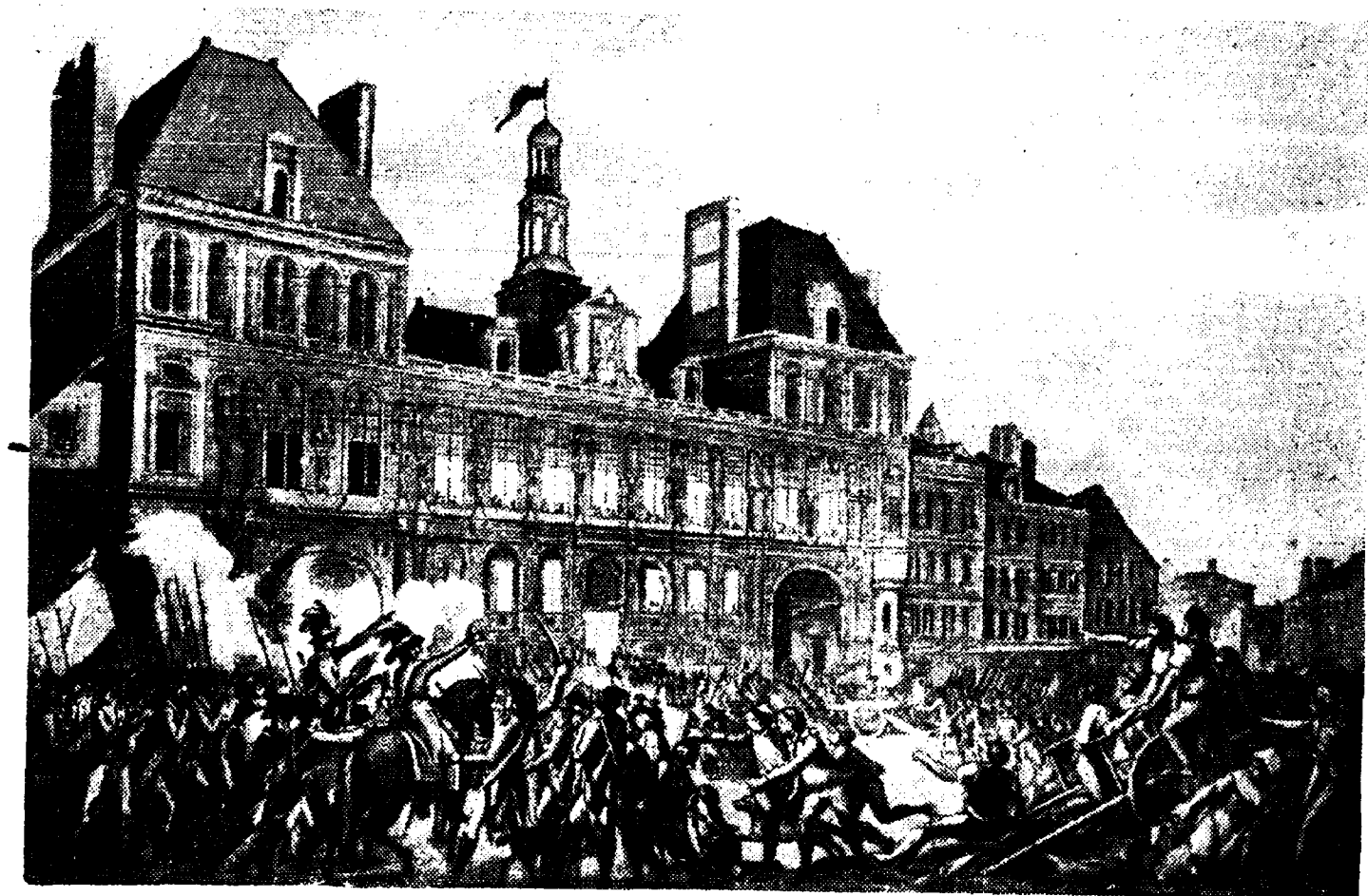
13) Каждый гражданин обязан восстанавливать и защищать волю и счастье народа, выраженные в конституции 1793 года.

14) Всякая власть, основанная на мнимой конституции 1795 года, незаконна и контрреволюционна.

15) Те, которые подняли руку на конституцию 1793 года, виновны в оскорблении верховной власти народа»¹.

Сформулировав конечные цели революции, Бабёф разработал «Акт восстания» — тактические мероприятия, посредством которых революционным путем должен быть свергнут существующий строй. В «Акте восстания» подчеркивалось то положение, что освобождение угнетенных масс может быть только результатом их вооруженного восстания против угнетателей. Статья 1-я «Акта» провозглашала: «Народ находится в восстании против тирании», статья 5-я — «Всякого рода оружие будет забираться инсургентами везде, где оно имеется»; статья 7-я — «Народ овладеет государственной казной, монетным двором, почтой, министерствами и всеми

¹ Перевод цитируется по книге Л. Жбанкова «История «Заговора равных», стр. 49—50. 1905.

Контрреволюционный переворот 9 термидора. С гравюры того времени.

общественными и частными магазинами, в которых имеются средства существования и военные припасы».

Затем намечался ряд мер, которые должны были немедленно облегчить положение бедноты и показать ей, что революционное правительство действует в ее интересах.

В качестве таких мер предусматривались постановления о немедленной раздаче хлеба всем немущим гражданам и о вселении их в квартиры, реквизируемые у богачей, о снабжении их одеждой и о возвращении имущества, заложенного в ломбардах.

Проблему организации власти после победоносной революции Бабеф разрешал в направлении установления диктатуры трудящихся. Инсурректционный комитет общественного спасения (это название должна была принять Тайная директория во избежание сходства с Директорией III гола) должен был стать правительством революционной диктатуры. В статье 20-й «Акта восстания» указывается, «что немедленно будет составлен Конвент из наиболее выдающихся демократов, преимущественно из тех, которые особенно энергично содействовали падению тирании, по одному человеку от департамента. Список их будет предложен делегатами от той части народа, которая взяла на себя инициативу восстания».

Наряду с организацией диктатуры трудящихся «Акт восстания» намечал ряд репрессивных мер в отношении свергнутого правительства Директории и угрожал террором всем, кто осмелится противодействовать власти народа. Статья 11-я постановляла: «Оба совета и Директория, эти узурпаторы народной власти, будут распущены. Все члены их будут немедленно преданы суду народа». Статья 12-я гласит: «Так как перед властью народа падает всякая другая власть, то ни один член узурпаторских учреждений, ни один директор, администратор, судья, офицер, унтер-офицер, ни один гражданский чиновник не смеют выполнять каких-либо актов и приказаний; не исполнившие этого будут немедленно умерщвлены. Каждый член мнимого законодательного корпуса или Директории, который появится на улице, будет арестован. Члены Конвента будут отмечены особыми значками, состоящими из красного покрывала на шляпе».

Статья 13-я оповещала, что «Всякое противодействие будет прекращаться на месте силой; виновные в противодействии будут наказываться смертью».

Бабеф, будучи не только теоретиком, но прежде всего практическим деятелем, ставившим себе задачу организации комму-

нистического общества, должен был разработать вопрос о конкретных мероприятиях, могущих обеспечить переход к коммунизму.

В этой части своей доктрины он не имел предшественников среди утопистов XVIII века. Мабли и Морелли, на которых он опирался в общих построениях будущего коммунистического общества, не разработали вопроса о практических мероприятиях, способных обеспечить реализацию их конечных целей. Бабеф впервые в истории социализма поставил проблему переходного периода от общества «частных собственников» к коммунистическому обществу. Он наметил процесс общественного преобразования, весьма несовершенный, утопический, но, во всяком случае, вполне оригинальный. Бабеф составил проекты нескольких декретов, среди которых наибольший интерес представляет «декрет об управлении». Этот декрет является одним из самых значительных документов «Заговора равных». В нем отражается полный разрыв с идеями формальной демократии и окончательный переход бабувистов на позиции революционной диктатуры. Основой этой диктатуры является ограничение политических прав нетрудящейся части населения республики. Согласно «Декрету об управлении», все граждане делятся на две категории — трудящихся и иностранцев. К трудящимся отнесены граждане, занимающиеся общепольным трудом: земледелием, скотоводством, рыболовством, транспортом, военным делом, просветительной и научной работой. Все политические права составляют монополию трудящихся. Иностранцы — это бывшее духовенство, дворянство, буржуазия; они лишаются политических прав, находятся под надзором властей и не имеют права носить оружия. Все социально опасные элементы отсылаются в особые исправительные лагеря.

В своей республике трудящихся Бабеф отдаст явное предпочтение в правах лицам физического труда. В этом отношении характерна статья 4-я «Декрета об управлении»: «Лица, занимающиеся наукой и преподаванием, должны в известный срок представить свидетельство о своей гражданской честности для того, чтобы их труд был признан полезным».

«Декрет о войсках» устанавливает всеобщую воинскую повинность и обязательную службу в войсках сроком на 5 лет. Наряду с этим вводится выборность командного состава. Денежное довольствие заменяется натуральным пайком. «Проект экономического декрета» намечает в качестве переходных мер, долженствующих привести к коммунистическому строю, организацию «Национальной общины». Ба-

бабеф предлагал сосредоточить все богатства в руках «Национальной общины», сделать труд обязательным, собирать в общественные склады все продукты земледелия и промышленности, ввести равномерное их распределение между гражданами, положить конец всякой частной собственности и частной торговле и основать воспитательные дома, в которых дети будут получать навыки к труду. Воспитание юношества должно быть «национальным, всеобщим и равным».

Бабеф выступал как сторонник полного равноправия женщин. В своем «Манифесте» он писал: «Предоставляйте вашим женам возможность принять участие в делах отечества... Разве могут они посеять семена патриотизма в души молодых поколений и воспитать героев, если вы их унижаете?»

21 февраля (10 мая) 1796 года Бабеф был арестован вместе с Буонаротти, когда они писали «Воззвание к французам» (№ 44 «Народного трибуна»). Арест был подготовлен Гризелем, одним из участников «Заговора равных», оказавшимся предателем. По делу о «Заговоре равных» были привлечены 65 обвиняемых. В октябре 1797 года в Вандоме начался процесс заговорщиков и продолжался около полугода. 27 мая 1797 года был вынесен приговор: Бабеф и Дартэ были гильотинированы, остальные сосланы.

4

Бабувизм и «Заговор равных» являются в полной мере детищем своего времени, продуктом классовой борьбы, развернувшейся во Франции в эпоху буржуазной революции. «Коммунизм Бабефа вышел из демократии первой революции»¹, — писал Маркс. «Заговор Бабефа сделал во имя равенства заключительные выводы из идей демократии 93 года, поскольку выводы эти возможны были тогда»², — отмечал Энгельс.

Сторонники Бабефа — это разоренная мелкая буржуазия, городские рабочие и деревенская беднота. Во время якобинской диктатуры левая оппозиция («бешеные») шла за Жаком Ру и отчасти за Эбером. Бабеф, несомненно, опирался на остатки левой оппозиции и в электоральном клубе и в клубе Пантеона. Учение «равных» должно было встретить наиболее горячий отклик именно в этой среде.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. II, стр. 397.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. V, стр. 28.

Коммунизм Бабефа, окончательно сложившийся в 1795—1796 годах, был в эпоху термидорианской реакции выразителем наиболее революционных традиций трудящихся масс Франции. Бабувисты отличаются от своих предшественников — коммунистов XVIII века и великих утопистов начала XIX века — своей идеей революционного переворота во имя коммунизма и идеей диктатуры трудящихся как переходного этапа к коммунизму. По «тогдашний коммунизм был еще слишком сырой и поверхностный»³.

Коммунизм Бабефа носит характер мелкобуржуазной уравнительности. «Примитивность» коммунизма Бабефа выражается в простом противопоставлении богатых и бедных и в признании преобладающего значения сельского хозяйства в новой экономической структуре страны. Эти специфические особенности коммунизма Бабефа, отмеченные Марксом и Энгельсом в «Коммунистическом манифесте», вызываются незрелостью рабочего класса Франции в конце XVIII века, которая и обусловила проникновение в его среду психологии уравниловки. Уравниловка имеет своим источником крестьянский образ мышления, психологию дележки всех благ поровну, психологию примитивного крестьянского «коммунизма».

Товарищ Сталин в отчетном докладе XVIII съезду партии, борясь против мелкобуржуазных, уравниловских тенденций, дал классическое определение марксистского понимания равенства:

«Под равенством марксизм понимает не уравниловку в области личных потребностей и быта, а уничтожение классов, т. е. а) равное освобождение всех трудящихся от эксплуатации после того, как капиталисты свергнуты и экспропрированы, б) равную отмену для всех частной собственности на средства производства после того, как они переданы в собственность всего общества, в) равную обязанность всех трудиться по своим способностям и равное право всех трудящихся получать за это по их труду (с о ц и а л и с т и ч е с к о е общество), г) равную обязанность всех трудиться по своим способностям и равное право всех трудящихся получать за это по их потребностям (к о м м у н и с т и ч е с к о е общество). При этом марксизм исходит из того, что вкусы и потребности людей не бывают и не могут быть одинаковыми и равными по качеству или по количеству ни в период социализма, ни в период коммунизма»⁴.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. II, стр. 394.

⁴ XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет, стр. 30.

Политическая незрелость рабочего класса во Франции в конце XVIII века в свою очередь была обусловлена низким уровнем капиталистического развития Франции. Французский капитализм переживал накануне революции мануфактурную стадию своего развития.

Слабое развитие классового самосознания французского пролетариата конца XVIII века отразилось как на теоретических построениях бабувизма, так и на его тактических положениях, которые также не отличаются полной зрелостью. Ставка Бабефа на узкий круг заговорщиков, могущих произвести переворот без участия широких масс трудящихся,— все это указывает на то, что рабочий класс, испытывший разочарование в результате буржуазной революции, впервые начал смутно сознавать себя как особый класс, но еще не был в состоянии выработать четкую классовую линию. Бабувизм является идейным выражением этого процесса. В этом отношении характерно также личное поведение Бабефа. Наряду с проявлением подлинной классовой ненависти к термидорианцам Бабеф в отдельных случаях поражает своей наивностью и доверчивостью. После своего ареста 10 мая

1796 года Бабеф пишет письмо¹ «К Исполнительной Директории», в котором он призывает термидорианцев «править демократически» и «не подымать шума по поводу открытого заговора». Это письмо, конечно, осталось без ответа.

Несмотря на все слабые стороны коммунизма Бабефа значение бабувизма в истории коммунистических идей было высоко оценено Марксом. «Революционное движение,— писал Маркс,— которое началось в 1789 г. в *Seize social*, которое в середине своего пути имело своими главными представителями Леклерка и Руи, наконец, потерпело на время поражение вместе с заговором Бабефа,— движение это вызвало к жизни коммунистическую идею, которая после революции 1830 г., снова введена была во Францию другом Бабефа, Буонаротти. Эта идея, последовательно разработанная, и есть идея нового мирового порядка»².

¹ Гракх Бабеф «К Исполнительной Директории». Париж 23 февраля (12 мая) IV года республики. Цит. по книге Буонаротти «Гракх Бабеф и «Заговор равных».

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. III, стр. 147.

А. Боровский

КАК НАХОДИТЬ ЛИТЕРАТУРУ ПО ИСТОРИИ СССР

*Библиографическая справка **

При громадном интересе к истории СССР остро встает вопрос о том, как находить литературу по отдельным интересующим нас темам. Надо сказать, что литературы по истории СССР имеется огромное количество как в виде книг, так и в виде статей, рассеянных в многочисленных периодических изданиях XIX—XX веков. Но систематического библиографического учета этой литературы, библиографических ее указателей не было до революции, нет их еще и сейчас.

В настоящее время Институт истории Академии наук приступил к созданию большой научной библиографии по истории СССР с древнейших времен до Сталинской Конституции. Наряду с этим названные учреждения заканчивают подготовку краткого библиографического пособия по истории СССР для преподавателей средней школы и для лиц, занимающихся самообразованием.

Но потребности в библиографической помощи так велики, что необходимо безотлагательно, не дожидаясь выхода в свет этих изданий, помочь читателю находить историческую литературу.

Хотя общего сводного справочника об исторической литературе еще нет, однако сведения о ней имеются во многих указателях общего характера и в многочисленных тематических указателях. Настоящая статья является кратким обзором этих справочников.

Начнем прежде всего с изданий, которые несмотря на свою распространенность обыкновенно упускаются из виду людьми, нуждающимися в библиографической справке. Это энциклопедические словари: Брокгауз-Ефрон, Гранат, Большая советская энциклопедия и др., — в которых можно найти списки литературы по отдельным вопросам.

Назовем дальше Русский биографический словарь, издававшийся Русским истори-

ческим обществом до революции (всего вышло 25 томов, не вышли томы на буквы В, Е, М, У, и не полностью опубликованы биографии на буквы Г, Н, П и Т). Биографии отдельных деятелей сопровождаются обширными указаниями на источники, которые дают материал не только о лицах, но и о тех исторических событиях, в которых эти лица принимали участие. Например литература, указанная в статьях о Потемкине, Румянцеве, Суворове, является литературой о русско-турецких войнах второй половины XVIII века и других событиях этой эпохи. Но нужно обязательно иметь в виду, что Русский биографический словарь по своему направлению является великодержавным, монархическим, и это обстоятельство отражалось на содержании статей и на библиографических указаниях, данных к ним. После 1905 года в последних по времени выхода в свет томах Словаря статьи написаны в духе академического либерализма.

Переходим к библиографическим указателям. Прежде всего укажем на специально исторические указатели Ламбиных и Межова, которые охватывают литературу по русской истории с 1800 по 1876 год исключительно. Сюда входят:

1) Межов В. И. «Русская историческая библиография». Указатель книг и статей за 1800—1854 годы включительно. Томы I—III. СПб. 1892—1893.

2) Ламбины П. П. и Б. П. «Русская историческая библиография». Погодные указатели с 1855 по 1864 год. СПб. 1861—1864.

3) Межов В. И. «Русская историческая библиография за 1865—1876 годы включительно». Томы I—VIII. СПб. 1882—1890.

Из 8 томов последнего указателя 5 содержат материалы по истории СССР, томы VII и VIII являются вспомогательными указателями к первым 6 томам.

Названные труды содержат в себе указания как на книги, так и на статьи, причем понятие истории они берут очень широко, включая в свои указатели этногра-

* Перечисленные в настоящей заметке указатели общего и общен исторического характера (Рубакин, Ламбины, Межов и др.) содержат сведения о литературе не только по истории СССР, но и о литературе на русском языке по всеобщей истории.

фию, литературу и другие предметы, представляющие интерес для историка.

Указатели Ламбиных и Межова чрезвычайно ценны для исследователя, но они содержат много материалов, уже устаревших, и указывают литературу, вышедшую лишь по 1876 год.

Позже делались отдельные попытки давать периодические обзоры литературы по русской истории. Так, в «Историческом обозрении» (в томах II и III за 1891 год и в томе VIII за 1895 год) напечатаны такие обзоры за 1888—1891 годы, написанные А. И. Брауде (за 1891 год совместно с В. А. Мясотинным); в «Научном историческом журнале» (в № 1 за 1913 год) дана «Библиография русской истории за пятилетие 1908—1912», составленная К. Н. Деруновым; в «Русском историческом журнале» (кн. 1—2-я за 1917 год) — «Библиография русской истории. 1916»; наконец, в «Исторических известиях» (в №№ 1 и 2 за 1916 год и в №№ 1 и 2 за 1917 год) помещен библиографический обзор под ред. Ю. В. Готье и В. И. Пичеты — «Литература по русской истории. Январь 1916 г. — февраль 1917 г.».

Одним из наиболее удобных пособий для нахождения сведений о литературе по истории СССР можно считать указатель Н. А. Рубакина «Среди книг» (том II. 2-е издание. М. 1913). Указаниям литературы по истории СССР посвящено 70 с лишним страниц (стр. 37—109). Указаны общие обзоры, работы по отдельным периодам, кончая революцией 1905 года и периодом реакции, работы по истории Украины, Белоруссии и т. п.

Кроме отдела, непосредственно посвященного работам по истории СССР, в том же томе названного указателя читатель найдет разделы по истории государственного строя древней и Московской Руси и России XVIII—XX вв. по экономической истории России, по истории крестьянства и пролетариата в России.

В 1-й части III тома того же справочника Н. А. Рубакина (М. 1915) можно найти сведения о литературе по этнографии отдельных народов СССР и по национальному вопросу, а в I томе (2-е изд. М. 1911) — сведения по истории литературы, критики, публицистики и искусства.

Спискам литературы в указателе Н. А. Рубакина предпосланы «предварительные замечания».

По истории СССР и отдельных его народов в XVI—XVII веках обширная литература указана в книге «Материалы для библиографии по истории народов СССР XVI—XVII вв.» (Л. Изд-во Академии наук. 1933). Значительная часть упомянутых в этом справочнике книг относится к исто-

рии не только XVI—XVII веков, но отчасти и к предыдущим и к последующим векам. Этот указатель интересен главным образом из-за того внимания, которое он уделяет литературе по истории народов СССР.

Списки литературы по истории второй половины XVIII и XIX века можно найти в книге А. Корнилова «Курс истории России XIX века» (2-е изд. М. 1918). Они даны на стр. 48—51 и 271—280 1-й части «Курса» (к XVIII и первой четверти XIX века), на стр. 115—124 второй его части (к 1826—1855 годам) и на стр. 240—264 и 320—326 третьей части (к второй половине XIX века) содержат 978 названий литературы.

По истории СССР в XIX веке есть очень подробная библиография в изданной в 1907—1911 годах т-вом Гранат «Истории России в XIX веке» (в 9 томах). Помещена она в томах: II, на стр. 607—622 (к периоду 1801—1840 годов); IV, на стр. 364—373 (к периоду 1840—1860 годов); IX, на стр. 237—254 (к периоду 1892—1900 годов). Эта библиография содержит указания на литературу по внешней и внутренней политике, особенно подробные указания по культурному развитию страны (истории литературы, искусства и т. п.). Подробная библиография по истории СССР в XIX веке имеется также в приложениях к восьми томам «Истории XIX века» Лависса и Рамбо (изд. 2-е М. Соцэкгиз. 1938—1939), причем в ней даны статьи и высказывания классиков марксизма.

Можно рекомендовать также несколько кратких указателей литературы по истории СССР, предназначенных для лиц, занимающихся самообразованием, и для преподавателей средней школы:

1) Указатель книг по истории и общественным наукам. Составили Е. В. Арцимович и другие. Под редакцией Н. А. Гредескула, С. Ф. Знаменского и С. А. Бнязькова (СПб. 1910).

Литература по русской истории указана в нем на страницах 1—56; расположена она по эпохам и вопросам.

2) Н. П. Покогило «Что читать народному учителю по истории» (СПб. 1912).

3) В. Уланов «Обзор популярной литературы по русской истории» (М. 1918).

Указания на литературу по русской истории можно найти в приложениях к другой работе того же В. Я. Уланова — «Опыт методики истории в начальной школе» (3-е изд. М. 1918).

Наркомпросом РСФСР был издан «Список основных пособий для преподавателей истории неполной средней и средней школы к разделам учебника «Краткий курс истории СССР» под ред. проф. А. В. Шестакова, в 2 выпусках» (М. 1937—1938). Относительно небольшой (на 36 стр.) «Список»

этот, составленный С. В. Бахрушиным, К. В. Базилевым, Н. Л. Рубинштейном и П. И. Минцем, содержит указания на исторические пособия и на важнейшие высказывания и статьи по вопросам истории СССР классиков марксизма (К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и И. В. Сталина).

Учитывая большое значение беллетристики исторического характера, отметим наличие еще двух книг, которые могут оказаться полезными преподавателям средней школы в их работе: во-первых, «Указатель исторических романов, оригинальных и переводных, расположенных по странам и эпохам», составленный А. В. Мезьер (СПб. 1902), и, во-вторых, современная книга М. Серебрянского «Советский исторический роман» (М. 1936).

Следует пользоваться также «Указателем художественной литературы к разделам учебника «Краткий курс истории СССР» (под ред. проф. А. В. Шестакова), составленным Ф. Олениным (напечатан в № 4 «Исторического журнала» за 1938 год).

Пользуясь энциклопедическими словарями, Русским биографическим словарем и другими перечисленными выше указателями, читатель, занимающийся историей в порядке самообразования, и преподаватель средней школы смогут получить сведения о литературе, вышедшей до революции.

Но, имея в виду, что тем или иным группам читателей могут быть нужны более подробные и более специальные сведения о литературе по истории отдельных областей или народов СССР, и желая дать представление об обилии библиографических материалов по истории СССР, мы назовем еще ряд специальных библиографических указателей.

Начнем с труда Д. В. Зеленина «Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России. 1700—1910 гг. (Жилище. Одежда. Искусство. Хозяйственный быт)» (СПб. 1913. Издание Русского географического общества).

Библиография по истории отдельных народов СССР весьма многочисленна. Она имеется и в виде указателей литературы, посвященной отдельным большим территориям (Кавказ, Средняя Азия, Поволжье и др.), и в виде указателей, посвященных отдельным народам.

По Кавказу (с Закавказьем) укажем прежде всего на работу «Материалы для библиографии Кавказа», напечатанную в № 4—5 журнала «Советская этнография» за 1936 год (стр. 230—270). Уже по размерам этой статьи видно, как велико количество всякого рода библиографических указателей по Кавказу. Отсылая читателя к названной статье для наведения спра-

вок, ограничимся указанием лишь на несколько библиографических указателей.

Один из первых указателей литературы по Кавказу дан в книге И. Дубровина «История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I. Очерк Кавказа и народов, его населяющих. Кн. 3. Библиографический указатель источников к первым двум книгам» (СПб. 1871). В нем указано 2355 названий книг и статей по географии, этнографии, экономике и истории Кавказа, сопровождаемых аннотациями, раскрывающими содержание книг и статей.

Специально литературе о завоевании Кавказа посвящена работа Л. Гизетти «Библиографический указатель напечатанным на русском языке сочинениям и статьям о военных действиях русских войск на Кавказе» (СПб. 1901).

Укажем также на книгу Д. А. Пагирева «Алфавитный указатель к пятиверстной карте Кавказского края, издания Кавказского военно-топографического отдела» (Тифлис. 1913). В приложении к этому географическому изданию дан «Перечень некоторых книг, статей и заметок о Кавказе», содержащий в себе 8000 названий в алфавитном порядке, но с предметным указателем.

Укажем еще несколько более частных указателей. Так, Дагестану посвящен «Опыт библиографии Дагестанской области», составленный Е. И. Козубским и напечатанный в «Памятной книжке Дагестанской области» (Темпр-Хан-Шура. 1895). Эта работа представляет собою аннотированный указатель 1508 книг и статей по истории Дагестана. Продолжение его (литература за 1895—1902 гг.) было напечатано в «Дагестанском сборнике», вып. 1-й (1902 г.).

По Азербайджану имеется работа А. В. Багрия «Материалы для библиографии Азербайджана», 3 выпуска (Баку. 1924—1925). В них указания на литературу, относящуюся к истории Азербайджана, можно найти в 1-м и особенно 2-м выпусках.

Краткие указания на литературу по истории Армении даны в книге В. Брюсова «Летопись исторических судеб армянского народа от VI в. до Р. Х. по наше время» (М. 1918), на стр. 117—122.

Переходя к Средней Азии, отметим, что сведения об имеющихся указателях литературы о ней можно найти в книге А. Г. Биснека и К. П. Шафрановского «Библиография библиографии Средней Азии» (М. и Л. Изд-во Академии наук. 1936). В ней

описано свыше 200 указателей литературы по Средней Азии, среди которых имеются и специальные указатели по истории Средней Азии и указатели, частично содержащие указания на историческую литературу.

В частности же можно указать: 1) на работу В. И. Межова «Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности», 3 части (СПб. 1878—1888); 2) на другую работу В. И. Межова — «Библиография Азии», 2 тома (СПб. 1891—1892), в первом томе которой приведено 2228 названий книг и статей о Средней Азии; 3) на указатель З. М. Пенкиной «Закаспийский край (1865—1885). Систематический сборник библиографических указаний книг и статей о Закаспийском крае и сопредельных странах» (СПб. 1888); 4) на составленный А. Е. Алекторовым «Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах»¹ (Казань. 1900); 5) на более современный указатель Н. Я. Виткин «Библиография по Средней Азии (указатель литературы по колониальной политике царизма в Средней Азии). Под ред. А. В. Шестакова» (М. 1929). В указатель включена литература по истории края до завоевания русскими, по истории завоевания и по другим вопросам.

Из работ, касающихся Сибири, укажем прежде всего на две библиографии библиографий Сибири: 1) М. Азадовского «Обзор библиографии Сибири» (Томск. 1920); этот относительно небольшой (в 46 стр.) указатель библиографических работ содержит сведения об указателях общего характера, а также об указателях литературы по истории отдельных частей Сибири и народностей; 2) статью Н. В. Злобнова «Библиография» в I томе «Сибирской советской энциклопедии».

Переходя к самим библиографическим указателям, назовем прежде всего труд опять-таки В. И. Межова «Сибирская библиография. Указатель книг и статей о Сибири на русском языке и одних только книг на иностранных языках за весь период книгопечатания», 3 тома со вспомогательным указателем (СПб. 1891—1892). Отметим еще брошюру М. Азадовского «Сибирь в русской художественной литературе». Опыт библиографического указателя (Иркутск. 1926).

¹ Речь идет о казахах, по нашей терминологии.

По Дальнему Востоку назовем работу З. И. Матвеева «Что читать о Дальневосточной области. Опыт систематического указателя литературы» (Владивосток. 1925). Литературе по этнографии отведены в нем стр. 110—118, по истории — стр. 169—184.

По истории народов Поволжья можно указать также не на одну библиографию. Так, башкирам посвящен «Библиографический указатель литературы о башкирах» Д. П. Никольского, напечатанный в приложении к № 4 «Этнографического обозрения» за 1899 год и выпущенный также отдельным оттиском; кроме этого в «Материалах по истории Башкирской АССР. Часть I. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв.» (М. и Л. Академия наук СССР. 1936) дана на стр. 497—536 очень обстоятельная библиография по истории башкир с древнейших времен до конца XVIII века. В «Известиях Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», в приложении к №№ 2 и 4 за 1907 год, помещена работа А. Иванова «Указатель книг, брошюр, журнальных и газетных статей и заметок на русском языке о чувашах, в связи с другими народами Среднего Поволжья, с 1756 по 1906 год». В книге И. Н. Смирнова «Мордва. Историко-этнографический очерк» (Казань. 1895), напечатанной также в «Известиях Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете» за 1892—1894 годы, дана библиография литературы о мордве. В «Известиях Оренбургского отдела Русского географического общества» за 1901 год (вып. XVI) напечатан «Библиографический указатель книг, статей и заметок, касающихся черемис», составленный А. А. Петровым.

Своего рода библиографией по истории Поволжья и его народов являются указатели к «Известиям Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете»; составленные П. В. Альфонсовым к томам I—XXI за 1878—1905 гг. (Казань. 1906) и П. Н. Воробьевым к томам XXII—XXXIII за 1906—1927 годы (Казань. 1928). Эти указатели напечатаны также в приложениях к XXII и XXXIV томам «Известий».

Назовем еще несколько библиографических указателей, посвященных отдельным территориям и народам: 1) Л. П. Марквина «Тагиса. Опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще», 3 выпуска (Симферополь. 1894—1902); 2) П. А. Дилакторского «Опыт указателя литературы по Северному краю с 1776 по 1904 год» (Вологда. 1921); 3) «Полесье. Библиографические

материалы по истории, географии, статистике, этнографии и экономическому состоянию Полесья (Северо-Западный и Юго-Западный края и губернии: Минская, Гродненская, Волынская, Киевская и Могилевская в частности)» (СПб. 1883). Составлен З. Пенкиной. В указателе П. А. Дилакторского мы найдем, в частности, литературу о зырянах (коми); в указателе З. Пенкиной — о белорусах.

Библиография по истории Украины дана в «Русской исторической библиографии» В. И. Межова и других указателях по истории России, и в настоящем обзоре мы ограничимся лишь указанием на современную работу Ф. Максименко «Материалы до краєзнавчої бібліографії України (1847—1929)». Список бібліографічних праць, що стосуються до окремих місцевостей УССР, Бессарабії, Дону й Криму» (Киев. 1930).

На этом мы заканчиваем наше перечисление библиографических указателей, отметив, что количество библиографических указателей, посвященных в той или иной мере истории отдельных народов и местностей.

Не менее многочисленны библиографические указатели и обзоры по отдельным частным темам, напечатанные также иногда отдельно, а чаще в виде приложений к тем или иным книгам.

Так например литературе мемуарного характера посвящен составленный С. Р. Минцловым «Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке». Выпуск I—V (Новгород. 1911—1912). Литература о Петре I послужила предметом историко-библиографического обзора, составленного Е. Ф. Шмурло, «Петр Великий в исторической литературе» (СПб. 1889). О декабристах издана огромная, в 800 страниц, библиография П. М. Ченцова «Восстание декабристов» (М. и Л. 1929).

Гораздо значительнее, конечно, число прикнижных библиографий. Так например в I томе исследования В. И. Семевского «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II» (2-е изд. СПб. 1903), на стр. 626—633, дан указатель важнейшей литературы (книг и статей) по истории крестьян в России. Библиографические указания на соответствующую литературу даны после отдельных глав в книге П. М. Булишера «История русского народного хозяйства». I—II тт. (М. 1925). Следует иметь в виду, что работы исследовательского характера очень часто сопровождаются подобными указателями.

Основным недостатком названных библиографических указателей является то, что далеко не всегда они дают правильное представление о качестве приводимой в них литературы.

Другим недостатком многих из этих указателей является то, что они не дают сведений о литературе последних 10—20 лет. Этот недостаток может быть восполнен в известной мере текущими библиографическими справочниками. Так как указатель П. А. Рубакина «Среди книг» содержит в себе указания на литературу первого десятилетия XX века, то продолжением его может служить «Библиографический ежегодник под ред. П. В. Владиславлева», систематические указатели литературы за 1911—1914 годы, издававшиеся в Москве до революции издательством «Наука», а позже, с 1921 по 1924 год, — Госиздатом. Продолжением «Ежегодников» Владиславлева явились «Ежегодники Государственной центральной книжной палаты», выходявшие за 1925—1929 годы под названием «Книга в 192... году». К сожалению, Книжная палата прекратила это издание с 1930 года, выпустив только еще один том за 1935 год — «Ежегодник книги СССР. 1935» (М. 1936).

За текущей исторической литературой можно следить по изданиям Всесоюзной книжной палаты («Книжная летопись» и «Журнальная летопись»), имеющимся в каждой крупной библиотеке, а также, но в меньшей мере, по журналам «Историк-марксист», «Книга и пролетарская революция» и др. Библиографию по истории ВКП(б) систематически дает издаваемый Институтом Маркса — Энгельса — Ленина бюллетень «Марксистско-ленинская литература».

Настоящая заметка не ставила себе задачей дать хоть сколько-нибудь приближающийся к полноте обзор библиографических источников; целью ее было осведомить читателя, интересующегося исторической литературой, о факте обилия библиографических материалов по отдельным исторического характера темам.

Будем надеяться, что Институт истории Академии наук СССР и Историческая библиотека в ближайшем времени выполнят свои обязательства перед советским читателем и дадут ему хорошие указатели литературы по истории СССР, и тогда работа преподавателя в высшей и в средней школе, а также массового читателя, стремящегося знать историю своей родины, будет значительно облегчена.

Н. Кузин,

учитель средней школы им. С. Т. Шацкого
Угодско-Заводского района, Московской области.

КРАЕВЕДЕНИЕ В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ СССР

(Из опыта работы)

В систематическом курсе истории местный исторический материал не имеет самостоятельного значения, но он может быть с успехом использован как хорошее вспомогательное средство для конкретизации отдельных важных исторических событий.

Вопрос об использовании местного материала при преподавании истории до сих пор очень мало освещен в методической литературе, а между тем значение его очень велико.

Приведу несколько примеров из опыта работы в школе им. С. Т. Шацкого Угодско-Заводского района, Московской области.

1

Многие учителя истории справедливо считают первый урок в курсе 5-го класса методически одним из самых трудных. В течение одного, максимум двух часов необходимо дать детям понятие об истории как науке, об источниках исторических знаний (памятники вещественные и письменные) и о докассовом обществе. Элементарные понятия об этом они получили в 3-м классе, в начальном курсе истории СССР. Но, начиная курс истории в 5-м классе, эти знания необходимо обновить.

Конкретному усвоению детьми всех этих сведений очень способствует знакомство с местными историческими памятниками. Опыт работы нашей школы подтверждает, что привлечение местного материала помогает хорошему усвоению изучаемого курса, а также развивает в детях любовь к археологии. Ребята относятся с большим интересом к экскурсиям и проявляют большую наблюдательность.

В одном километре от нашей школы, на берегу реки Протвы, в овраге, ученики обнаружили необычайный в наших местах черно-серый рыхлый слой земли. Покопавшись в нем, они нашли несколько черепков глиняной посуды. Об этой находке они сообщили учителю. В ближайший выходной день мы отправились вместе с небольшой группой любителей истории и геологии на место находки, для того чтобы исследовать, нет ли там следов жизни человека в отдаленные времена.

Топография местности подтверждала это предположение. Крутой, высокий берег реки, прорезанный двумя глубокими оврагами, — хорошее укрепленное место для стоянки.

Планомерные поверхностные раскопки полностью подтвердили предположение. Мы обнаружили стоянку дофеодалного периода. В земле мы нашли множество черепков глиняной посуды, бывшей в употреблении (сильно закопченных). Черепки были разнообразны: грубой отделки, без орнамента, и более тонкой, с орнаментом. Были найдены там же кусочки древесного угля, осколки каменных орудий, кусок спекшегося железа, кости мелких хищников. Находка была богатой и интересной.

На месте раскопок я провел беседу с учащимися о жизни людей в нашей местности более тысячи лет тому назад, рассказывал и показывал детям, как ведутся раскопки.

Наше предположение о стоянке было убедительно также и потому, что в 15 километрах от школы, на берегу реки Протвы, в 1923 году учеными-археологами было раскопано так называемое «Огублянское городище». Некоторые добытые при раскопках материалы были подарены тогда школе и постоянно используются нами в работе.

О нашем открытии мы сообщили в археологические организации Москвы, откуда получили ободряющий ответ. Нам предложили до приезда специалиста-археолога продолжать поверхностные раскопки силами школьного исторического кружка.

Для работы в школе эта стоянка имеет огромное значение, так как местные находки являются прекрасным дополнением к общен историческим сведениям и помогают выработать у детей ясное представление о значении вещественных памятников для изучения далекого прошлого в жизни людей.

Учителя начальной школы также используют эту стоянку для изучения в 3-м классе темы «Наша родина в далеком прошлом». Литературу и методические указания они получают от учителя истории средней школы.

Помимо образовательного значения эта работа имеет и большое воспитательное

значение. Дети учатся любить памятники старины, изучать их и бережно хранить. Мы показываем элементарные исследовательские приемы такого сложного дела, как археологические раскопки.

Для того чтобы уяснить детям конкретное значение письменных памятников как источников, из которых черпаются знания о прошлом людей, я показываю им несколько подлинных письменных памятников, рассказывающих о прошлом окружающих школу деревень. Я беру для примера письменные памятники по наиболее близкой их пониманию истории СССР: древнеславянскую письменность, заглавные буквы, миниатюры, позднеславянскую письменность, копии письменных памятников XVI, XVII веков, — показываю старинные книги XVIII и XIX веков, газету «Петербургские ведомости» за 1762 год и «Земледельческую газету» от 1843 года в подлинниках. А затем я показываю им несколько подлинных письменных памятников, рассказывающих о прошлом окружающих школу деревень.

Ученики с интересом рассматривают пожелтевшие от времени бумаги XVIII—XIX веков, случайно уцелевшие, разрозненные клочки помещичьего архива, найденные в бывшем барском доме, переданном советской властью нашей школе.

В одном из документов, датированном 26 ноября 1840 года, — отрывке из купчей крепости — речь идет о продаже расположенных по соседству со школой деревень: Самсонова, Белкина, Пяткина, Кривского — одним помещиком другому. Дети из этих деревень учатся в нашей школе.

Привожу содержание документа с некоторыми сокращениями, сохраняя стиль подлинника: «Настоящий вводный во владение имением лист составлен на основании купчей крепости, заключенной между помещиком Обнинским П. А. и помещицей Бутурлиной А. А. на продажу имения и состоящее Калужской губернии, Боровского уезда в село Белкина, сельцах Самсонове, Шемякине и деревни Кривской всего четыреста одиннадцать душ с женами их, вдовами, девками, новорожденными детьми со всеми их семействами землю и всякими угодьями, скотом, птицей и хлебом, словом, что только к оному имению принадлежит значится в купчей крепости... крепостным людям к помянутому имуществу принадлежащим, приказано быть повым владельцам послушными».

Другой документ, от 1815 года, рассказывает о розыске беглого крепостного мальчика 15 лет, бежавшего из села Белкина, принадлежавшего графине Бутурли-

ной. Мальчика разыскивали по приметам, как скотину.

Эти документы, являющиеся письменными памятниками из истории нашей местности, особенно запечатлеваются в памяти детей. Ученики наглядно убеждаются в том, как письменный памятник рассказывает о прошлом. Слушая чтение и пояснение таких документов, ученики проникаются глубокой ненавистью к помещикам-крепостникам, которые торговали их дедами и прадедами, как скотом.

Далее, я рассказываю детям о том, что Великая Октябрьская социалистическая революция полностью уничтожила всех эксплуататоров в нашей стране. Земля, на которой сотни лет крестьяне гнули спину на эксплуататоров, стала всенародным достоянием. В великой Сталинской Конституции записано: «Земля, занимаемая колхозами, закрепляется за ними в бесплатное и бессрочное пользование, то-есть навечно». Дома-дворцы, построенные крепостными мастерами, советская власть отдала под школы и другие учреждения. Так, в бывшем барском доме деревни Самсонова расположена начальная школа. В доме, ранее принадлежавшем графине Бутурлиной, — Белкинская неполная средняя школа, и, наконец, в бывшем имении капиталиста Морозова, ранее принадлежавшем помещику Обнинскому, помещается наша школа.

Как известно, в 5-м классе изучается Древний Восток и Греция. Зачем же спрашивается, на вводных уроках я использую материалы по истории СССР? Целесообразно ли это? Да, целесообразно.

Впервые встречаясь с новыми учениками, у которых есть известные сведения по истории из курса 3 и 4-го классов, нужно их проверить и подвести к изучению довольно трудного курса истории Древнего Востока и Греции. Если в занимательной для детей форме освежить на конкретных примерах уже имеющееся у них из истории СССР представление о значении истории как науки, об источниках исторических знаний, то на последующих уроках, при изучении памятников материальной культуры Египта, Двуречья или Греции, легче будет добиться ясных представлений у детей о раскопках в Египте или Двуречье, о работе Шлимана и Эванса по изучению памятников материальной культуры древнейшего периода Греции.

Если на примере истории нашего края создать у детей ясное представление о значении письменных памятников в исторической науке, то легче будет добиться правильного понимания ими громадного значения трудов Шамполлиона по раскрытию тайны египетских иероглифов и трудов Раулинсона по расшифровке клинописей.

Изучение истории СССР в старших классах средней школы дает, конечно, больше возможности для использования местного исторического материала в качестве дополнительных иллюстраций к систематическому курсу истории.

Вот несколько примеров из опыта работы в нашей школе.

В начале курса, при изучении вопроса об археологических данных для дофеодального периода в истории Киевской и Северовосточной Руси, мы, помимо общенсторических сведений, обязательно используем материалы «Огублянского городища» и стоянки на реке Протве (см. выше). Ученикам, интересующимся историей, рекомендуется популярная литература по археологии. С этим активом также обрабатывается материал, собираемый на экскурсиях.

При изучении темы «Хозяйство и управление государством в России в конце XVII века» существенное значение имеет разбор вопроса о зарождении в недрах крепостной России первых промышленных предприятий.

В качестве конкретной иллюстрации к теме я привожу историю Угодского железного завода, находившегося в 12 километрах от школы. В настоящее время от этого завода остались название села — районного центра — «Угодский завод», или «Железный завод», большие кучи железного шлака, в котором можно обнаружить куски древесного угля, и в лесу остатки почти полностью разрушенных штолен. В самом селе сохранилось несколько каменных построек того времени.

На примере этого завода нетрудно дать картину работы предприятий середины XVII века.

Учащиеся узнают об Угодском заводе примерно следующее: в XVII веке в нашем районе было целых три «железных завода»: Протовский — на реке Протве, Угодский — на реке Угодке и Истьянский — на реке Истье. Самый старый из них — Протовский (17 километров от нашей школы) — принадлежал боярину Милославскому, но в 50-х годах XVII века его «со всякими железными запасами взяли иноземцы Петр Марселис да Фолимон Акема на оброк у боярина нашего у Ильи Даниловича Милославского в прошлом 164 году на урочные годы на 15 лет». В 1659 году голландские купцы строят завод на реке Угодке — Угодский железный завод, а затем возникает третий завод — на реке Истье. Эта группа заводов была связана между собой в работе. Дюма была

только на Протовском заводе. Заводы принадлежали одним хозяевам.

Существовали эти заводы, повидимому, до середины XVIII века, то есть до возникновения и развития нового центра железодельной промышленности на Урале.

В XVIII веке эти заводы вместе с тульскими и каширскими заводами были пожалованы царскому придворному крупному феодалу Александру Пвановичу Шувалову.

Продукция заводов была невелика и по количеству и по асортименту. Делали здесь ядра, дверные косяки, железные плиты, возможно, и пушки. Было начато оборудование вертельного сарая для сверления пушек, но он не был до конца доделан.

Несложные заводские механизмы были большей частью деревянные и приводились в движение силой воды. Об этом можно судить по перписной книге стольника Афанасия Фонвизина, посланного правительством в 1663 году для обследования заводов Протовского и Угодского.

Руда для этих заводов добывалась в окрестностях. Выплавка железа производилась с помощью древесного угля, который в изобилии добывался в окружающих заводы лесах.

Опись оборудования заводов показывает детям, на каком низком техническом уровне они находились. Но для того времени сооружение этих заводов было значительным шагом вперед в хозяйственном развитии отсталой, крепостной России. При этом я напоминаю учащимся, что прогресс этот совершался ценою зверской эксплуатации крепостных крестьян.

Рассказ иллюстрируется общим планом Протовского железного завода (реконструкция по документам) и схематическими рисунками «онбара», кузницы и вертельного стана с вододействующими установками. Учащиеся внимательно рассматривают и обсуждают рисунки деревянных строений и примитивные технические приспособления, бывшие на железных заводах XVII века.

Я рассказываю ребятам о жутких условиях труда на заводах, в особенности в подземных норах, где добывалась руда. Рудокопы освещали себе путь под землей лучиной. Никакой искусственной вентиляции не было. Добытая руда доставлялась вверх вручную. Либо рабочие ее поднимали в корзинах, карабкаясь вверх по крутым лестницам, либо, в лучшем случае, поднимали ее в бадьях ручными воротами. Вращение ворота с тяжелой бадьей было очень трудным делом.

Нередки были несчастные случаи на этих рудниках. То оборвется бадья и придавит несколько человек, то подломится крутая высокая лестница. Техника крепления была очень примитивная. Подзем-

ные ходы нередко обваливались, и рабочие заживо погребались там, где работали.

Ужасные условия труда вызывали стихийные возмущения крепостных рабочих, но эти движения безжалостно подавлялись местными и центральными властями крепостнической России.

При изучении темы «Отмена крепостного права» были использованы бумаги бывшего владельца имения, в котором расположена наша школа.

Я показал ребятам подлинные документы, о которых говорилось в начале статьи (о продаже имений, поисках беглых крестьян и т. д.). Показал им рекрутские квитанции, которые получали помещики от воинского начальства за сланных в 25-летнюю службу солдат. Рассказал, что среди сланных в солдаты нередко попадались люди женатые, которых помещики отрывали от семьи по своему произволу.

Вот, например, что значится в записи, составленной, повидимому, в барской конторе для памяти (орфография подлинника):

«1819 года ноября 14-го числа. Очищать некрутская села Белкина.

- 1 двор Михаила Никонова сын Алексей, холостой
- 2 двор Степана Соловьева сын Касьянтин женатой
- 3 двор Тимофея Карпова сын Григорий женатой
- 4 двор Амелъана Потанова племянник Ларион Матвеев женатой».

Учащиеся хорошо знают, что эти люди, сланные волей помещицы в солдаты, как правило, не возвращались домой, не выдали больше ни детей своих, ни жен, ни родителей.

Интересен документ, характеризующий крепостнические пережитки после реформы 1861 года. В нашей местности, обильной лесом, крестьяне деревни Пяткина были оставлены без лесных угодий. Весь лес, повидимому, отошел к помещику. Пользуясь этим обстоятельством, помещик Обнинский заставлял крестьян деревни Пяткина бесплатно убирать барский заливной луг.

Вот этот документ, датированный 16 декабря 1861 года, — приложение к уставной грамоте сельца Пяткина, гласящее об отпуске топлива крестьянам:

«Владельцы сельца Пяткина полковник Паркиз Антонов, губернский секретарь Петр и студент И. М. Университета Анатолий Наркизовы Обнинские заключили с крестьянами следующее условие относительно отпуска им топлива:

1. Помещик разрешает крестьянам означенного сельца безвозмездный отпуск топлива, сколько отпускалось им прежде, но рубить крестьяне по своему произволу не должны, а для сего отводится им земля под

лесом по ручью Реплинскому от Педеловского оврага до церковной земли, где часовня.

2. Крестьяне с своей стороны обязаны за сие убрать 7 (семь) десятин господского лугу, находящихся в расстоянии одной версты от крестьянских усадеб с. Пяткино».

Этот документ рассказывает как раз о месте, где расположена школа. Он является прекрасной иллюстрацией к быту крестьян пореформенной деревни.

Документы наглядно убеждают учащихся на фактах, взятых из истории местного края, в том, что «великая реформа» была буржуазной реформой, проводимой помещиками. На живых примерах они видят, что и после отмены крепостного права помещики продолжали угнетать крестьян и крестьяне вынуждены были на самых тяжелых условиях арендовать помещичью землю. «Помещики ограбили крестьян, отняв, отрезав у них при «освобождении» значительную часть земли, которой крестьяне пользовались раньше... Таким образом, оставалось почти то же положение, что и при крепостном праве, с той лишь разницей, что теперь крестьянин был лично свободен, его нельзя было продать или купить, как вещь» («Краткий курс истории ВКЛ(б)», стр. 5—6).

Иллюстрируя этим местным материалом изучение реформы 1861 года, мы любимся более прочных и более глубоких знаний у учащихся.

Ясно большое воспитательное значение этого материала.

При изучении рабочего движения в России в 80—90-х годах XIX века и, в частности, при разборе морозовской стачки 1885 года также привлекается местный материал.

Разорившийся помещик Обнинский продал свое имение известному капиталисту Морозову — крупнейшему текстильному фабриканту России. Родоначальник этих фабрикантов — Савва Морозов — был в свое время крепостным помещика Рюмина и в 1822 году выкупился на волю за 17 тысяч рублей. Его наследники путем жесточайшей эксплуатации рабочего класса продолжали накапливать капиталы и развешивать производство.

Известно, что рабочие в Орехово-Зуеве не выдержали жестокого грабежа и в январе 1885 года объявили стачку, имевшую большое значение в истории революционного движения России. В 90-х годах на фабриках Тверской мануфактуры, принадлежавшей также Морозовой, произошли три крупные стачки (в 1897 году и две в 1899 году).

Одним из директоров этих текстильных фабрик был М. А. Морозов, до 1917 года

ладевший именем, в котором теперь расположена наша школа.

Я разбираю с учащимися интересные сведения о личных расходах Морозова М. А. за 1901 год в сумме 196 675 рублей 49 копеек. Они были опубликованы в журнале «Красный архив» за 1937 год в № 4 (83), на стр. 226—227.

Привожу их с некоторыми сокращениями.

1901 год был кризисным годом в промышленности. Фабрику на некоторое время предполагалось закрыть и выбросить тысячи рабочих на улицу. Заработная плата рабочих резко снизилась. Штрафы снова выросли. «Средний заработок тверского рабочего в 1901 году исчислен в 190 рублей за год. И в то же время один из трех братьев Морозовых расходует на личные нужды 196 675 рублей 49 копеек, что составляет заработную плату 1 035 рабочих (подчеркнуто мною. — Н. К.).

Только на стол и на вино и на вечеринки падает расходов 39 504 рубля 56 копеек, т. е. годовой заработок 192 рабочих».

После Великой Октябрьской социалистической революции советская власть передала дворец Морозовых нашей школе.

За годы советской власти мы умножили социалистическую собственность, построили новые здания школы, общежитий, клуба и столовой. Мы имеем свою электростанцию. Рядом с нашей школой вырос прекрасный дворец детского санатория, в котором сейчас живут и учатся испанские дети.

3

Выше было описано несколько примеров из опыта использования местного материала в преподавании истории.

Вот несколько выводов на основании опыта этой работы, к которым мы пришли.

1. В любой школе нашей необъятной родины может быть поставлена работа по привлечению местного исторического материала к изучению систематического курса истории СССР. Местность, в которой расположена наша школа, не является особо выдающейся в историческом отношении по сравнению с другими областями нашей страны. При желании учитель всюду может найти интересные материалы по истории местного края. В особо благоприятных условиях находятся школы в крупных городах, где есть краеведческие исторические музеи.

2. Материал, нужный мне для работы в школе, я собирал в течение 10 лет, постепенно накапливая из года в год исто-

рические сведения по местному краю. Я внимательно просматривал историческую литературу и отмечал в разных книгах сведения, прямо или косвенно относящиеся к нашей местности.

Экскурсионным путем я ознакомился сам и ознакомил учащихся с наиболее интересными местными историческими памятниками.

В настоящей статье далеко не исчерпаны все материалы по истории местного края: мы имеем довольно интересные сведения по борьбе с польской интервенцией XVII века (гор. Боровска), антирелигиозный материал (сведения по истории Пафиутьевского монастыря близ Боровска) из истории местных мелких текстильных фабрик и губернской статистики, некоторые данные, характеризующие развитие капитализма в нашей местности после 1861 года, и т. п. Наконец, я пользуюсь всяким случаем для собирания документального материала: старинных книг, газет, писем, документов и т. д. Ребята принесли мне несколько старинных монет XVIII века. Теперь у меня есть уже достаточный материал, из которого можно создать небольшой школьный краеведческий музей.

Надеюсь, что в дальнейшей работе с помощью учеников мне удастся расширить круг исторических сведений о нашей местности и собрать большее количество исторических памятников.

3. В дореволюционной и послереволюционной литературе ряд методистов высказывал взгляды, свидетельствующие о чрезвычайной переоценке значения местного исторического материала.

Мы считаем, что краеведческий материал играет в систематическом курсе лишь вспомогательную роль.

4. Нет никакой нужды в том, чтобы все темы курса того или иного года обучения обязательно связывать с изучением местного материала, так как искусственное привлечение местного материала может привести к искажению исторической перспективы.

5. На уроках истории следует использовать лишь тот краеведческий материал, который является естественным дополнением к курсу истории и подтверждает важнейшие выводы к изучаемой в систематическом курсе теме.

6. Работа с краеведческим материалом как на уроке, так и в кружке имеет не только образовательное, но и большое воспитательное значение, ибо помогает учащимся на конкретном материале истории своего района глубже осознать исторический путь, пройденный нашей великой социалистической родиной, глубже осознать великий расцвет нашей страны под солнцем Сталинской Конституции.

С. Черномордик

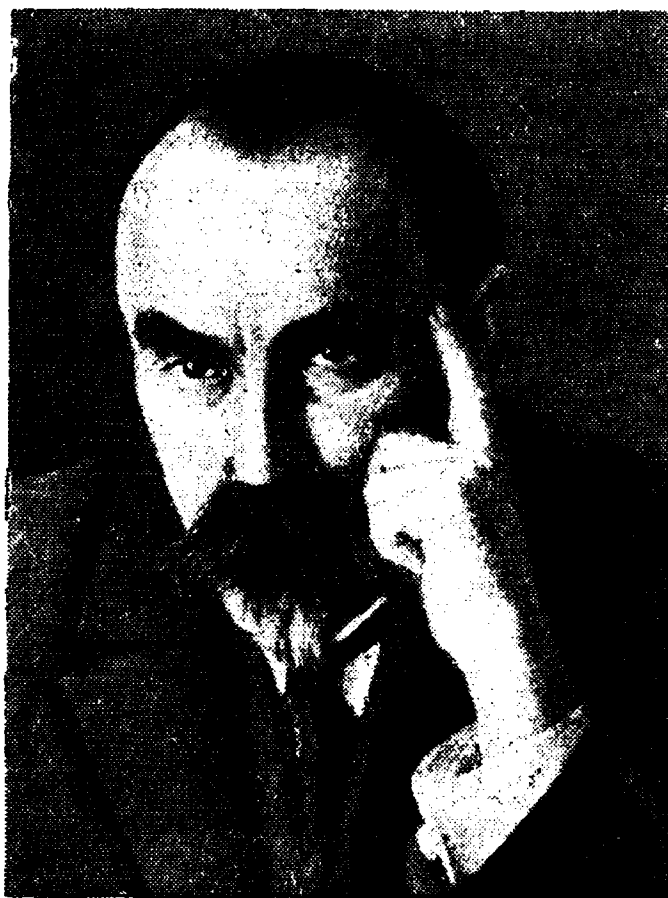
«Литературное наследие Г. В. Плеханова». Государственная публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина. «Дом Плеханова». Соцэкгиз. Тт. I—VI.

Работа «Дома Плеханова» по обработке и публикации архива Г. В. Плеханова вносит ценный вклад в сокровищницу истории и теории марксизма. Благодаря этой работе, далеко еще не законченной, можно будет в скором времени приступить к академическому, действительно полному изданию многочисленных теоретических трудов виднейшего теоретика марксизма, заслуги которого в области теории марксизма имеют международное значение. Известна высокая оценка, которую дал в 1908 году В. И. Ленин теоретической работе Г. В. Плеханова: «Единственным марксистом в международной социал-демократии, давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили здесь ревизионисты, с точки зрения последовательного диалектического материализма, был Плеханов»¹. Ленин рекомендует изучать теоретические работы Плеханова². Роль Плеханова как «выдающегося пропагандиста марксизма» высоко оценивается также в «Кратком курсе истории ВКП(б)», где отмечается огромная работа, проделанная Плехановым по распространению марксизма и борьбе с вредными, ошибочными взглядами народников.

Вышедшие шесть томов «Литературного наследия» публикуют в дополнение к уже известным работам Плеханова ряд материалов из архива Плеханова, частью новых, частью являющихся вариантами к опубликованным трудам, а также заметки в записных книжках в связи с теми или иными работами. Впервые мы знакомимся с планами и тезисами многочисленных рефератов Плеханова, в которых он часто подводил предварительные итоги задуманным им литературным работам, с планами его работ и, наконец, что очень важно, с его перепиской с такими корреспондентами, как К. Каутский, В. Либкнехт, А. Бебель, П. Лафарг, Гайндман, Гед и другие.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XII, стр. 185.

² См. Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 135. Примечание.

Г. В. Плеханов.

Таким образом, мы проникаем в творческую лабораторию Г. В. Плеханова и получаем возможность изучать как эволюцию его взглядов, так и условия, в которых протекала его творческая работа. Разумеется, все эти громадной научной ценности материалы и документы представляют собой еще сырой материал, подвергнутый только первой обработке. Научным работникам, которые занимаются изучением теоретических работ Плеханова, историей общественной мысли в последней четверти XIX и в начале XX века, вопросами теории марксизма, предстоит подвергнуть глубокому научному анализу это плехановское наследство. Вопросы, которые поглощали внимание Плеханова и которые получили отражение в его «Литературном наследии», настолько многообразны, что мимо них не пройдет ни один марксистский историк культуры.

Прежде всего материалы, опубликованные в «Литературном наследии», близко подводят читателя к творческой личности Г. В. Плеханова, к его индивидуальным особенностям. Из записной книжки 1880—1881 годов (т. I) мы видим, как молодой Плеханов, очутившийся в эмиграции, не порвавший еще с народничеством, еще редактор «Черного передела», с жадностью набрасывается «на науку». Это был период, когда утративший веру в непогрешимость народничества Плеханов приступил

Konrad Schmidt gegen Karl Marx und
Friedrich Engels

Le lecteur sort que le camarade
Bernstein recule "bis zu einem gewissen Grad"
à Kant, il le dort, "bis zu einem gewissen Grad"
au camarade Schmidt, Quelles sont
les idées philosophiques de ce camarade?

Je les a exposés ¹⁾ dans l'article intitulé
~~Ein neues Buch über die Materialität~~
"Ein neues Buch über die Materialität" de Ge-
schichtsauffassung" publié dans le "sozial-
wischen Akademiker" de 1896 (Juli und Au-
gust) et 2) dans un article sur le livre
de Kronenberg: "Kant, Jesu Leben und seine
Lehre" ce dernier article a été publié dans
la troisième livraison des "Vorwärts", le 17
Octobre 1897.

●

C'est donc à ces deux articles que j'e
m'adresse.

(*) Dans cet article le camarade Schmidt fait
une critique de mon livre "Beitrag zur Ge-
schichte des Materialismus"; je considère cette cri-
tique comme très faible, mais je n'ai pas d'envie
de lui répondre ici. Tout ce qui m'intéresse
Tournez la page 5 v. p.

Первая страница статьи Г. В. Плеханова «Конрад Шмидт против
К. Маркса и Ф. Энгельса».

к пересмотру своих взглядов. Наряду с работами Маркса и Энгельса Плеханов читает сотни книг по философии, истории, первобытной культуре, политической экономии, искусству, естествознанию, истории социализма. Плеханов изучает работы Ад. Вагнера, Вобана, Буагильбера, Лоу, Кенэ, Тюрго, Ричарда Кобдена, Росси, Фюстель де Куланжа, сенсимонистов и многих других экономистов, историков и политиков, а также читает массу книг по вопросам искусства древнего Рима, античной Греции, Египта, по истории древнего Египта, по естествознанию. В это же время он посещает лекции в Сорбонне и в College de France.

Плеханов был одним из образованнейших людей своего времени не только в России, но и в Западной Европе. Позднее в своей обширной переписке с Л. И. Аксельрод Плеханов то и дело просит прислать ему книги из Берна по самым разнообразным вопросам: женевская библиотека его не удовлетворяла (см. т. I).

Но это не был «любитель» знаний для знаний. В его стремлении к знанию заметна определенная целеустремленность. В изучении самых, казалось бы, разнообразных отраслей науки: философии, истории, политической экономии, искусства,

первобытной культуры, естествознания—он ищет подкрепления и обогащения марксовой теории диалектического материализма. Материалы «Литературного наследия» рисуют нам Плеханова как мыслителя, постоянно стремящегося к обогащению своих знаний в самых разнообразных областях. Свои знания он отдаёт борьбе в защиту марксизма, против всякого рода «критиков» и ревизионистов.

В результате проделанной огромной работы Плеханов, вооруженный глубокими научными знаниями, вооруженный марксизмом, порвал с народничеством и выступил в 1883—1885 годах со своими первыми марксистскими работами «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия», направленными против народничества и народофильства.

После первых марксистских выступлений Плеханова в середине 80-х годов против народничества самой яркой страницей деятельности Г. В. Плеханова были его работы в защиту и обоснование марксизма во второй половине 90-х и начале 900-х годов, направленные против либерального народничества (Михайловского, Кареева и т. д.) и против неокантианства и ревизионизма (Шмидт, Бернштейн), пытавшихся под видом поправок к Марксу извра-

тить революционную сущность марксизма. Необходимо отметить, что в рядах международной социал-демократии, как указывал В. И. Ленин, Плеханов первый заметил опасность, грозящую со стороны неокантианства и ревизионизма, и первый же бросился в бой с «критиками» марксизма. Также «ортодоксы» марксизма, как К. Каутский, готовы были пойти на уступки неокантианству. Так, в письме Плеханову от 22 мая 1898 года Каутский пишет: «Я никогда не был силен в философии и, хотя я и стою целиком на точке зрения диалектического материализма, все-таки я думаю, что экономическая и историческая точка зрения Маркса и Энгельса в крайнем случае совместима с неокантианством»¹. Также, несомненно, революционные марксисты того времени, как Бебель, В. Либкнехт, Лафарг, сочувствуя борьбе Плеханова против ревизионизма К. Шмидта и Бернштейна, не придавали большого значения этой борьбе, считая ее второстепенным делом: их больше занимали парламентские дела (см. т. V, стр. 269—271).

На международной арене того времени Плеханов выступил как боец, защищавший марксизм против «критиков». Борьба эта была нелегкая. Не так просто было Плеханову получить возможность использовать страницы социалистической печати для своих статей против К. Шмидта и Э. Бернштейна.

В письмах, опубликованных в V томе «Литературного наследия», имеются на этот счет интереснейшие материалы. Каутский, редактор «Neue Zeit», в котором помещал свои статьи Плеханов, всего больше заботился о том, чтобы не было «резкого тона» в полемике: он не хотел «обидеть» «прекрасного человека» К. Шмидта и своего приятеля Э. Бернштейна. Не решаясь вовсе отказать Плеханову в помещении его статей, Каутский под предлогом, что место в «Neue Zeit» ограничено и что «наши читатели не интересуются философскими вопросами»², «подстригал» пыльные статьи Плеханова, нарочито снижая революционный характер полемики. Плеханов не выдержал и написал ему: «Почему я не имею права ругать этого господина (то есть К. Шмидта. — С. Ч.), который смеет поносить наших учителей, не поняв ни одного слова в их философии... Ах, дорогой Каутский, если бы был жив Энгельс, он не осудил бы меня за резкость» (т. V, стр. 284).

Протестуя против филистерства Каутско-

¹ «Литературное наследие Г. В. Плеханова». Т. V, стр. 264.

² «Нужно заставить их интересоваться ими. Это наука наук», — отвечает Плеханов.

го, Плеханов в письме Каутскому объясняет, почему необходимо повести решительную борьбу с неокантианством: «Философские» идеи господ Шмидта и Бернштейна являются именно теми неокантианскими идеями, против которых всегда боролся мой учитель» (т. V, стр. 261). В тот же день он пишет Л. П. Аксельрод, с которой он делился своими литературными планами: «Итак, война! Война! Vive le materialisme!» (письмо от 20 мая 1898 года).

1898—1899 годы заполнены литературной полемикой Плеханова против «критиков». V том «Литературного наследия» содержит интереснейшие материалы и документы, относящиеся к этой борьбе. Еще в 1894—1895 годах Плеханов выступил против ревизионизма со стороны германских социал-демократов П. Вейзенгруна и П. Эрнста, пытавшихся «поправить» Маркса Кантом (интересно отметить, что Эрнст впоследствии перешел в лагерь фашизма). Однако статья Плеханова, направленные против этих ревизионистов, только теперь опубликованы в V томе «Литературного наследия», так как, посланные в свое время в «Vorwärts», они не были напечатаны.

Решительное и резкое выступление Плеханова против Бернштейна начинается после опубликования его статей в №№ 34 и 39 «Neue Zeit» за 1898 год, в которых Бернштейн подверг критике марксизм по всей линии. В «Neue Zeit» (№ 44 за 1898 год) в ответ на это появляется статья Плеханова «Бернштейн и материализм», затем, в «Sächsische Arbeiterzeitung» (30 октября и 2—3 ноября 1898 года), — статья «За что нам его благодарить» (открытое письмо К. Каутскому), и, наконец, в 1901 году в № 2—3 журнала «Заря» — «Сант против Канта». В это же время Плеханов опубликовал в «Neue Zeit» статьи, направленные против К. Шмидта: «Конрад Шмидт против Карла Маркса и Фридриха Энгельса», «Материализм или кантианизм», «Еще раз материализм». Эти статьи имеются в собрании сочинений Г. В. Плеханова (т. XI). Однако только материалы V тома «Литературного наследия» дают представление о том, какие препятствия приходилось преодолевать Плеханову, чтобы эти статьи увидели свет. Статью «За что нам его благодарить» пришлось поместить с большими трудностями в «Sächsische Arbeiterzeitung» вследствие отказа «Neue Zeit» печатать ее (зато Бернштейну страницы «Neue Zeit» предоставлялись безотказно). Статья «Сант против Канта» так и не была принята ни одним европейским органом социалистической печати и смогла появиться только в 1901 году в «Заре».

В архиве Плеханова имеются три вари-

«Критических заметок» способен правильно понимать автора «Капитала». Теперь оказывается, что мы ошиблись в обоих случаях»¹.

В теоретическом отношении ошибка Плеханова — на что вполне правильно указывают и редакторы V тома — заключалась в том, что он взял под свою защиту от извращений со стороны Бернштейна не только Маркса, но и Канта, договорившись до признания его «вещи в себе».

В его полемике непомерно много формальной логики и доказательств невежества противников, но при этом отсутствует марксистское разоблачение классовых тенденций ревизионизма (проникновение мелкобуржуазных элементов в рабочее движение). Именно это обстоятельство и скрывало долгое время от германской социал-демократической массы опасность, грозившую революционному рабочему движению со стороны ревизионизма. Борясь против философского идеализма, Плеханов противопоставлял ему не диалектический материализм, а материализм вообще, чем он в значительной мере снизил научную ценность своих философских работ.

В V томе «Литературного наследия» опубликованы также и материалы, относящиеся к его статьям против русского махизма, против А. Богданова, — его три письма А. Богданову, напечатанные в разных местах и в разное время и объединенные впоследствии под общим заглавием «Materialismus militans».

Против махизма Плеханов выступил поздно и, по видимому, с небольшой охотой. Об этом говорит В. И. Ленин в письме А. М. Горькому от 24 марта 1908 года: «Плеханов в целом прав против них по существу, только не умеет или не хочет или ленится сказать это конкретно, обстоятельно, просто, без излишнего запугивания публики философскими тонкостями. И я во что бы то ни стало скажу это по-своему»². Ленин блестяще выполнил эту задачу в своей гениальной работе «Материализм и эмпириокритицизм», опубликованной в 1909 году. Ленин объясняет и причины нерешительности выступлений Плеханова против русского махизма. «Плеханов, — пишет Ленин, — в своих замечаниях против махизма не столько заботился об опровержении Маха, сколько о нанесении фракционного ущерба большевизму»³.

Начать с того, что свои первые две статьи против Богданова Плеханов поместил в «Голосе социал-демократа», органе

ликвидаторов, которые сочувствовали махизму, справедливо усматривая в последнем один из путей, способствующих разложению революционного марксизма. Ликвидаторы, не решаясь отказать Плеханову в помещении его статей, под видом «сокращений» (вспомним повеление Каутского в период борьбы Плеханова с Бернштейном) кромсали и «приглаживали» его статьи. В письме к П. Б. Аксельроду и А. С. Мартынову от 5 октября 1908 года Плеханов по этому поводу пишет: «Наконец, я берусь за перо, уничтожаю эту бестию, и теперь мне говорят: «надо сократить или отложить»... ни сокращать, ни откладывать не могу, теперь во мне говорит чувство охотника, от которого может уйти дичь... Богданов должен умереть сейчас и «sans phrases» (т. V, стр. 312). Однако его статьи «фельетонно-критического характера» неспособны были «умертвить» Богданова, то есть побороть махизм. Русский махизм потерпел смертельное поражение от ленинского «Материализма и эмпириокритицизма».

В V томе опубликован ряд отрывков статей и замечаний на «Эмпириокритицизм» Богданова. Плеханов принимается за изучение Маха, о чем свидетельствуют его многочисленные замечания и выписки из работ Маха «Анализ ощущений и отношение физического и психического», «Познание и заблуждение». Из этих замечаний и выписок можно видеть, что именно интересовало Плеханова: элементы идеализма, приближающие Маха к Беркли и Юму. «Не тела вызывают ощущение, а комплексы элементов (комплексы ощущений) образуют тела... все «тела» суть лишь логические символы для комплексов элементов «комплексов ощущений», — делает Плеханов выписку из Маха. Однако в материалах V тома нет указаний на то, что Плеханов ставил в какую-либо связь махизм с современным естествознанием, как это сделал Ленин в своем «Материализме и эмпириокритицизме». Плеханов не вскрыл в противоположность Ленину реакционного характера махизма, его связь с идеалистическими течениями в физике, а главное, не остановился на вопросе о партийности философии. «Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад»⁴, — говорит Ленин. Этому основному вопросу философии Плеханов не касается вообще во всех своих философских работах.

Вообще в полемике с махизмом Плеханов не проявлял никакой остроты. Об этом отчетливо говорится в «Кратком курсе истории ВКП(б)»: «Перед марксистами стояла неотложная задача — дать должную

¹ Г. В. Плеханов. Соч. Т. XI, стр. 154.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XXVIII, стр. 535.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. XIII, стр. 290.

⁴ Там же, стр. 292.

Dravel 27. XI. 98

mon cher Plehanov

Le gouvernement français publie tous les 5 ans, après le recensement de la population, un gros volume de vos données de chiffres sur le salaires mais je n'en conseil pas de vous y fier, car la plupart sont faussés.

Il y a d'autres chiffres positifs d'une grande valeur montrant la progression croissante de l'alcoolisme, des crimes et délits et de recrudescence que nous nous souvenons de preuves irréfutables de l'accroissement du malaise social.

Les statistiques anglaises des indigents secourus par la charité publique est surtout caractéristique, on doit pour voir en relief toute leur importance les comparer aux chiffres de l'émigration: lorsque, celle-ci dépasse le tiers plus de la population le nombre de pauvres secourus.

l'année de même diminue, ce qui prouve que les malheureux malgré leur épouvantable dépression ne cessent pas de la moindre chance pour travailler et cessent de rendre leur pain.

Le prix de vivre et de loyer a été en augmentation, mais l'insécurité de celui du pain qui est constant au contraire à diminuer et celui de vêtements qui a diminué à mesure que la qualité de vêtements de travail.

On n'a pas besoin de statistiques, auxquelles on fait dire ce qu'on veut, comme les constructions du grand édifice social, pour prouver le Croquis de

Первая страница письма П. Зафарга к Г. В. Плеханову от 27 ноября 1898 года.

ответь этим перерожденцам в области теории марксизма, сорвать с них маску, разоблачить их до конца и отстоять, таким образом, теоретические основы марксистской партии.

Можно было рассчитывать, что за выполнение этой задачи возьмутся Плеханов и его меньшевистские друзья, считавшие себя «известными теоретиками марксизма». Но они предпочли отписаться парой незначительных статей фельетонно-критического характера и потом уйти в кусты.

Эту задачу выполнил Ленин в своей знаменитой книге «Материализм и эмпириокритицизм», вышедшей в свет в 1909 году»¹.

Восставший Плеханов показан в I и IV томах «Литературного наследия», в ко-

торых опубликованы материалы, относящиеся к 80-м и первой половине 90-х годов, к периоду его решительной борьбы с народничеством. В I томе опубликована впервые IV глава статьи Плеханова «Ф. Лассаль», три главы которой были напечатаны в сборнике «Социал-демократ». Долгое время эта статья считалась незаконченной. Благодаря энергичным поискам «Дома Плеханова» IV глава была обнаружена в польском социалистическом журнале «Przegląd społeczny» («Социальное обозрение»), где она была напечатана в 1886 году. Обращает на себя внимание один очень интересный факт. Говоря об ошибках Лассаля и о его утопическом требовании государственной помощи производительным ассоциациям, Плеханов пишет: «Никто из современных нам социал-демократов не придает большого значения его проекту организации производительных

¹ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 97—98.

товарищество»—и снабжает это заявление таким замечанием: «В одном из своих писем к Ролбертуеу Лассаль, называя себя коммунистом, объясняет, что проект производительных ассоциаций был ему нужен как агитационное средство» (т. I, стр. 71). Таким образом, отношение Плеханова к производительным товариществам было определенно отрицательным в 1886 году. И все же несмотря на это Плеханов считал возможным это чисто народническое требование внести и во вторую программу группы «Освобождение труда», опубликованную в 1887 году.

Статья Плеханова о Лассале поучительна в том отношении, что она показывает, насколько он в 1905—1917 годах далеко ушел от революционного марксизма.

Опубликованные в этом же, I томе записные книжки Плеханова за 1880—1881 годы и планы рефератов 1882—1884 годов знакомят нас с «переходным периодом» от народничества к марксизму и с первыми этапами борьбы Плеханова за идеи марксизма. Знаменательна его записка, показывающая переломные настроения чернопеределельна Плеханова: «С одной стороны община продолжает еще служить главным типом поземельных отношений в крестьянстве; земледельцы до сих пор продолжают составлять главную отрасль русского производства; а с другой—в эту общину капитализм стал уже запускать свои когти... Во многих общинах происходит распадение ее на два класса: кулаков и «неправильных мужиков», с одной стороны, и безземельных пролетариев с другой» (т. I, стр. 206—207).

Из планов рефератов, читанных Плехановым в 1882—1884 годах, мы видим, какую большую работу проделал Плеханов по распространению марксистских идей среди своих соотечественников за рубежом.

В 1894—1895 годы Плеханов усиленно готовится свои работы, направленные против либерального народничества и впоследствии вышедшие под заголовками «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и «Обоснование народничества в трудах В. В.». Первая из этих работ, как известно, сыграла выдающуюся роль в истории развития марксизма в России; это одна из тех книг, на которых учились русские марксисты. IV том «Литературного наследия» вводит нас в плехановскую лабораторию, где готовились эти работы.

Опубликованию этих работ (вышли в 1895 и 1896 годах) предшествовал ряд рефератов за границей по теории Маркса и о судьбах капитализма в России, о чем свидетельствуют планы этих рефератов (т. IV). В это время Плеханов решил написать теоретическую работу по философии марксиз-

ма, работу, которая должна была вместе с тем разоблачить теоретическую несостоятельность и реакционность пресловутого народнического «субъективного метода в социологии».

Появление в январской и февральской книжках за 1894 год народнического «Русского богатства» статей Н. К. Михайловского, направленных против «русских учеников» (то есть против марксистов), заставило Плеханова ускорить выход его «Монистического взгляда».

IV том «Литературного наследия» раскрывает перед нами процесс подготовки этой работы. Вначале предполагалось издать ее за границей, нелегально, как вторую часть «Наших разногласий». В таком же порядке, как 3-ю часть, предполагалось издать и работу, направленную против В. В. (для этой цели среди эмигрантов, сочувствовавших социал-демократам, собирались средства). При содействии А. П. Потресова удалось обе работы издать легально.

В IV томе опубликованы впервые варианты этих работ, заметки и несколько статей, ранее не опубликованных, как «Странное недоразумение», «Маленькое недоразумение», «Об экономическом факторе», «Опять об экономическом материализме», вариант известного «открытого письма» В. А. Гольцеву. Материалы эти представляют громадный интерес в том отношении, что знакомят нас как с подготовительной работой Плеханова, так и с литературными отзвуками, которые были вызваны появлением в свет «Монистического взгляда».

Сейчас трудно себе представить, какое сильное впечатление произвела работа Плеханова среди русских марксистов. «Монистический взгляд» дал острое оружие в руки марксистов в их борьбе против народничества и прочную теоретическую опору в работе русской социал-демократии—в этом смысле эта работа Плеханова составляет крупнейшее событие в истории развития марксистской мысли в России. В народническом лагере она произвела настоящий переполох. Однако надо отметить и серьезные недостатки плехановских работ против либерального народничества. Наряду с правильным, а порой и блестящим теоретическим обоснованием марксистской философии Плеханов не делает основного—не разоблачает кулацкой, классовой сущности либерального народничества. Это сделал только В. И. Ленин в своей блестящей работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»

Г. В. Плеханов является выдающимся марксистским искусствоведам и литературоведом.

Работам Плеханова в области истории искусства и литературы и литературной критики посвящены III том («Искусство») и последний, VI том («Литература») «Литературного наследия».

Первые статьи Плеханова об искусстве были напечатаны под заглавием «Письма без адреса» в 1898—1899 годах в журналах «Начало» и «Научное обозрение». Таких «писем» было напечатано три. В III томе «Литературного наследия» опубликованы впервые 4, 5 и 6-е «Письма без адреса». Интересен тот факт, что полемика с ревизионистами, которая отнимала у Плеханова много времени, не помешала ему в то же время усиленно заниматься вопросами искусства. Этот факт, на первый взгляд кажущийся странным, объясняется тем громадным значением, которое придавал Плеханов вопросам искусства с точки зрения материалистического понимания истории. Об этом свидетельствуют высказывания Плеханова в его «Письмах без адреса» и его замечания в конспектах лекций и рефератов об искусстве.

Противники исторического материализма пытались опровергнуть учение Маркса ссылками на наиболее «тонкие» области идеологии, как искусство, которое, по их мнению, нельзя объяснить материалистически. Плеханов основательно принялся за изучение истории искусств и первобытной культуры, чтобы подвести материалистический фундамент под эту, самую «тонкую» ветвь идеологии. Приведем некоторые замечания Плеханова из материалов III тома: «В самом деле, если верен материалистический взгляд на историю вообще, то верен в частности и материалистический взгляд на искусство» (т. III, стр. 61). В одном из конспектов лекций он записывает: «Философия истории нашего времени—материалистическое объяснение истории. Разрабатывать его—значит углублять ту теорию, которая ближе всего подходит к нашей практике. Но тут важнее всего объяснить идеологию. Что политика вытекает из экономики—это понятнее. А вот объясни религию, философию, искусство. Это я и постараюсь сделать» (т. III, стр. 85). Там же: «Объяснить с нашей материалистической точки зрения развитие искусства, религии, философии и прочих идеологий значит дать новое и сильное подтверждение материализма в его применении к истории» (т. III, стр. 90).

Работы Плеханова по вопросам искусства проникнуты этим духом материализма. В ряде замечаний он раскрывает свое понимание классового объяснения искусства: «Классовое искусство выражает то, что считается хорошим и важным в том классе, который его создал. Это сознание и здесь не есть религиозное сознание. Оно

определяется не непосредственно эконимпкой, а теми общественными отношениями, которые выросли на почве экономики. Эти отношения определяют психологию» (т. III, стр. 69). Еще точнее и конкретнее Плеханов эту же мысль излагает в другом месте: «Художественная деятельность одна из самых отдаленных от экономики. Тем интереснее. Чтобы объяснить, надо помнить, что тут это объяснение дается собственно в последнем счете. Тут вот что: 1) состояние производительных сил, 2) экономия, 3) социальный строй, 4) психология, 5) идеология» (т. III, стр. 88).

Плеханов следует этим принципам и в оценке современного искусства, которым он очень интересовался. В материалах, опубликованных в III томе «Литературного наследия», имеются записные книжки Плеханова, в которых он делал замечания по поводу картин на ряде художественных выставок 1905—1912 годов. Впечатления Плеханова от художественных выставок послужили отчасти материалом для его статей, напечатанных в свое время в московском журнале «Правда» (1905 год) — «Пролетарское движение и буржуазное искусство» и в журнале «Современный мир» (1912—1913 год) — «Искусство и общественная жизнь».

В этих замечаниях Плеханов, тонкий знаток искусства, выступает как резкий противник упадочных форм живописи (кубизм, символизм, импрессионизм), справедливо усматривая в них выражение разложения капитализма и культурного распада буржуазии. В своей статье «Искусство и общественная жизнь» Плеханов обобщает свои наблюдения в следующих словах: «Я не говорю: современные художники **должны** вдохновляться освободительными стремлениями пролетариата. Нет, если яблоня **должна** родить яблоки, а грушевое дерево приносить груши, то художники, стоящие на точке зрения буржуазии, **должны** восставать против указанных стремлений. Искусство времен упадка **должно** быть упадочным. Это неизбежно»¹.

В своих статьях об искусстве Плеханов выступает как защитник реалистического искусства, доказывая на ряде исторических примеров, что именно реалистическое искусство всегда было выражением общественного подъема, искусством поднимающегося класса. Яркий противник формализма в искусстве, он утверждал, что пролетарское искусство не может не быть реалистическим. В своей полемике с А. В. Луначарским, в те годы занимавшимся

¹ Г. В. Плеханов. Соч. Т. XIV, стр. 178.

богостроительством, Плеханов стоял на правильных, марксистских позициях.

Как выдающийся марксистский литературовед, литературный критик и историк русской культуры, Плеханов выступает в последнем, VI томе «Литературного наследия», в котором опубликованы подготовительные материалы и отрывки первоначальных редакций, варианты, заметки на полях и обложках книг, планы рефератов, относящиеся к его историко-литературным и литературно-критическим работам. По преимуществу эти работы относятся к 1909—1912 годам, за исключением некоторых работ о Н. Г. Чернышевском, над которыми Плеханов начал работать с конца 80-х годов. В свое время эти работы были напечатаны в разных журналах и вошли в собрание сочинений Плеханова (см. тт. V, VI, X, XXI, XXII, XXIII, XXIV).

Центральное место в VI томе занимают труды Плеханова о Герцене, Толстом, Белинском, Чернышевском и Добролюбова, над которыми он работал в 1909—1912 годах. Опубликованные материалы выясняют вопрос, почему именно в эти годы Плеханов усиленно занялся литературно-критической работой и в центре работ поставил этих выдающихся деятелей умственного движения в России. Работы эти, по сути дела, были направлены против «вехистов», которые, благословляя самодержавие за то, что оно спасло русскую интеллигенцию (то есть буржуазию) от народного гнева, отрекались от Белинского, Чернышевского, Добролюбова и проклинали их как распространителей революционных идей в России. Исключение «вехисты» делали для Герцена, которого они (Гершензон, Струве) пытались изобразить сторонником «непротivления злу насилем», толстовцем. В связи с 80-летним юбилеем (1908 год) и смертью Толстого (1910 год) «вехисты» стали усиленно проповедывать идеи «непротivления» Толстого. Против этих попыток и литературного распада, отражавшего разложение буржуазной интеллигенции того времени, выступил Плеханов.

Материалы VI тома «Литературного наследия» содержат планы лекций и рефератов, отрывки, замечания на полях книг, первоначальные редакции статей. Плеханов решительно отвергает попытки «произвести» Герцена в толстовцы. В плане лекций «Толстой и Герцен», читанных в Париже в 1912 году, он отмечает, что оба они за «усовершенствование отдельных личностей», но «разница в средствах». Герцен — за «общественное переустройство», Толстой — «за игнорирование общественного переустройства и за соблюдение евангельских заповедей». Герцен — сторонник мирных средств, но «не отка-

зывается и от революционных». «Почему же аплодируют ему (Толстому)? — спрашивает Плеханов и отвечает: — Частью по незнанию, частью потому, что многие не хотят противиться злу насилем» (т. VI, стр. 17).

Мы знакомы со взглядами Плеханова на Герцена, Чернышевского, Белинского, Добролюбова по статьям, опубликованным в его собрании сочинений. В общем материалы VI тома ничего нового не раскрывают в этом отношении, разве в оценке Н. Г. Чернышевского, у которого Плеханов в конце 80-х годов старался подчеркивать народнические элементы; позднее он указывал, что Чернышевский приближался к истокам марксизма. Плехановская оценка просветителей как социалистов-утопистов, как людей, не сумевших полностью освободиться от философского идеализма, хотя и полонедших к материализму, в общем правильна, но недостаточна. Анализируя взгляды Герцена, Чернышевского, Добролюбова с философской точки зрения (идеализм — материализм), Плеханов в противоположность Ленину не дал классовой, марксистской характеристики этих взглядов — и в этом основная ошибка всей его методологии.

Например Плеханов пишет на полях сочинения Герцена: «Вся умственная драма Герцена в том, что он хотел избавиться от идеализма и не мог. Та же драма, что у Белинского и под тем же влиянием» (т. VI, стр. 96). В. И. Ленин же дает классовое определение этой «духовной драмы» Герцена: «Духовная драма Герцена была порождением и отражением той всемирно исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии уже умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата еще не созрела»¹.

Плеханов: «Когда Герцен принимается за критику материализма, он рассуждает как идеалист». В. И. Ленин: «Первое из «Писем об изучении природы», — «Эмпирия и идеализм», — написанное в 1844 году, показывает нам мыслителя, который, даже теперь, головой выше безлбы современных естествоиспытателей-эмпириков и тьмы тем нынешних философов, идеалистов и полуйдеалистов. Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом»².

Гасаясь социально-политических взглядов Герцена, Плеханов замечает: «Очень ошибаются те, которые относят его (Герцена) к либералам» — и доказывает это тем, что «он был социалистом со студенческой скамьи и до конца своей жизни». Но

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XV, стр. 465.

² Там же, стр. 464—465.

Весь известно, что утопический социализм вполне совместим и с либерализмом, так что это «доказательство» Плеханова ничего не доказывает. В. И. Ленин, утверждая, что в «социалистических» взглядах Герцена «нет ни грама социализма», находит в публицистической деятельности Герцена «отступления от демократизма к либерализму». «Однако,— добавляет Ленин,— справедливость требует сказать, что при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх»¹. И дальше: «Он боролся за победу народа над царизмом, а не за сделку либеральной буржуазии с помещичьим царем. Он поднял знамя революции»².

В. И. Ленин вскрывает общее «слабое место» Плеханова, когда говорит: «Из-за теоретического различия идеалистического и материалистического взгляда на историю Плеханов просмотрел практически-политическое и классовое различие либерала и демократа»³. Этот дефект сказан и в оценке Плехановым Чернышевского и Толстого. В материалах, опубликованных в I и VI томах «Литературного наследия», Чернышевский показан Плехановым как социалист-утопист, как «главный распространитель у нас социальных идей: критик буржуазных учений и проповедник социализма» (т. I, стр. 125). Но Плеханов очень мало останавливается на характеристике Чернышевского как революционером и демократом: «...Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел вникать на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»⁴.

То же случилось с Плехановым и в его оценке творчества Толстого. Подвергнув критике социально-политические взгляды Толстого и справедливо признав их реакционными и враждебными делу пролетариата, Плеханов, однако, впадает в ряд ошибок. Так, Толстого он объявляет «Гомером дворянского быта», а толстовский принцип «Насилие — зло» объясняет тем, что «Толстой — сам барин».

Поверхностность этих суждений Плеханова становится особенно ясной в свете взглядов В. И. Ленина на творчество Толстого: «Пессимизм, непротивленство, апелляция к «Духу» есть идеология, неизбежно появляющаяся в такую эпоху, когда

весь старый строй «переворотился», и когда масса, воспитанная в этом старом строе... не видит и не может видеть, как в «укладывающийся» новый строй, как и те общественные силы и как именно его «укладывают», какие общественные силы способны принести избавление от неисчислимых, особенно острых бедствий, свойственных эпохам «ломки»⁵. Крестьянство с его распадающимся патриархальным укладом, вызванным крестьянской реформой,— вот классовая основа толстовства. Этого Плеханов не понял, а потому при изучении его литературно-критических трудов необходимо внести существенные поправки.

В VI томе «Литературного наследия» опубликованы также и подготовительные материалы к его статьям о Кантемире, Ломоносове, Фонвизине и Радищеве, в свое время опубликованным и вошедшим в его «Историю русской общественной мысли», а также к статьям о Некрасове и беллетристах-народниках. Нельзя согласиться с мнением Плеханова о творчестве Некрасова, поэтические способности которого он оценивал крайне низко, давая положительную оценку лишь общественно-политическим тенденциям стихотворений Некрасова. Так Плеханов по-барски расправляется с поэтом, который всегда пользовался популярностью и любовью широких масс русского народа.

В VI томе получил также отражение интерес Плеханова к современной ему литературе — русской и иностранной. Опубликованы материалы к его статьям о «Жизни человека» Л. Андреева, о падевшем в свое время переполох среди эсеров романе Роншина (Савинкова) «То, чего не было», об «Истории французской литературы XIX века» Лансона, об Ибсене, о Зудермане. Все эти работы Плеханова, как и все литературно-критические работы Плеханова, представляют громадный интерес для советских литературоведов. Некоторым литературоведам, например, не мешает познакомиться со следующими словами Плеханова из его рецензии на книгу Лансона: «Лишь с точки зрения экономического (т. е. правильного диалектического) материализма и возможно действительно научное объяснение духовной истории человечества. Но такое объяснение, как и всякое другое научное объяснение, предполагает внимательное изучение фактов, хорошее знакомство с действительностью. Диалектический материализм больше всякой другой философской системы пострадал бы от догматического к нему отношения,

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XV, стр. 468.

² Там же, стр. 467.

³ Ленинский сборник XXV, стр. 231.

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. XV, стр. 144.

⁵ Там же, стр. 102.

так как догматизм есть злейший враг диалектики» (т. VI).

Работа «Дома Плеханова» по обработке и публикации архива Г. В. Плеханова имеет большое значение, так как Плеханов являлся выдающимся пропагандистом марксизма несмотря на ряд существенных ошибок в вопросах теории марксизма и позднейшие крупнейшие меньшевистские ошибки автора. Плеханов — одно из крупных явлений русской культуры. «Есть великорусская культура Пуршкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова»¹, — говорил Ленин.

Редакция «Литературного наследия» хорошо делает, что снабжает публикуемые материалы тщательно составленными примечаниями. Следует считать также удачным тематическое распределение материала (начиная со II т.), что в значительной мере облегчает пользование им.

«Против исторической концепции М. Н. Покровского». Сборник статей. Ч. 1-я. Редакционная коллегия: акад. Б. Греков, С. Бушуев, В. Лебелев, А. Споров, А. Шестаков и Ем. Ярославский. Изд. Академии наук СССР. 517 стр. 1939.

Советское правительство, партия большевиков и лично товарищ Сталин не раз призывали советских историков покончить с теоретической отсталостью и слабостью своих кадров, вскрыли причины, мешающие преодолеть эту отсталость, очистить историческую науку от вульгаризаторства и упрощенчества, от извращений теории марксизма-ленинизма.

В постановлении ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 26 января 1936 года указывалось, что «среди некоторой части наших историков, особенно историков СССР, укоренились антимарксистские, антиленинские, по сути дела ликвидаторские, антинаучные взгляды на историческую науку. Совнарком и ЦК ВКП(б), — говорится далее в решении, — подчеркивают, что эти вредные тенденции и попытки ликвидации истории как науки связаны в первую очередь с распространением среди некоторых

наших историков ошибочных исторических взглядов, свойственных так называемой «исторической школе Покровского». Совнарком и ЦК указывают, что задача преодоления этих вредных взглядов является необходимой предпосылкой как для составления учебников по истории, так и для развития марксистско-ленинской исторической науки и под'ема исторического образования в СССР, имеющих важнейшее значение для дела нашего государства, нашей партии и для обучения подрастающего поколения.»

В постановлении ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 года «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» вновь указывалось, что «в исторической науке до последнего времени антимарксистские извращения и вульгаризаторство были связаны с так называемой «школой» Покровского, которая толковала исторические факты извращенно, вопреки историческому материализму освещала их с точки зрения сегодняшнего дня, а не с точки зрения тех условий, в обстановке которых протекали исторические события, и, тем самым, искажала действительную историю».

Запозданное, допущенное советскими историками в деле разгрома «школы» Покровского, способствовало отставанию исторической науки, мешало ликвидации последствий вредительства на историческом фронте. Скорейшая ликвидация и преодоление антиленинской, вредной концепции Покровского, ее марксистско-ленинская критика являются неотложной задачей советских историков. Первая серьезная попытка в разрешении этой задачи сделана Институтом истории Академии наук СССР, издавшим сборник «Против исторической концепции М. Н. Покровского».

* * *

Первая статья сборника — «Развитие исторических взглядов М. Н. Покровского» — принадлежит А. Панкратовой. Самая тема статьи делает ее программной для сборника, в котором остальные статьи посвящены критике взглядов Покровского по отдельным проблемам русской истории.

В своей статье А. Панкратова излагает развитие исторических взглядов Покровского в тесной связи с эволюцией его философских взглядов и политических позиций начиная с 90-х годов прошлого века.

«В начале 90-х годов, — пишет Панкратова, — М. Н. Покровский был типичным представителем буржуазной интеллигенции с идеалистическим мифопоиманием, с буржуазно-либеральными политическими идеями» (стр. 11).

Покровский в это время находился це-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XVII, стр. 143.

ликом под влиянием буржуазных профессоров Ключевского, Виноградова и др.

Когда развернулась борьба марксистов с народниками и в России широко распространился марксизм, буржуазные интеллигенты начали рядиться в марксистские одежды. Появились «легальные марксисты», пытавшиеся подчинить рабочее движение интересам буржуазии, использовать в этих целях марксизм. Покровский, подобно многим буржуазным интеллигентам, воспринял «экономический материализм» — методологию «легальных марксистов», оказавшую решающее влияние на всю его дальнейшую деятельность.

Работы Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Развитие капитализма в России» и другие открыли новый, марксистский этап в русской исторической науке, но Покровский с его мировоззрением, сочетавшим «экономический материализм» и идеализм, не смог понять ни тогда, ни позже ленинской концепции истории России.

Революция 1905 года произвела некоторую поляризацию среди либеральной и радикальной интеллигенции. Покровский, как многие другие демократы, увлеченные решительностью борьбы пролетариата за демократию, примкнул к большевикам, оставаясь на теоретических («экономический материализм»), а иногда и политических позициях мелкобуржуазного попутчика. Естественно, что поражение революции обескуражило Покровского, который не понял всей глубины классовой борьбы пролетариата, и он отошел от большевизма и марксизма. Покровский сблизился с Богдановым, восприняв его махистскую философию, методологию и общественно-историческую концепцию. Под влиянием этой философии, отрицавшей объективную истину, Покровский пришел к отрицанию объективности исторической науки. Его исторические труды того времени отражают сильнейшее влияние богдановщины. Политическим выражением всех этих теоретических и философских ошибок была антимарксистская, антиленинская деятельность Покровского, который был активным бойкотистом — «отзовистом», — а затем «впередовцем».

В своей борьбе против ленинизма Покровский доходил до совместных выступлений с заклятым врагом рабочего класса, тогда пособником ликвидаторов — Троцким.

В годы империалистической войны Покровский оставался на позициях, чуждых ленинизму. В 1917 году он вернулся в ряды большевистской партии, однако его приход к большевикам отнюдь не сопровождался у него переломом в области теоретической; антиленинская сущность его

взглядов давала себя знать и в дальнейшем.

Не случайно поэтому Покровский оказался в 1918 году участником преступной группы «левых коммунистов», возглавлявшейся врагом народа Бухариным. Позже, отойдя от «левых коммунистов», Покровский выступал против троцкизма, однако он так и не понял всей контрреволюционной сущности троцкизма.

Тот факт, что Покровский не был подлинным марксистом-ленинцем, явился определяющим в развитии его антиисторических взглядов. Если Покровский и критиковал буржуазные исторические теории, то не с позиций марксизма-ленинизма: его осуждение классовой борьбы в русской истории было далеко от марксизма.

Концепция русского исторического процесса, наиболее выпукло изложенная Покровским в пятитомнике «Русская история с древнейших времен», доказывает полное пренебрежение с его стороны к работам Маркса, Энгельса и Ленина. Теория «торгового капитализма», выдвинутая и отстаиваемая Покровским, ярко подтверждает это и свидетельствует о непрекращающемся влиянии богдановской философии и методологии на Покровского. В то же время эта «теория» выявила и сохранившееся влияние открыто буржуазных исторических концепций. Не случайно контрреволюционные троцкисты — ученики «школы» Покровского — использовали для своей разрушительной, подрывной работы на историческом фронте именно эту «теорию».

Периодизация русской истории, предлагаемая Покровским, ярко иллюстрирует, насколько он далек был от действительной, марксистской исторической науки: он совершенно не понял учения Маркса — Ленина об общественно-экономических формациях, составляющего одно из величайших завоеваний марксистской науки.

Таковы итоги, подведенные А. Панкратовой, дающие общую картину политических и теоретических воззрений Покровского, разоблачающие их антиленинскую сущность.

Отступления Покровского от исторического материализма, полмена марксистского, диалектического материализма мертвой схемой «экономического материализма» Струве — Богданова превратили Покровского в эклектика, беспомощно мечущегося от одного объяснения явлений к другому. Нет буквально ни одной проблемы истории СССР, которая была бы правильно решена Покровским, и нет ни одной проблемы, по которой бы не было у Покровского противоречивых суждений.

Историю Киевской Руси, например, Покровский трактовал то как бесклассовое общество, то как рабовладельческое, то как

общество, где господствует торговый капитал.

Критике этих взглядов Покровского посвящена имеющая большой научный и политический интерес вторая статья сборника—статья академика Грекова «Киевская Русь и проблема происхождения русского феодализма» у М. Н. Покровского».

Автор статьи критикует «упразднение» М. Н. Покровским «империи Рюриковичей». Отрицание Покровским государственного образования на заре нашей истории, повлиявшего на мировую историю и оставившего глубокую память в народе (былинный эпос), имело в основе своей методологическую ошибку, заключающуюся в непонимании сущности государства как классовой организации. Покровский, отбывая дань буржуазной историографии, относил появление классов и государства на Руси к XVI веку. Поэтому, говоря о более раннем периоде, о Киевской Руси, Покровский принужден был измышлять всякие надуманные схемы, которые смогли бы заменить представление о государстве в Киевский период («некоторое целое», «военно-торговая ассоциация», «феодално-земледельческая федерация» и т. д.); путаница получилась невообразимая.

Акад. Греков указывает на подмену Покровским общины-марки на Руси пресловутыми «печищами» и «дворищами». Игнорируя наличие общины-марки в древней Руси, Покровский, естественно, пришел к неправильному пониманию древнейшей истории русской деревни.

Показав бессилие Покровского понять пути развития древней Руси, Греков доказывает всю несостоятельность его трактовки истории Киевской Руси как господства «городской Руси» (заимствовано у Ключевского, причем Покровский пошел даже дальше Ключевского, доведя его положение до абсурда) над «деревенской», господство которой было якобы уничтожено татарским нашествием.

Процесс феодализации древней Руси, как и везде, шел на основе изменений земельных отношений, но так как Русь в этот период была для Покровского «городской», то он уделял очень небольшое внимание развитию деревни. Сбивчивость и противоречивость во взглядах на этот вопрос приводили Покровского к противопоставлению русского исторического процесса европейскому.

Естественно, что непонимание сущности и путей феодализации привело Покровского к неправильным представлениям о политическом строе Киевской Руси. Греков с большой убедительностью показывает ошибочность взглядов Покровского на роль князя и вече. Покровский не понял классового значения князя: князь для него —

лишь «наемный сторож, вотчинник в деревне». Вкорме неправильно поставлен им и вопрос о вече. Б. Греков, как он сам указывает, не пытается разрешить вопрос о вече (этот вопрос, как он говорит, «едва ли не самый сложный в истории древней России»), но он с всей силой подчеркивает, что вопрос о вече имеет свою историю, что ее надо изучать, а «не отказываться разыскивать для вече XII в. «отдельных предков», как это делает Покровский» (стр. 106).

Статья заканчивается критикой «теории» Покровского об «упадке» городской Руси и ее «перегнивании» в деревенскую. У Покровского нет Киевского государства, а потому нет и его распада, т. е. перехода к периоду феодальной раздробленности: этот процесс у него заменен неопределенным «перегниванием», «упадком» городской Руси.

Автор статьи опровергает утверждения Покровского об исключительном влиянии внешних причин (перенос торговых путей, кочевники) в изменениях, происшедших на Руси в XI—XII веках. Изменения в соотношении классов, изменения форм эксплуатации (докапиталистическая рента)—все это выпадает из поля зрения Покровского. Подводя итоги, акад. Греков пишет: «Теория Покровского о «городской Руси и перегнивании ее в деревенскую», созданная им взамен истории возникновения, созревания и распада «империи Рюриковичей», обнаруживает свою несостоятельность во всех своих частях—как начальной, так и завершающей» (стр. 115).

Акад. Греков умело сосредоточил свою критику на основных положениях Покровского, попутно указывая и на «случайные» утверждения и непоследовательность во взглядах. Очень отчетливо выступает методологическая зависимость Покровского от буржуазной науки (Ключевский, Павлов-Сильванский, юридическая школа и т. д.) и его пренебрежение к высказываниям Маркса, Энгельса, Ленина.

Оставаясь на враждебных марксизму-ленинизму позициях «экономического материализма», Покровский не в состоянии был установить и вскрыть внутреннюю связь явлений и занимался произвольным конструированием этой связи, привнесением ее откуда-то извне. Такой всеобщей связью, объясняющей все проблемы истории СССР с древнейших времен до 1917 года, Покровский считал торговый капитал. Теория торгового капитала была для него универсальной отмычкой при решении всех проблем. В угоду этой своей «теории» он извратил всю экономическую историю России. А так как теория торгового капитала—по сути своей буржуазная теория, то Покровский при решении проблем экономи-

ческой истории находится в плену у буржуазных экономистов-историков. Это наглядно показывают статьи С. Бахрушина «Феодальный порядок» в понимании М. И. Покровского», К. Базилевича «Торговый капитализм» и генезис московского самодержавия в работах М. И. Покровского», И. Дружинина «Разложение феодально-крепостнической системы в изображении М. И. Покровского» и Е. Мороховца «Крестьянская реформа 1861 года в освещении М. И. Покровского».

Изложив точку зрения М. И. Покровского на «феодальный порядок», С. Бахрушин совершенно правильно указывает, что Покровский игнорировал учение классиков марксизма-ленинизма о феодализме вообще и русском феодализме в частности. Критикуя концепцию Покровского, автор статьи попутно рисует процесс образования феодальных порядков на Руси, дает отчетливое представление о феодализме как об определенной общественно-экономической формации, об определенной форме производственных отношений. Свою аргументацию автор статьи подтверждает многочисленными высказываниями классиков марксизма-ленинизма.

Покровский далек от марксистского определения феодализма как способа производства и производственных отношений, он, как и В. Ключевский и ряд других буржуазных историков, подошел к определению феодализма с юридической точки зрения.

Покровский—как и Рожков—под феодализмом понимал только определенный политический институт, отличающийся от других общественно-экономических формаций своеобразными отношениями отдельных «землевладельцев-государей», наличием иерархии. Поэтому, по Покровскому, феодализм в России кончился в XVI веке вместе с исчезновением феодальной раздробленности. У Покровского выпал из поля зрения существенный признак феодального строя — эксплуатация, основанная на внеэкономическом принуждении крестьян к труду, на их закреплении. Полностью игнорируя марксистско-ленинское учение о феодализме, отказываясь от изучения «феодальных методов хозяйствования», Покровский сползал на типично идеалистические позиции. Находясь под влиянием буржуазного экономиста П. Струве, Покровский заимствовал у последнего теорию «перестройки аграрных отношений в связи с установлением крепостного права». Крепостничество, по Покровскому, принципиально отлично от феодальных отношений. Оно знаменует собой приход к власти якобы другого класса (среднего дворянства).

К. Базилевич в своей статье тщательно, шаг за шагом, на конкретно-историческом материале вскрывает всю несостоятельность и антимарксистскую сущность методологии Покровского, его схемы «торгового капитала» и взглядов на образование русского национального государства, а также на дальнейшее развитие московского самодержавия.

К. Базилевич противопоставляет путаным, эклектическим взглядам Покровского научную, марксистско-ленинскую концепцию возникновения русского централизованного государства, развитую товарищем Сталиным. Товарищ Сталин указывал, что необходимость обороны от татарского нашествия ускорила образование централизованных государств на Востоке Европы, что «интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия»¹. Это положение ничего общего не имеет с «теорией» Покровского о торговом капитале, породившем якобы русское централизованное государство, и с его представлением о самодержавии как о политической организации торгового капитала. Опровергая путаные мысли Покровского о якобы имевшей место в XVII веке «политической реставрации» в Московском государстве, К. Базилевич пишет:

«В действительности Московское государство XVII в. оставалось феодальным по своей социально-экономической основе и самодержавным по системе организации политической власти. Самодержавная феодально-крепостническая централизованная монархия выражала прежде всего интересы дворянства, образующего ее социальный базис. Самодержавная монархия была необходима и купечеству, так как устанавливала на всей большой территории государства единый политический порядок. Царская власть хотя и не была создана торговым капиталом, но усиленно поддерживала его интересы и его стремления к овладению внутренним рынком и к распространению внешних торговых связей» (стр. 178).

Не поняв сущности феодальных отношений, утверждая, что феодализм в России кончился якобы в XVI веке, Покровский не смог правильно решить и вопрос о разложении феодально-крепостнической системы. И. Дружинин и Е. Мороховец в статьях, посвященных этим вопросам, вскрывают методологические ошибки Покровского в разрешении этих вопросов. Покровский видел причины кризиса барщинного

¹ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 73. 1936.

хозяйства в условиях обмена, а не в условиях производства. Авторы статей на фактическом материале опровергают утверждения Покровского о будто бы имевшей место «революции хлебных цен», приведшей к отмене крепостного права. Обстоятельно и подробно Мороховец критикует взгляды Покровского на вопросы, связанные с крестьянской реформой.

Мороховец показывает, что такие коренные вопросы капиталистического развития, как разложение крестьянства и формирование внутреннего рынка, не нашли отражения в работах Покровского. Игнорируя процесс разложения крестьянства, ограничивая вопрос о капитализме в деревне пределами одного лишь помещичьего хозяйства, Покровский подобно Струве приходит к выводу о неизбежности для России «прусского» пути развития капитализма в деревне, в то время как Ленин считал, что перед Россией лежали тогда «два пути объективно-возможного буржуазного развития»: «пруссский» и «американский».

Ход крестьянских восстаний, являвшихся главным моментом политической обстановки, предшествовавшей реформе, у Покровского изображен неверно: следуя буржуазно-либеральной традиции, он утверждает, что крестьяне после опубликования рескриптов прекратили свою борьбу и спокойно ждали решения царя. Это находится в полном противоречии с фактами.

Покровский явно недооценивал реальное значение крестьянской борьбы в вопросе о реформе. С другой стороны, он переоценивал разногласия в среде помещиков по вопросу о реформе, не понимая того, что борьба помещичьих групп вокруг реформы шла лишь из-за степени решительности поворота русской деревни на «пруссский» путь капиталистического развития.

Мороховец показывает коренную разницу в оценке сущности реформы Лениным и Покровским. У Ленина это проводимая крепостниками буржуазная реформа, это «шаг по пути превращения России в буржуазную монархию». Покровский же занимает в этом вопросе нечеткую и противоречивую позицию. Буржуазное содержание реформы осталось для него неясным, поэтому он и не видел того значения, какое реформа имела для развития капитализма в России. Покровский утверждал, что реформа не только не способствовала развитию капитализма, но, наоборот, задерживала его развитие, что капитализм развивался в России не благодаря реформе, а вопреки ей.

В вопросах оценки экономических последствий реформы у Покровского, как отмечает Мороховец, «не меньшая путаница». Покровский не замечал разложения крестьянства, которое стало важнейшим

фактором капиталистического развития России, стало одним из коренных вопросов, по которым марксисты вели борьбу с народниками.

Путаность воззрений Покровского и антинародность его концепции особенно ярко выступают, когда он освещает борьбу русского народа против иностранных захватчиков. Здесь особенно вышло выявлялся основной порок его метода — рассматривать исторические факты с точки зрения сегодняшнего дня, а не с точки зрения тех условий, в которых они протекали.

Для Покровского, например, не существует борьбы русского народа против польских интервентов в начале XVII века. Авантюристов и польских агентов — обоих Лжедмитриев — он рассматривал не больше не меньше, как крестьянских царей.

Привлекая большой фактический материал, А. Савич в статье «Польская интервенция начала XVII в. в оценке М. Н. Покровского» показывает, что в так называемой «смуте» польская интервенция занимала центральное место. Он разоблачает лицемерие польских панов, стремившихся «оправдать» свою захватническую политику ссылкой на то, что, дескать, «сами люди Московского государства меж себя разруху чинят, а на нас пеняете» (стр. 179). На этой позиции оправдания интервенции стоял и Покровский. Автор статьи опровергает утверждение Покровского о том, что Лжедмитрий I был сначала поддержан русским населением южных областей и уже только после того, когда он стал «реальной силой», поляки обратили на него внимание. Факты говорят, что Лжедмитрий в качестве царевича «открылся» именно в Польше, у князей Вишневецких, что «польское правительство и шляхта не только зорко и внимательно следили за ходом развивавшейся самозванщины, но оказывались и главными виновниками ее» (стр. 188). Интервенты не только не использовали самозванца: они готовили его выступление. «Польша дала Лжедмитрию ядро его армии. Только при наличии этого ядра Лжедмитрий отважился перейти русскую границу» (стр. 195). Это ясная и совершенно правильная мысль, которую автор статьи и противопоставляет точке зрения Покровского, отрицавшего полностью всю важность борьбы русского народа против польской интервенции, за свою национальную независимость.

Оценивая роль и значение Минина и Пожарского в борьбе с интервентами, Савич правильно отмечает, что «в 1612 г. на защиту родины встал весь русский народ и что второе земское ополчение было делом не нижегородцев только, а движением всей Русской земли» (стр. 234).

Ошибочными и вредными являются вы-

сказывания Покровского и о войне 1812 года. В Пичета в статье «М. Н. Покровский о войне 1812 года» показывает, что Покровский не понял ленинской характеристики наполеоновских войн как завоевательных, грабительских. Не понял он также «необыкновенно сложную сеть сплетающихся империалистских¹ отношений с национально-освободительными движениями»², характерных для этих войн. Пичета показывает всю несостоятельность точки зрения Покровского, который считал, что виновницей войны 1812 года была Россия, а не Наполеон. Покровский аргументировал свои взгляды мемуарами самого захватчика Наполеона и его сподвижников. Он не видел, что Тильзитский мир ударял не только по интересам дворянства, а коверкал, тормозил развитие всего народного хозяйства России. Не поняв захватнического характера войны со стороны Наполеона, Покровский отрицал народный характер войны 1812 года, героизм и доблесть, проявленные народными массами, воодушевленными общенациональной борьбой против захватчиков. «Покровский, — пишет Пичета, — знает «великих и малых» маршалов Наполеона, но не хочет знать русских людей, в ходе войны показавших себя геройскими защитниками своей родины» (стр. 285). Покровский принижает чувство патриотизма, проявленное крестьянством в 1812 году. В оценке борьбы русского народа против польских панов в начале XVII века и против завоевателя Наполеона в 1812 году ярко сказалась антинародность концепции Покровского.

Извратив характер национально-освободительного движения русского народа против иноземных захватчиков, Покровский искажил также историю его революционного движения против своих угнетателей внутри страны. Критике этих извращений посвящены статьи М. Печкиной «Восстания Разина и Пугачева в концепции М. Н. Покровского», «Восстание декабристов в концепции М. Н. Покровского» и статья Д. Баевского «Народничество в освещении М. Н. Покровского».

М. Печкина показывает, как теория пресловутого «торгового капитализма» приводит Покровского к неверному пониманию процессов классовой борьбы в крепостной России. В своей «Русской истории с древнейших времен» Покровский, находясь в плену идеалистической концепции Кляу-

чевского, нп слова не говорит о восстании Степана Разина, воспетого народом в песнях.

Покровскому чужда марксистская оценка крестьянских восстаний как стихийных восстаний угнетенного крестьянства против крепостников-помещиков. В угоду своей искусственной схеме Покровский, как правильно отмечает М. Печкина, не останавливается перед явной фальсификацией фактов, отрицая, например, рост крепостнического гнета в XVII веке и доказывая «подъем» крестьянского хозяйства центральных областей. Это понадобилось Покровскому для «обоснования» окраинного, казачьего происхождения восстания Разина.

Причины восстания под руководством Степана Разина Покровский видит в развитии «торгового капитализма» и в столкновении двух типов торгового капитала: торгового капитала Московского государства, с одной стороны, и казаков как представителей «разбойничьей торговли» — с другой. В этом столкновении главную роль Покровский отводит казачьей старшине, которая, по его мнению, более всего терпела от конкуренции московских купцов; о казачьей же бедноте, которая, так же как и крестьяне в Центральной России, подвергалась эксплуатации, Покровский также ничего не говорит.

Переходя к восстанию Пугачева, Печкина правильно отмечает, что этому восстанию по сравнению с восстанием Разина «посчастливилось»: Покровский уделил ему гораздо больше места в своих работах.

Печкина правильно разоблачает антимарксистский взгляд Покровского на характер восстания Пугачева. По Покровскому, это — соединение двух разнохарактерных «взрывов»: крестьянского и казачьего; восстали уральские казаки и уральские крестьяне, причем движения тех и других были вызваны «самостоятельными причинами». Таким образом, ограничивая восстание Уралом, Покровский не может дать правильной характеристики восстаний в других областях России. Он говорит о росте и «интенсификации» барщины в связи с усилением в 70-х годах хлебного вывоза; но в то же время он сводит причины восстания только к уральским условиям: если бы не поднялись уральские «рукокопы», то не было бы пугачевского восстания. Такова его точка зрения. Покровский ошибочно отводит первую роль в восстании уральским рабочим; при этом он глубоко ошибочно отождествляет крепостных рабочих Урала с пролетариатом капиталистической эпохи и определяет восстание Пугачева как восстание «рабоче-крестьянское».

В статье дается также критика оценки Покровским причин поражения восстания Пугачева. Покровский не анализирует этих

¹ Примечание Ленина: «Империализмом я называю здесь грабж чужих стран вообще, империалистской войной — войну хищников за раздел такой добычи».

² В. И. Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 287 (подчеркнуто нами. — Авторы).

причин и говорит даже о возможности победы этого восстания: Пугачев, по мнению Покровского, не сознавал достаточно «перспектив» своей деятельности и не смог использовать благоприятной якобы обстановки. Получается, что крестьянское движение могло бы победить без пролетарского руководства.

В статье «Восстание декабристов в концепции М. Н. Покровского» М. Нечкина приводит многочисленные и чрезвычайно ценные высказывания В. И. Ленина о декабристах, которые дают ключ к пониманию сущности и значения восстания декабристов. В противоположность яркой и четкой ленинской характеристике декабристов концепция Покровского отличается отсутствием цельности и грубым искажением исторической действительности.

Небрежно и произвольно оперируя историческими фактами, Покровский трактует декабристов как дворян, чуждых революционным стремлениям и поднявших восстание ради своих, помещичьих, «корыстных» интересов.

Игнорируя революционизирующее влияние на общественное движение в России исторических событий на Западе, связанных с полосой буржуазных революций, Покровский пытается связать вооруженное восстание декабристов с традицией дворянских переворотов XVIII века и всячески очернить восстание 14 декабря.

Отрывая Южное общество декабристов от Северного, он характеризует его как мелкобуржуазное крыло. Покровский фальсифицирует социально-политическую программу и историю деятельности Пестеля и пытается порвать его то с народниками, то с большевиками.

Иронические слова Покровского по поводу патриотизма декабристов свидетельствуют о нигилистическом отношении Покровского к историческому прошлому нашей страны, к любви к родине и к тому, что составляет национальную гордость народа.

Выше отмечалось, что Покровский не понял ни причин, ни характера, ни следствий крестьянской реформы 1861 года, что он явно недооценивал борьбу крестьян против феодальной эксплуатации помещиков. Не поняв этого, Покровский не мог понять и сущности народничества. Причиной поражения народников было якобы то, что народ не потерпел их, а не то, что народники были далеки от народа, что их методы борьбы с самодержавием были ошибочными и вредными и препятствовали развитию революционного самосознания народа.

Д. Баевский, касаясь освещения Покровским народничества, показывает, как Покровский, извращая историю в угоду своей антиленинской концепции, отрицает нали-

чие революционного протеста крестьянства перед реформой 1861 года.

При определении классовой сущности народничества Покровский отрицает связь народнического движения в 60 и 70-х годах с революционным протестом крестьянства, ограбленного реформой 1861 года. Покровский отрицает даже самый факт революционной борьбы крестьян против остатков крепостничества, за «американский» путь развития капитализма сельского хозяйства. Повторяя зады меньшевистской и буржуазной историографии, Покровский считает народников идеологами интеллигенции, прежде всего студенчества.

Ленин в своих гениальных работах, направленных против либеральных народников, дает четкую характеристику народничества в целом, его классовой сущности и эволюции. Характеризуя народников как идеологов мелкой буржуазии, а эпигонов народничества — народников 80—90-х годов — как выразителей интересов кулачества, Ленин показал, что народники — злейшие враги марксизма, что поэтому марксистская теория и пролетарская партия могут пробить себе дорогу в России только в борьбе с народниками и их реакционными теориями.

Покровский же, следуя своей концепции, пытается «доказать» родство народничества и марксизма. Идеализируя народничество, он считает, что «большевистские догматы вытекают из народнических теорий». Это утверждение Покровского целиком и полностью совпадает с клеветническими высказываниями троцкистско-бухаринских изменников о большевиках как о буржуазных демократах.

Покровский всеми силами старается приукрасить народничество, а о программе «Народной воли» он писал, что она «предвидит большевиков не только 1905 г., но и большевиков 1910 г.».

Автор статьи совершенно правильно устанавливает связь между антиленинским толкованием Покровским народничества и его меньшевистско-троцкистскими высказываниями о крестьянстве. В этих высказываниях Покровский отрицает революционность крестьянства, не верит в способность пролетариата повести за собой крестьянство на штурм самодержавия.

Покровский смазал вопрос об эволюции и выражении народничества и совершенно обошел молчанием факт разгрома Плехановым и Лениным народничества и значение этого разгрома для сознания в России пролетарской партии, вооруженной марксистской теорией.

Покровский не был в состоянии также сколько-нибудь вразумительно осветить

войны эпохи империализма. Он нагромоздил массу ошибок в вопросе о русско-японской войне 1904—1905 годов. Его чрезвычайно далекая от ленинизма концепция русско-японской войны помогает японским фашистам использовать трактовку Покровским этой войны для оправдания своей агрессивной политики по отношению к СССР. В основе этих ошибок лежит то, что Покровский не понял ленинской теории империализма, не понял характера русского военно-феодалного империализма.

Вопросу об освещении Покровским русско-японской войны 1904—1905 годов посвящена статья А. Сидорова.

Опровергая утверждение Покровского о том, будто Россия периода русско-японской войны не вступила в империалистическую стадию развития,—утверждение, широко использованное учениками Покровского, троцкистами, для подкрепления своей «теории» о невозможности перерастания буржуазно-демократической революции 1905 года в социалистическую,—автор статьи систематизировал высказывания Ленина и Сталина об империализме в России, о характере русского военно-феодалного империализма и проиллюстрировал их большим конкретно историческим материалом. Обобщая высказывания Ленина, Сидоров пишет: «Ленин относил появление монополистического капитализма в царской России к концу XIX—началу XX в.» (стр. 468). Покровский в своих ранних работах считал русско-японскую войну империалистической, но при этом заявлял, что никакой империалистической буржуазии в России не было, а царь у нее был империалистический, так как он являлся выразителем интересов торгового капитала и вел захватническую политику. «По Покровскому, империализм, — правильно заключает автор, — ...лишь политика самодержавия в интересах торгового капитала» (стр. 478). Но такой взгляд на империализм ничего общего с марксизмом не имеет и является гильфердинговщиной чистейшей воды.

В дальнейшем Покровский уже вовсе отказался от взгляда на войну 1904—1905 годов как на войну империалистическую. Исходя из своей надуманной схемы торгового капитала, Покровский утверждал, что между царской Россией и Японией не было острых империалистических противоречий, которые привели их к войне. Он не показал всей остроты борьбы этих двух хищников за раздел Китая. Он не разоблачил империалистических интересов Японии. Остроту империалистических противоречий на Дальнем Востоке Покровский видел в борьбе не России с Японией, а Германии с Англией.

Покровский не показал агрессивности японского империализма, не показал того,

что с 1903 года Япония, подготовившись к войне, вела политику форсирования войны, что именно она, прервав переговоры, начала первая военные действия. Покровский даже оправдывает разбойничье поведение Японии, утверждая, что оно не шло вразрез с международным правом. Покровский не показал также причин поражения России.

В процессе критики антиленинских взглядов Покровского А. Сидоров показывает, какого напряжения, экономического и военного, стоила Японии война 1904—1905 годов. Основываясь на новейших исследованиях, он развенчивает легенду о якобы исключительной даровитости японского командования во время войны. Автор заканчивает статью предостережением по адресу японских фашистов, которым будет нанесен сокрушительный удар, если они вздумают напасть на Страну советов, обладающую героической, прекрасно снабженной и технически оснащенной Красной Армией, тесно спаянной с многомиллионным советским народом.

Еще менее состоятельным оказался Покровский в освещении империалистической войны 1914—1918 годов.

В статье «Происхождение мировой империалистической войны 1914—1918 гг. в освещении М. И. Покровского» А. Ерусалимский последовательно доказывает, что Покровский проглядел новейшую стадию развития капитализма — империализм, — что он никогда не понимал ленинского учения об империализме.

Не поняв ленинского учения об империализме, Покровский мечется из стороны в сторону и противоречит себе на каждом шагу. Из совокупности признаков, характеризующих империализм, Покровский выхватывает один какой-либо из них. В понимании сущности империализма Покровский был близок к Гильфердингу и, как правильно подчеркивает автор, к Каутскому. Покровский никогда не понимал значения финансового капитала, экспорта капитала, борьбы за передел мира и протекставших из этого обострения империалистических противоречий. Это сближает его с каутскианским пониманием империализма. Покровский не только не понял, но, собственно, нигде не сформулировал в своих работах подлинных причин войны. Он их не видел. В одном месте он писал, что причиной войны было англо-германское морское соперничество, а в другом — строительство Багдадской железной дороги. Однако в то же время он утверждал, что мировой рынок был достаточно емким для того, чтобы дать место и Англии, и Германии, и США. Покровский также не видел всей глубины политических противоречий между

Германией и Францией, борьбу между ними на почве экспорта капитала и колониального соперничества.

Покровский не понял учения Ленина — Сталина о русском военно-феодальном империализме. Всею внешнею политикой России Покровский свел к борьбе за проливы, за торговые пути, игнорируя колониальные интересы царизма, его роль как сторожевого поста империализма на востоке Европы и пр. Поэтому в своем анализе причин войны он сделал интересы русских помещиков чуть ли не осью всей международной политики, договорившись в одном месте до того, что Франция в своей политике была зависима от России. Покровский неоднократно в своих работах утверждал, что главной виновницей войны является Россия, хотя это ему не мешало утверждать в другом месте, что ею была Франция, а в третьем месте признать, что и у Англии были основания для войны. В результате, как правильно отмечает Ерусалимский, «Покровский так распределяет светотени, что у читателя создается впечатление, будто только Антанта и главным образом Россия, но никоим образом не империалистская Германия, заинтересованы были в развязывании войны летом 1914 г.» (стр. 515). Это вконец противоречит ленинским высказываниям о том, что виновниками первой мировой империалистической войны 1914—1918 годов были империалисты всех стран.

Покровский позже изменил свою точку зрения на русский империализм. Он признал наличие империализма в России, но, собственно, не русского, а трех империализмов иностранных: германского, английского и французского — и признавал полнейшую зависимость России от них. За эту теорию ухватились троцкистские бандиты от истории для того, чтобы «доказать» невозможность победы социализма в нашей стране. Это обстоятельство автором статьи Ерусалимским отмечено.

* * *

Подведем некоторые итоги. Выход сборника «Против исторической концепции Покровского» является, безусловно, положительным явлением на фронте исторической науки. Сборник содействует преодолению — как этого требовали от историков партия и правительство — антинаучных, ликвидаторских взглядов на историю, свойственных «школе» Покровского. Сборник свидетельствует также о том, что значительные кадры историков уже преодолели эти взгляды.

Однако многим статьям сборника присущи общие недостатки. Авторы не решаются

прямо и четко сказать (это чувствуется и в программной статье А. Паниратовой), что Покровский под покровом марксистских фраз, в сущности, проводил буржуазные взгляды в советской исторической науке (идеалистическое понимание феодализма в духе буржуазных профессоров, струвизм, махизм, антинародность и т. д.). Авторы не подчеркивают того обстоятельства, что основные проблемы истории СССР были поставлены и разрешены марксистами задолго до Покровского и что Покровский в освещении этих вопросов шел назад от передовой, марксистской исторической науки. Странной поэтому является положительная оценка, данная В. Пичета работам Покровского по критике дворянско-буржуазной историографии по вопросу о войне 1812 года (стр. 279). На самом деле уже тогда существовала марксистская концепция войны 1812 года, которую Покровский игнорировал, не выходя за пределы буржуазно-дворянской историографии в освещении войны 1812 года. Совсем непонятно утверждение Е. Морозовна о том, что вопрос о разложении крестьянства якобы не был разработан в марксистской литературе и что Покровский должен был взяться за него. Автор тем самым игнорирует классическое произведение Ленина «Развитие капитализма в России», где этот вопрос исчерпывающе разработан.

Не все авторы четко указывают на связь конкретно исторических ошибок и извращений Покровского с его методологией. Так, В. Пичета объясняет ошибки Покровского в освещении войны 1812 года незнанием с документальными материалами (стр. 299). Между тем Покровскому были известны основные материалы, и многие из них он игнорировал. Причина ошибок Покровского заключается в его порочной методологии, рассматривающей события с точки зрения сегодняшнего дня, а не с точки зрения тех условий, в которых они происходили.

Некоторые авторы опасаются смело ставить теоретические вопросы. Это относится к статье К. Базилевича, который совершенно недостаточно освещает экономические причины возникновения русского централизованного государства.

Реплики покровщины имеются в статье Дружинина, который рассматривает Крымскую войну, применяя метод Покровского. Дружинин проводит «историческую аналогию» между войной 1812 года и Крымской войной 1853—1856 годов (стр. 381) и рассматривает последнюю как «национально-освободительное движение». Этим суждением Дружинина, в сущности, защищает аннекционистскую политику самодержавия в отношении Турции. Помимо этого автор проявляет непонимание причин и ха-

рактера Крымской войны. П. Дружинин не понимает исторической обстановки войны 1853—1856 годов, особенность которой заключалась в том, что в Европе, и в первую очередь в России, назревала революционная ситуация. Поражение самодержавия содействовало бы развязыванию революции в Европе. Победа паризма отодвинула бы надолго проведение крестьянской реформы даже в таком купеческом виде, как она была проведена, и укрепила бы позиции паризма внутри страны. А осуждение Н. Дружининым пораженческой позиции выдающихся борцов за народ Чернышевского и Добролюбова созвучно суждениям Покровского с его пренебрежительным отношением к Чернышевскому. Массового патриотического подъема Крымская война не вызвала, и напрасно Дружинин оценивает требования крестьян о зачислении в армию, мечтавших в связи с этим получить волю, как акт массового патриотического подъема. Что касается героизма, проявленного защитниками Севастополя, то это яркая страница из истории Крымской войны, одно из многих проявлений национального характера русского народа.

Своеобразный рецидив покровщины содержится и в статье А. Савича. Этот рецидив заключается в том, что автор отказывается от всестороннего рассмотрения обстановки, в которой протекала польская интервенция в начале XVII века. Савич совершенно абстрагируется от классовой борьбы внутри Московского государства, которая была использована интервентами. Он совсем не освещает восстание Болотникова. Без освещения этих вопросов непонятным становится, почему надолго затянулась война против интервентов, почему не сразу народ втянулся в эту борьбу.

Наконец, едва ли не крупнейшим недостатком сборника является то, что в то время, как партия и правительство неоднократно подчеркивали необходимость борьбы со «школой» Покровского, авторы ограничились, в сущности, критикой писаний только Покровского.

Несмотря на указанные недостатки сборник принесет большую пользу нашим историкам, преподавателям, студенчеству, кадрам нашей интеллигенции как критикой концепции Покровского, так и новой постановкой и положительным разрешением ряда проблем истории СССР.

**А. БОЧКАРЕВ, Н. МУРАХВЕР,
Б. ТРЕТЬЯКОВ, З. КРОНЕНБЕРГ,
В. ТИХОМИРОВ, П. ДРУЖИНИН,
Ю. ЯМПОЛЬСКИЙ.**

Н. Поткинса - Рубец

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ

Ленинградский государственный Эрмитаж.
1939. 4 р. 50 к.

Выпущенная Государственным Эрмитажем серия фотографий древнего Египта, снабженных аннотациями, представляет для преподавателей истории очень большую ценность. В высшей степени удачна идея снабдить каждую фотографию, на оборотной стороне, краткой аннотацией, дающей справку о предмете фотографии (стенная роспись, архитектурный памятник, скульптура, реконструкция), месте нахождения памятника и его значении. В большинстве своем аннотации составлены хорошо: они дают краткий, ясный и конкретный материал, доступный для широких масс учителям и очень занимательный для использования в работе с детьми. Очень тщательно сделан отбор сообщаемых сведений, и совершенно отсутствуют лишние, загромождающие текст подробности, интересные лишь специалистам (исключение — таблица № 6 с изображением спены пахоты: напрасно, с этой точки зрения, упомянута культура эмера, проще было сказать, что в Египте сеяли древнейшие сорта пшеницы). Особенно удачен текст таблиц 3 и 4, где даются портрет Шампольена и картуши с царскими именами. Дешифровка иероглифов изложена ясно и просто, фотографии так удачно связаны с объяснительным к ним текстом, что учащиеся легче поймут по этому тексту дешифровку чем по ряду книжек, написанных с расчетом на возраст учащихся 5-х классов. Но так как данное издание должно иметь в виду учителей не только крупных центров, где легко достать нужную книгу, но и сельских местностей, необходимо было бы дать также фотографию с Розеттского камня.

Реконструкция системы оросительных каналов (фото № 5) поможет преподавателю с максимальной наглядностью показать учащимся устройство этой системы. Схема эта настолько проста, что преподаватель сможет нарисовать ее на доске, а учащиеся — перерисовать в тетради. Но жаль, что дана оросительная система Среднего и Нового царств и не дана попытка реконструкции системы Древнего царства. Последняя более нужна, так как она помогает преподавателю подвести учащихся к сложному для них понятию образования номов. Практика показывает, что на уроке, где речь идет об образовании номов, преподава-

тель чертит на доске, за неимением подходящего пособия, свою собственную схему. Египтологи, вероятно, могут ее сделать более научно.

Ремесла представлены хорошо, и здесь опять-таки очень ценен сделанный отбор.

Религия и культ мертвых также довольно полно показаны, и можно лишь пожелать, чтобы в объяснительный текст была включена табличка ежедневных приношений богу Амону. Отдел науки представлен двумя фотографиями. Быть может, специалисты могли бы еще несколько дополнить этот отдел материалами из области геометрии и медицины.

Очень существенным пропуском является отсутствие фотографии с аналогичного лейденскому папирусу нашего эрмитажного папируса Нефер-реху. Эта фотография особенно нужна, так как на материале восстания крестьян и рабов учителя проводят большую политико-воспитательную работу с учащимися. К тому же речь идет о памятнике, находящемся в нашей стране и по своей исторической значимости вполне равном знаменитому папирусу Ипувера, знание которого требуется программой Наркомпроса.

Труд крестьян представлен рядом иллюстраций (№№ 8, 9, 10), труд же рабов совсем не представлен. Между тем преподавателю необходимо, чтобы ученики запомнили, что в Египте было рабовладельческое общество. Совершенно необходимо пополнить этот раздел рядом изображений труда рабов.

Кроме того необходимо переработать последний абзац аннотации к рисунку № 8 («то обстоятельство, что на изображении мы видим большое количество людей, говорит о том, что мы имеем дело с поместьем. Крестьяне, работающие в нем, работают под присмотром писцов, учитывающих все зерно»). Преподаватель в массе не знает об обычае дарения покойнику земель и крестьян для обработки ее, с тем чтобы обеспечить его загробное существование, а так как преподаватель, несомненно, будет самым внимательным читателем аннотаций, то перед ним встанет ряд вопросов: кто владелец поместья, крепостные ли это крестьяне или свободные общинники, почему не упомянуты и рабы и т. д.

Положительной стороной аннотаций является попытка ввести читателей в круг вопросов египетского искусства (фото №№ 14 и 15). К сожалению, эта попытка

не доведена до конца. Во-первых, дано слишком мало скульптурных изображений, и потому анализ их не будет достаточно ясен для человека, незнакомого с вопросами искусства. Кроме того, имея в виду интересы не только столичных школ, хотелось бы видеть в серии хранящуюся в Эрмитаже фотографию семейной группы жрецов и изображение львиноголовой богини Сохмет.

Не доведена до конца попытка искусствоведческого анализа еще и потому, что составители аннотаций не дали анализа египетского рисунка. Это тем более непонятно, что дети лучше поймут особенности рисунка, да еще на плоскостном материале фотографий, чем скульптуры. Новых фотографий здесь бы не понадобилось, надо было бы включить лишь эти вопросы в текст аннотаций, имеющихся в серии фотографий.

Очевидно, виною общей редакции является то, что в аннотации к фото № 16 (Рамсес II) опущено указание на предмет изображения и по существу ничего не сказано о самом изображении.

Неудачен текст к фото № 17 — преподаватель, безусловно, не различит отрядов «египтян, шарданов, ливийцев» и будет гадать, где негры. Здесь необходимо помочь читателю указаниями в самом тексте.

Внешняя сторона издания сильно страдает от плохого качества бумаги. Особенно это сказалось на фотографиях со скульптуры (например фото № 26).

Тем не менее даже при наличии всех вышеизложенных недостатков школа получила очень ценное пособие. Обычный школьный эпидиоскоп прекрасно передает все репродукции на экране, так что этими фотографиями легко можно будет пользоваться на уроке или на внешкольных занятиях. Кроме того дешевизна издания позволит школам купить несколько комплектов и пользоваться ими как раздаточным материалом на уроках.

Эрмитаж обещает выпустить в ближайшее время 40 иллюстраций по Греции, 40 — по Риму, 32 — по Франции эпохи абсолютизма и 32 — по крестьянской войне. Всемерно приветствуя это начинание, преподаватели должны, однако, указать, что, не имея иллюстрированного материала, особенно трудно проходить эпоху Возрождения в Италии. Между тем эпоха Возрождения, голландская живопись и испанское искусство включены в учебные программы. К этим разделам также следовало бы выпустить соответствующие иллюстрации.

А. Замятина

ВЫСТАВКА К 150-ЛЕТИЮ ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА

150-летний юбилей французской буржуазной революции отмечен в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина особой экспозицией одного из зал (№ 34), в котором выставлены гравюры, относящиеся к периоду нарастания революции (1789—1794 годы).

Выставка графики ГМИИ имени Пушкина иллюстрирует не только ведущие политические события французской революции, но показывает также отклики на них широких демократических кругов и дает оценку этих событий, в которых раскрывается постепенный рост народного самосознания. Среди изобразительных искусств графика занимала в эпоху революции особое положение: на ее долю приходилась огромная роль наглядной пропаганды, злободневной хроник, которую в наше время выполняют кино, фото и печатаемые типографским способом плакаты.

На выставке представлена графика двоякого рода: часть произведений исполнена известными крупными мастерами, часть — представляет собой работы безымянных художников, более быстро, а зачастую и более остро откликнувшихся на текущие политические события. Для своих произведений они использовали главным образом технику офорта. Изображение давалось легкими контурными линиями, и по отпечатанию каждый экземпляр от руки раскрашивался акварельными красками.

Эти произведения просты, непритязательны и, хотя были общедоступны по цене, часто выполнены с большим вкусом.

Выставка начинается с обзора исторических событий, с «Клятвы в зале для игры в мяч» (19 июня 1789 года) — гравюры резцом Хельмана с рисунка Монне. Этот эпизод победившая буржуазия в дальнейшем рассматривала как момент своего политического рождения и считала его достойным запечатления для потомства. На гравюре изображен гимнастический зал, где сгруппировались взволнованные депутаты, среди которых, как это ясно видно по костюмам, преобладают депутаты третьего сословия. Галереи заполнены возбужденными зрителями всех возрастов и общественных положений. Желая подчеркнуть смысл и значение происходящего события, художник прибегает к приемам старого, академического искусства и вводит аллегорические фигуры: на облаках Франция умоляюще прострает руки к собранию депутатов; повержены темные силы произвола. Свобода взлетает с жезлом, увенчанным фригийским колпаком, ставшим эмблемой свободы во время французской революции, и Слава венчает новых героев нации.

На выставке имеется экземпляр портрета председателя этого собрания — мэра Парижа Балли — с характерной надписью: «Ни в чем не нуждается тот, кто служит свободе отечеству».

Память о тревожных днях перед взятием Бастилии: отставка Неккера, выступление Камилла Демулена в Пале-Рояле 12 июля 1792 года — вдохновила одного замечательного французского художника XIX века, Домье, к созданию изумительного художественного произведения, являющегося одним из лучших экспонатов выставки. Камилл Демулен — герой дня — показан несколько в глубине, но его гибкая фигура четким силуэтом выделяется на светлом фоне дворца, галерей которого заполнены зрителями. К оратору в непреодолимом порыве стремится взволнованная толпа: он кажется вдохновителем и дирижером той бури чувств и движений, которая кипит вокруг. Художник не показывает зрителю почти ни одного лица. Лишь одно лицо обращено к нам — лицо испуганного, растерянного старика-аристократа, которому нет места в общем порыве. Несмотря на то что это произведение не относится непосредственно к эпохе революции, Музей включил его в выставку. Исторический колорит момента так глубоко прочувствован и так выразительно передан Домье, что кажется, мы лично присутствуем при событии.

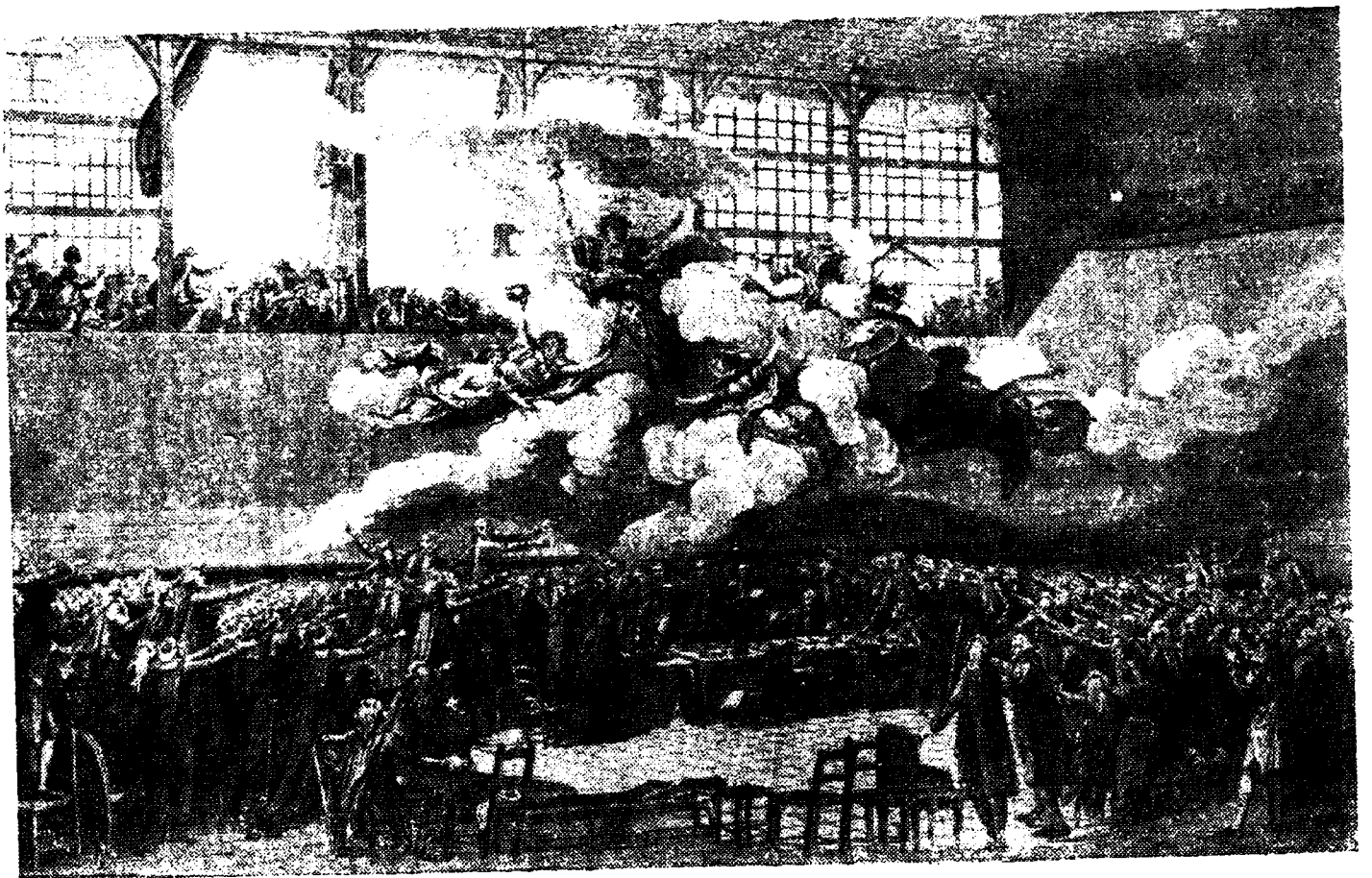
Взятие Бастилии изображено на гравюре Хельмана с рисунка Монне. Справа видна старинная, выстроенная в конце XIV века крепость с ее высокими (25 метров) восемью башнями и толстыми стенами (шириной от 1½ до 2½ метров). На гравюре изображен момент, когда внутренний

двор крепости и подземный мост были уже заняты восставшими. Образовавшаяся накануне национальная гвардия и весь народ вооружены ружьями и пушками, захваченными в Доме инвалидов. Гарнизон крепости отстреливается. Несмотря на жертвы осаждающие мужественно и воодушевленно продолжают нападение.

Отклик на события того же дня дает народный раскрашенный лубок, изображающий граждан, несущих на плечах по Гревской площади, перед зданием городской радуши, головы коменданта Бастилии де Лона и старшины торговцев Парижа де Фассель. Описав шествие, автор прибавляет: «Вот как рано или поздно божественная справедливость наказывает изменников».

О громадном значении происшедших событий для роста революционного сознания напоминает на выставке несколько наивная по форме, но острая по мысли гравюра неизвестного мастера (акватинта¹) «Неиспровергнутый деспотизм» в виде многоголовой гидры. Под ней имеется такой любопытный текст: «12 июня 1789 года, около 4 часов вечера, на дороге из Версаля к Парижу был замечен дикий зверь ужасного, чудовищного вида. Знаатоки уверяют, что он относится к аристократической породе и намеревался опустошить столицу. Тотчас закричали: к оружию, к

¹ Акватинта — разновидность офорта.

Клятва в зале для игры в мяч (19 июля 1792 года). Гравюра Хельмана по рисунку Монне.

Камилл Демулен произносит речь в Пале-Рояле 12 июля 1792 года.
Акварель Домье.

оружью! Все граждане сбегались с ружьями и алебардами, но напрасно искали чудовище-истребителя. Наконец, 14-го числа узнали, что оно укрылось в берлогу, называемую Бастилией, у Сент-Ангуанских ворот. Сбегались и осадили его; после того, как его захватили в этом последнем убежище, ему наперебой снесли головы, так как чудовище имело их несколько, подобных головам гири, и их нужно было снести все, чтобы помешать им возродиться».

Гравюры, относящиеся к 1789—1790 году, в целом распадаются на две основные группы: одни отражают восторженные иллюзии, наивную веру в то, что уже достигнуто благополучие золотого века, веру в мирное и дружеское сотрудничество трех сословий, доверие к королю (последняя тема усиленно культивировалась и популяризировалась правыми группами); другое направление популяризирует народных героев и все более откровенно и остро осмеивает привилегированное общество и его вождей.

Вот гравюра, изображающая представителей трех сословий, которые сообща не-

сут на голове тяжелую ношу с надписью «Национальный долг». Под картиной подпись: «Наше время требует, чтобы каждый поддерживал тяжелую ношу». Вот эти же трое сообща выковывают на наковальне конституцию. Песенка под их изображением призывает к дружной работе. Вот ярко раскрашенный офорт, на котором представлен король совместно с аллегорической фигурой Франции; король поддерживает книгу с надписью «Закон и Конституция 1789—1790 года» и изрекает: «Их благоденствие составляет мою славу». В уста представителя третьего сословия вложены слова: «До тех пор, пока он будет ее поддерживать, наше счастье будет совершенно». С удивлением наблюдают эту сцену в телескоп аббат и дворянин. Надпись поясняет: «Они наблюдают то, чего никогда еще не видели», — то есть единение короля и закона. Эти изображения и надписи кажутся славными от соседства карикатур, осмеивающих злобную глупость дворянства и духовенства. Веселой шуткой веет от изображения священника, сбросившего сутану, надевшего мундир национального гвардейца и танцующего с

хорошенькой граждапкой, в то время как собака грызет ключья его рясы. Увальный оратор Мирабо неожиданно появляется перед нами с ослиными ушами, с предостерегающей надписью: «Берегись Мирабо — виден кончик уха» — и стихами, где Мирабо называется проклятым мошенником.

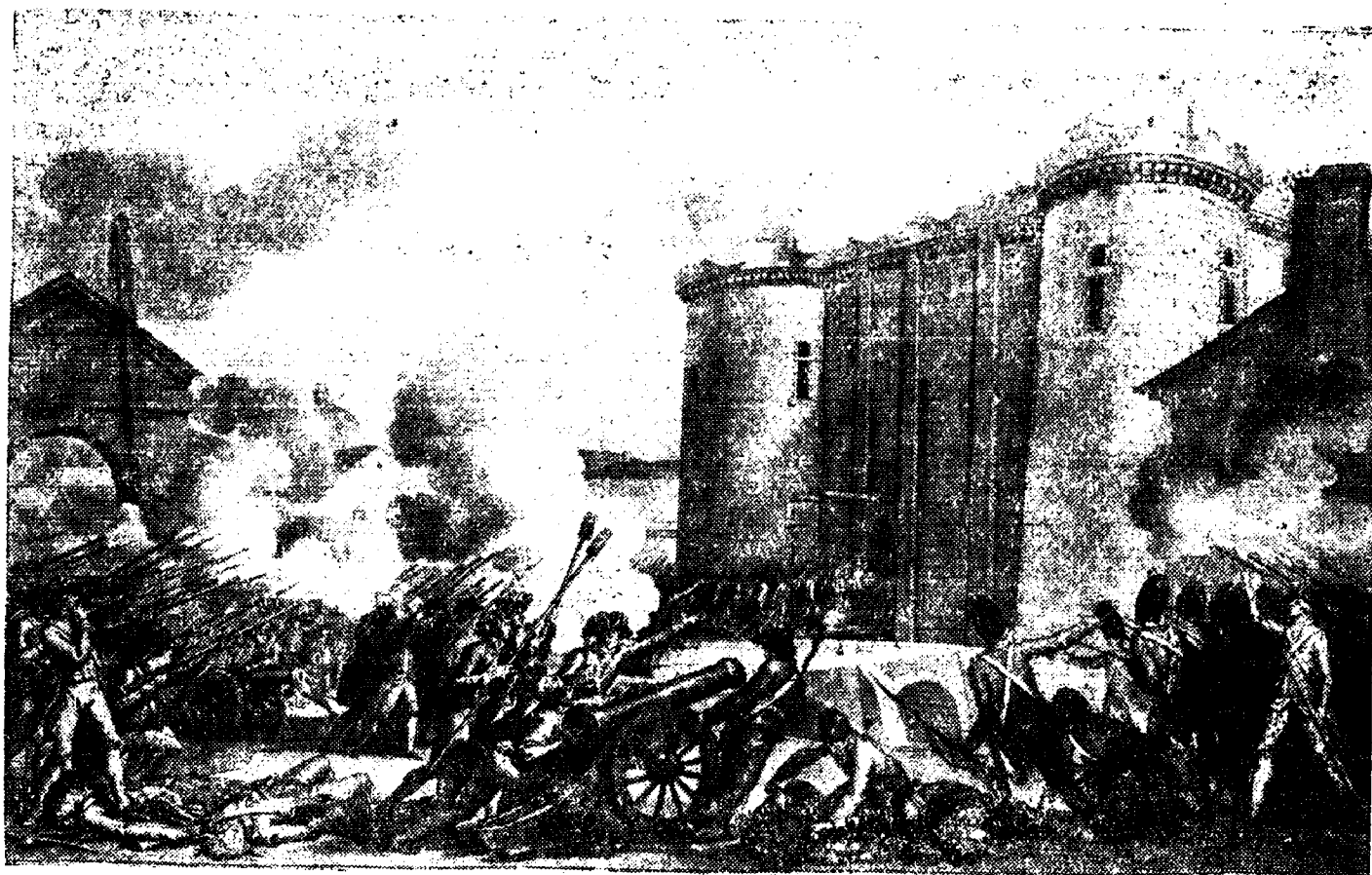
Злобные планы и мечты эмигрантов, интригующих при иностранных дворах против новой Франции, осмеяны в большом раскрашенном офорте неизвестного мастера — «Великая армия бывшего принца Конде», — где Конде и его приспешники изображены распакowyывающими и составляющими игрушечных солдатиков, полученных по почте. Подлинными героинями показаны женщины — участницы голодного похода 5 октября — и войска, перешедшие на их сторону.

Следующим событием, которое отмечено на выставке, является годовщина взятия Бастилии (14 июля 1790 года) — праздник федерации на Марсовом поле. Замечательный рисунок гуашью Навле изображает громадный амфитеатр на открытом воздухе, в сооружении которого принимало добровольное участие все население Парижа. Амфитеатр вмещал до 200 тысяч человек. Торжество началось богослужением; пушечный выстрел возвестил начало присяги Первой, от имени национальной гвардии и французской армии, принес присягу на верность Франции Лафайет. Войска повторили клятву; играли трубы, гремели барабаны, раздался пушечный са-

лот. Затем принес присягу председатель Национального собрания после него — король. Торжество закончилось исполнением «Те деум» на музыку, специально сочиненную Госсеком¹. Принимающие присягу проходили на арену через высокую триумфальную арку (слева), построенную в строгих и торжественных формах римской архитектуры. Отблеск античной славы и героики должен был лечь на великое событие дня. Многочисленная оживленная толпа окружает амфитеатр. Тут же расположились палатки торговцев закусками и напитками. Непринужденное веселье и радость соединились с продуманным, хужественно организованным торжеством присяги. Уже этот первый революционный праздник показал, что именно революцией создаются благоприятные условия для внедрения искусства в жизнь, делают его достоянием широких демократических масс.

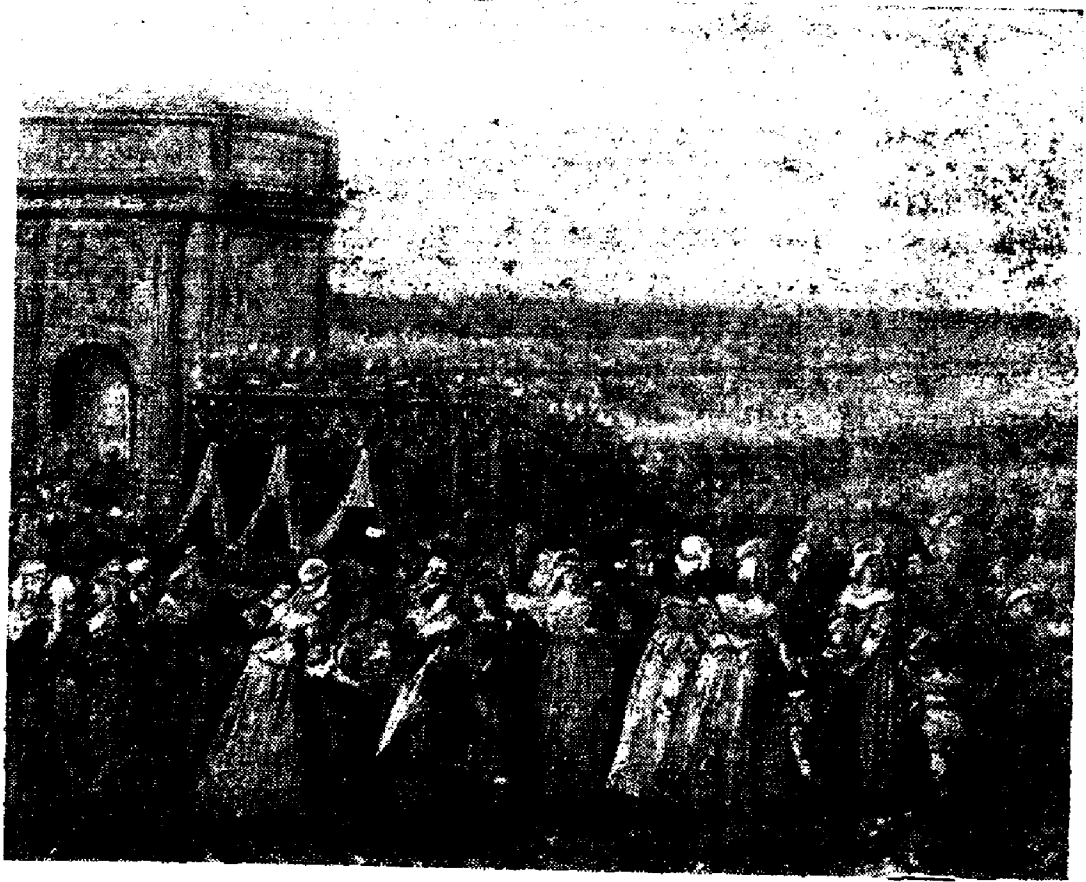
На выставке представлена гравюра неизвестного мастера, воспроизводящая рельефы скульптора Муатта, украшавшие триумфальную арку. Один из них посвящен памяти взятия Бастилии. Надпись поясняет: «Аристократия и ее приспешники погребены под развалинами Бастилии. Из глубины этих развалин восстает Свобода, вооруженная мечом, попирая ногами Гигру. Узники — жертвы произвола — благо-

¹ Подробное описание см. у Тьерсо Жюльена «Песни и празднества французской революции». Перевод Жихаревой. Гос. муз. изд. М. 1936.

Взятие Бастилии.

Гравюра Хельмана с рисунка Монле.

Праздник федерации на Марсовом поле (14 июля 1790 года). Фрагмент рисунка худ. Нанте.

говейно склоняются перед алтарем Отечества».

На другой — изображены французские гражданки, «подобно римлянкам» жертвующие отечеству свои драгоценности; рядом Изобилане и Закон на колеснице, влекомой львами — эмблемами силы Франции. Стихи гласят: «Мы не боимся больше вас, низверженные тираны, вас, кто угнетал народ под множеством имен. Права человека были невсемы в течение веков, они восстановлены теперь для всего человечества».

В художественном стиле этих рельефов ярко проявляется та связь с античным искусством, которая так характерна для эпохи революции. Образы и аналогии античности захватывали воображение политических деятелей, ораторов, всей передовой части общества. Слово «римлянин» было синонимом патриота. По выражению Маркса, «буржуазия забыла, что ее колыбель охраняли древне-римские призраки... В классически строгих преданиях римской республики борцы за буржуазное общество нашли идеалы и искусственные формы, иллюзии, необходимые им для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы, чтобы удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VIII, стр. 324.

Образы свободы часто изображались в виде античных гениев с римских триумфальных арок; французские граждане изображались не только в пропорциях античных статуй, но и в условно взятой античной одежде. Античные аллегории были весьма распространены и всем хорошо известны. В гравюрах, которые издавались ко дню празднования федерации, античные аллегории встречаются очень часто. Примером этого служит картина «Федеративная и национальная присяга, приносимая на Марсовом поле 14 июля 1790 года». На ней изображены облаченные фигуры античных богов в позах присяги перед алтарем и фигуры гениев с разнообразными атрибутами; приведен текст присяги и дана пояснительная надпись: «Мы клянемся быть верными Нации, Закону и Королю и всемерно поддерживать Конституцию, декретированную Национальным собранием и принятую королем, в частности охранять безопасность лиц и имущества, свободное обращение провозглашения, взимание налогов и пребывать соединенными со всеми французами неразрывными узами братства... Три божества, характеризующие нацию. — Минерва — в науке, Меркурий — в торговле, Аполлон — в искусстве — произносят клятву, которую возвещает гений молвы (да здравствует нация, да здравствует закон!), гений народа возвещает народные крики (да

Бегство Людовика XVI в Варенн.

Гравюра неизвестного художника.

здравствует король!). В центре алтаря световой диск с гербом Франции распространяет свои лучи, чтобы оживить находившиеся в упадке Изобилие, Национальную славу, Земледелие, Торговлю, Навигацию, Юстицию и др. Из того же диска исходит молния, которая поражает таких зловредных генеев, как Междоусобие, Зависть, Ревность и др.».

Над лучами диска приведен текст присяги короля: «Я, король французов, клянусь Нации употреблять всю власть, какая мне вверена конституционными законами государства, поддерживать конституцию, декретированную Национальным собранием и принятую мною, и заставлять следовать законам».

Слишком многие искренно и восторженно верили этим торжественным словам, и потому истинное отношение короля к новой конституции, обнаружившееся со всей очевидностью в попытке к бегству, нанесло сокрушительный удар авторитету королевской власти. Отношение народа к этому бегству иллюстрируется на выставке гравюрой, уже самое название которой звучит обвинительным актом: «Преднамеренное бегство или клятвопреступление короля». Надпись протоколирует: «Король французов, арестованный в Варенне в одиннадцать с половиной часов вечера, перелетный лакеем Марии-Антуанетты, назвавшейся баронессой Корф, путешествует с двумя детьми, двумя женщинами, тремя слугами, бывшими лейб-гвардейцами. Бдительные и храбрые господа Манжен и Обер Гийо и стойкое сопротивление национальной гвардии Варенна и ее муниципалитета

заставили гусаров сложить оружие и перейти на сторону граждан, несмотря на угрозы их офицеров. Рядом с незаряженными пушками на мосту была предусмотрительно опрокинута повозка с мебелью, что немало способствовало возвращению к своим обязанностям этой беглой семьи и ее великодушного и смелого конвоя».

На гравюре неизвестного мастера с большой художественной выразительностью передана почная тревога маленького городка, разбуженного звуками набата. Набег раздался по сигналу Друэ, сына начальника почты в Сент-Меней, опознавшего профиль короля по его изображению на деньгах и прискакавшего обходным путем в Варенн. Контрастами глубоких теней и ярких бликов, возникших от факелов; неверным светом луны, прячущейся среди облаков, автор художественно передает чувство возбуждения, готовности к борьбе, бурю негодования граждан.

Эпизод бегства дополнительно обрисован гравюрой Жермена «Возвращение короля в Париж после попытки к бегству». На картине показаны королевские экипажи, продвигающиеся среди многочисленной, но безмолвной от негодования парижской толпы. В народных карикатурах этого периода Людовик фигурирует теперь в новом облике. Мы видим его нарочито толстым и неуклюжим, в красном колпаке с трехцветной кокардой, с бутылкой в руке. Надпись «Новый договор Людовика с народом» проливает намек на событие 20 июля 1792 года, когда народ ворвался во дворец, тревожимый настоянно возникавшими слухами о новых попытках короля

к бегству. Вот король представлен в виде жирной свиньи, которую ведет крестьянин для «Последнего расчѣта».

Искусство не только отражало рост революционных идей, но и само способствовало их пропаганде. Особенный интерес представляет в этом отношении проявление народной художественной самодеятельности, находившей яркие, наглядные и живые художественные формы политической пропаганды. Большую роль играли всякого рода празднества, процессии, карнавалы и инсценировки. На выставке представлена интереснейшая гравюра неизвестного мастера (раскрашенный офорт), запечатлевшая одно из таких торжеств. Гравюра снабжена следующим пояснительным текстом: «Якобинцы Страсбурга с большой торжественностью хоронили королевскую власть; они собрались в Комитете надзора. Это место было выбрано неплохо для начала погребального шествия. Костюмы актеров были туда перенесены, и роли были распределены. Около 8 часов вечера все было готово. Вот порядок следования этой церемонии. Два факела, к которым прикреплены гербы, военная музыка, два других скрещенных факела, гроб, несомый четырьмя мужчинами: национальным гвардейцем, артиллеристом, якобинцем и солдатом линейных войск. Гроб был покрыт королевской мантией, на которой возвышалась корона. Около короны цепи, железный скипетр, держава, колесо с розгами и, наконец, все атрибуты королевской власти. По обеим сторонам гроба следовали карди-

нал с петаскушкой, одетой великосветской дамой, снова два факельщика, швейцарец в парадной форме, толстый немецкий барон и «серая» сестра¹, высокий сухой аббат с разжиревшей толстухой-экономкой и два дворянина в визитных костюмах. Монахини различных орденов, два монаха ордена красной ленты, два францисканца, два принца, три доктора Сорбонны, одна королева, два крючковтора, один дворянин, Людовик последний, его духовник, группа аристократов с ослиными ушами, группа фельянов с длинными носами. Все шествие замыкалось хором, который пел вакхические песни и церковные песнопения в промежутках между музыкой, которая исполняла то траурные напевы, то «Са га» («Все наладится»). Десять тысяч граждан и гражданок предшествовали процессии и замыкали ее. Наконец, королевскую власть похоронили в ящике Пандоры, а Людовика последнего — в бочонке с бургундским вином. Была устроена большая иллюминация, а ночь прошла весело за стои, питьем и танцами. Этот маленький маскарад произвел наилучшее впечатление и больше возвестил о республике, чем это могли бы сделать органы власти с их военными холмными парадами».

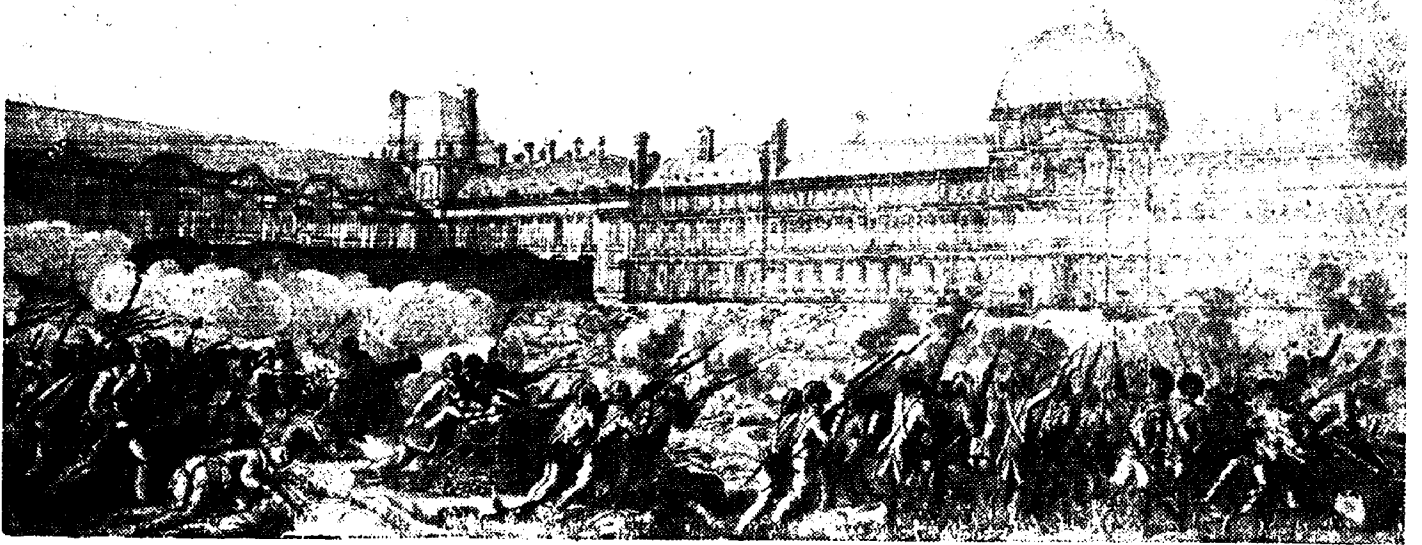
Глубоко верная мысль выражена в этом заключении текста. Она дает прекрасный материал для исторической оценки тех знаменитых народных празднеств, органи-

¹ Особая категория монахинь.

Похороны королевской власти.

Гравюра неизвестного художника.

Осада Тюльери 10 августа 1792 года.

Гравюра Хельмана.

зация которых поручалась такому художнику, как Давид¹. Эти празднества подвергались многочисленным осуждениям и

¹ Перенесение праха Вольтера—1791 год, праздник Свобод—1792 год, праздник Верховного Существа—1794 год и др. Подробно о празднествах см. «Речи и письма живописца Давида». Перевод В. Денике. Изогиз. 1933.

Крестьянка, несущая на спине дворянку и монахиню.

насмешкам в ближайшие же годы реакции и в течение всего XIX века со стороны буржуазных политиков и историков. В нашей исторической литературе народные празднества французской революции, самодельные и организованные революционным правительством, не должны быть забыты, потому что они являются ярким и новым проявлением политической и культурной жизни революционной Франции.

В документах дальнейшего периода все ярче ощущается нарастание народного движения, приведшего под руководством полководцев революции к организации якобинской диктатуры. «Якобинцы 1793 года были представителями самого революционного класса XVIII века, городской и деревенской бедноты» (Ленин, Соч. Т. XX, стр. 505). Конечно, листки остроумных карикатур не могут заменить научного анализа событий, построенного на разносторонней аргументации, но они имеют силу наглядной убедительности.

На одном из цветных офортов показана полная противоположность интересов народа и интересов двух привилегированных сословий: изображена крестьянка, изнывающая под тяжелой ношей: на спине ее монахиня и знатная дама. На следующем офорте мы видим, что роли переменялись: крестьянка с довольным видом занялась своей прялкой, сидя на спине аристократки. Подпись еще больше раскрывает острый политический замысел художника: 1. «Натеюсь, игра скоро кончится» и 2. «Я знала, что придет наш черед». Еще один офорт изображает уныло сидящего дворянина, его офицерский мун-

дир валяется на земле, рядом насторожившийся аббат наблюдает, как молодой санкюлот резким движением натягивает форму национального гвардейца. Проницатель поднимает: «Полагаю, сударь, что ваш офицерский мундир прекрасно мне подойдет!» Эти слова напоминают о тех негодующих настроениях, которыми были охвачены патриоты, на каждом шагу убеждавшиеся в предательстве офицерства.

Гравюра Хельмана изображает осаду Тюильри 10 августа 1792 года. Народные войска уже овладели внутренним двором. Обычная торжественная замкнутость дворцового фасада нарушена: из окон вырываются клубы порохового дыма от ружейных выстрелов, направленных против патриотов. Широкое пространство двора между дворцом и главной линией атакующих усеяно ранеными и убитыми, но по открытой площадке двора, под выстрелами, все же бесстрашно перебегают вперед группы храбрых. Сметены королевские артиллеристы у пушек, направленных на народ со стороны дворцового крыльца, и первый отряд, теснясь, врывается в двери, навстречу новым выстрелам и схваткам внутри дворца. «Буржуа в этой революции, как и всегда, были чересчур трусливыми, чтобы отстаивать свои собственные интересы, и начиная с Бастилии плебей взял на себя выполнение всей задачи»¹.

Арест королевского семейства изобра-

¹ Ф. Энгельс. Письмо к Каутскому.

жен под названием: «Редкие животные или перевод королевского зверинца в Тампль 20 августа 1792 года, 4-й год Свободы и 1-й год Законности». В уста погонщика-санкюлота вложены слова: «Проклятые животные, мы их откормили своей кровью, а они хотели нам перерезать горло!» Король-шлюк взывает: «Ко мне, Лафайет, иначе они меня отведут на гильотину!» Королева-волчица говорит: «Проклятые якобинцы, они разрушили все мои планы!» Королевские дети-волчата кричат: «Они растерзают маленьких детей!»

На выставке имеется также гравюра Хельмана «Казнь короля» (21 января 1792 года) на площади Революции и ряд портретов политических вождей эпохи якобинской диктатуры: Робеспьера, общественного обвинителя Революционного трибунала Фулье Тенвилля, Сен-Жюста, Эбера и Марата (гравюра Туркати с рисунка Пти). Особенно интересен портрет последнего. Марат изображен произносящим речь на трибуне. Поза, энергичный жест руки, сжатой в кулак, вдохновенное лицо полны изумительной динамики. Художнику удалось показать в лице Марата образ народного трибуна. На листе бумаги, лежащем перед Маратом, выгравировано начало его речи: «Граждане, я поднялся на эту трибуну, чтобы изложить свое мнение о великих интересах народа и смело поднести порох революции при виде опасности, угрожающей очагам патриотов...» Под картиной имеется подпись: «Да, граждане,

«Редкие животные», (Семья Людовика XVI).

Гравюра неизвестного художника.

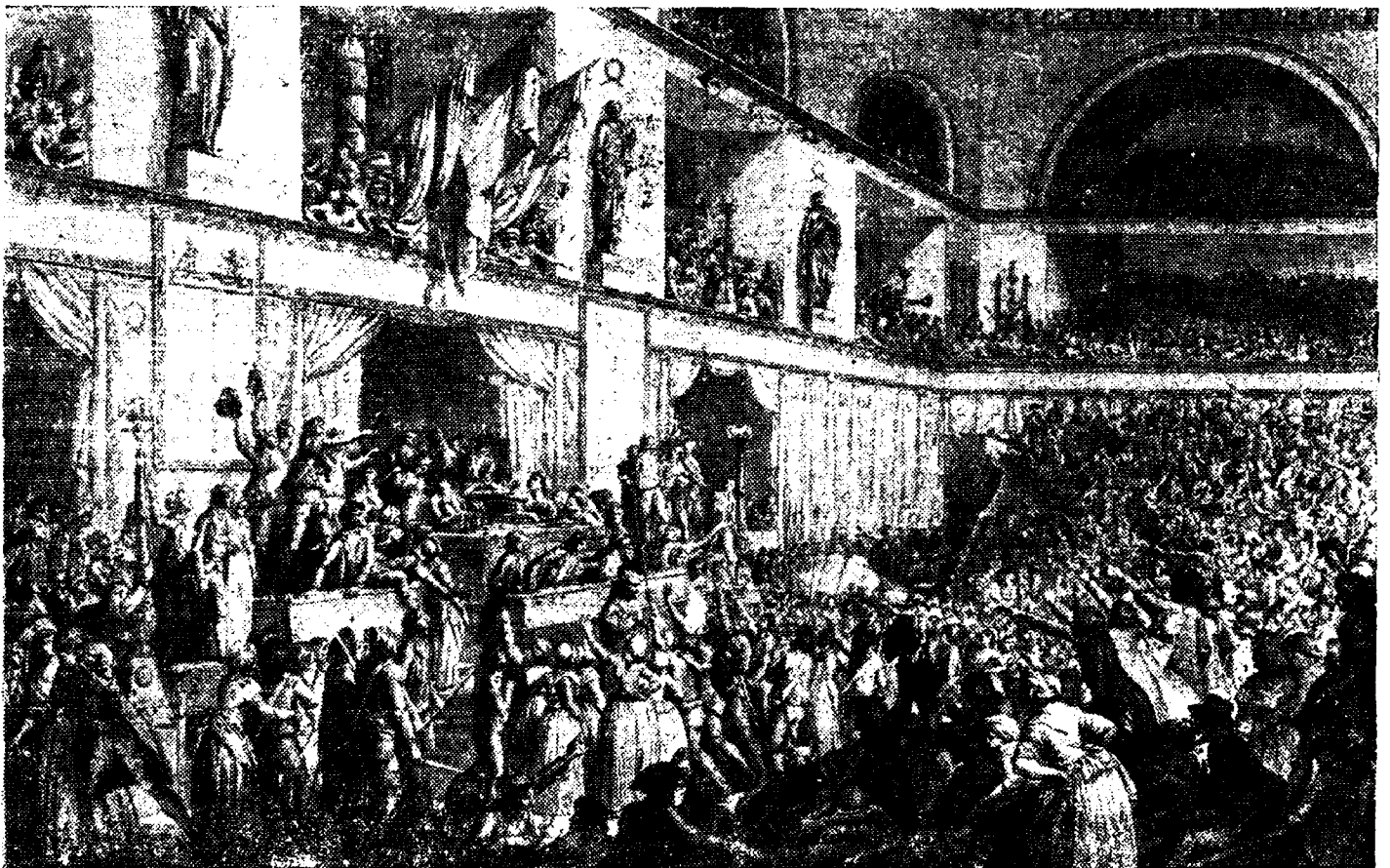
общественное спасение — высший закон, нельзя уклоняться от этого великого принципа».

Собирательный образ этих патриотов из народа, называвших Марата своим другом, дан в гравюре неизвестного мастера под названием «Добрый санкюлот». В простой одежде сидит он за едой у своего очага. Его мягкосердечие в частной жизни передают ласковый взгляд и жест руки, дающей кусок хлеба собаке; о политических убеждениях напоминает трехцветная кокарда на шляпе; пика, висящая над очагом, говорит о постоянной готовности защищать отечество и революцию. Эта гравюра является ценным противовесом контрреволюционным изображениям санкюлотов с подчеркнутыми чертами бессмысленной жестокости. Доблесть патриотов, выходящих из широких народных масс, отмечена также портретом мальчика-героя Агриколя Виала. Он жил в Авиньоне со своей матерью, но уже тринадцати лет вступил в национальную гвардию; краткие биографические данные говорят о нем как о нежном сыне и храбром гвардейце. В июле 1793 года войска мятежников, отступавшие от Марселя, переправлялись через реку Дурансу по понтонному мосту. Чтобы помешать переправе, нужно было перерубить канат, сдерживающий барки моста. Противники обстреливали берег. Агриколь, схватив топор, бросился к реке и, осыпаясь пулями, стал рубить канат. Сраженный выстрелом, мальчик восклик-

Добрый санкюлот. Гравюра неизвестного художника.

нул: «Они не промахнулись! По все равно я умираю за свободу!» Эти последние слова выгравированы под его портретом. Национальный конвент постановил оказать Виала почести французского Пантеона. Организация траурной церемонии была по-

Первое представление 1795 года.

Гравюра Хельмана.

Аллегорическое изображение октября месяца. Гравюра худ. Греска. С рис. Лафитте.

ручена Давиду и назначена на 10 термидора. Она не состоялась, так как 9 термидора произошел переворот и Давиду инкриминировалось впоследствии, что пушечный выстрел, начинавший похороны, должен был якобы служить сигналом какому-то заговору якобинцев.

Обзор исторических событий заканчивается на выставке гравюрой Хельмана «1-е прериаля 1795 года», когда, лишенное уже своих якобинских вождей, население рабочих кварталов врывается в термидорианский Конвент, требуя «хлеба и конституции 1793 года». Эта гравюра интересна еще тем, что знакомит с обстановкой заседаний Конвента. Зал заседаний расположен во дворце Тюильри на месте прежнего театрального зала. К 10 мая 1793 года он был перестроен для заседаний Конвента. Все его убранство отвечало требованиям вкуса революционных лет: вместо сложной пышности королевского дворца господствуют строгая простота, спокойные, гармонические архитектурные формы, в основе которых лежат античные мотивы. Слева, на возвышении, стол председателя, пониже перед ним трибуна. Над этим местом связка копий, символизирующая единую, неделимую Республику, трехцветные знамена и по бокам статуи

знаменитых греческих законодателей — Лисурга и Солона, — под которыми помещены доски: «Конституция 1793 г.» и «Права человека и гражданина»¹. Такое оформление зала напоминает о громадном внимании, уделявшемся Конвентом вопросам культуры и искусства.

Этой теме на выставке посвящено несколько листов. Самый замечательный из них, редкая музейная цепность, — «Республиканский календарь» работы Дебюкура (экваданта)². Текст поясняет смысл изображения, украшающего календарь: «На возвышении сидит Философия, на мраморном сиденье, украшенном изображением изобильной природы; вместо короны на ней колпак Свободы, ногами она попирает готические³ памятники заблуждения и суеверия, на которых основывалось невежественное и смешное деление времени, она черпает в великой книге природы величьи и названия нового календаря, которые с ее голоса записывает внимательный гений. С другой стороны находятся различные атрибуты, как книга Морали, линейка, уровень — эмблема равенства». Год делится на 12 месяцев по 30 дней, их латинские названия характеризовали состояние природы. 5 дней составляли годовые праздники — санкюлотиды: 1-й — Добродетели. 2-й — Гения. 3-й — Труда. 4-й — Убеждений. 5-й — Наград. На отдельных листах даны месяцы, олицетворенные женскими фигурами на фоне соответствующего пейзажа; изображение сопровождается стихами.

К описанным темам сводится содержание выставки.

Конечно, выставка не охватывает с исчерпывающей полнотой все события 1789—1794 годов, но она отмечает главные из них. Возможности ее были ограничены как размерами экспозиционной площади Музея, так и характером материалов, пригодных для экспозиции (с дополнительным материалом можно ознакомиться в гравюрном кабинете Музея). Художественное качество экспонатов выставки делает их ценным пособием для углубленного исторического образования и возбуждает интерес к подлинным историческим документам.

¹ Художественно гравированный текст «Прав человека и гражданина» включен в выставку.

² Репродукция с гравюры Дебюкура помещена в № 7 нашего журнала, стр. 35, 1939.

³ Слово «готические» употреблено здесь в смысле «варварские».

КАНДИДАТСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ ПО КАФЕДРЕ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Выпуск «Краткого курса истории ВКП(б)», этой подлинно научной историей большевизма, книги, поднявшей вопросы истории большевизма на небывалую принципиальную, теоретическую, идейную высоту, наглядно демонстрирующей силу и значение марксистско-ленинской теории, определил новый подъем и особый размах большевистской пропаганды и всей теоретической работы партии.

Как подчеркивается в постановлении ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 года «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)», ЦК ВКП(б), создавая эту книгу, исходил, в частности, из задачи — «помочь кадрам, ведущим теоретическую и пропагандистскую работу, перестроиться, улучшить качество работы, начать ликвидировать свою теоретическую отсталость, устранить недостатки и пробелы в своей идеологической подготовке и поднять пропагандистскую работу на должную высоту».

Постановление ЦК ВКП(б) и доклад товарища Сталина на XVIII съезде партии поднимают на огромную высоту вопросы овладения теорией, поворачивают кадры к марксистско-ленинской теории, являются программой идейного вооружения кадров. В них даются руководящие указания и для научной разработки и для пропаганды истории и теории большевизма.

В связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» и постановлением ЦК ВКП(б) на новую ступень поднимается вся наша научно-теоретическая работа в области марксизма-ленинизма. Широкие массы пропагандистов марксизма-ленинизма, лекторов и преподавателей основ марксизма-ленинизма в высших учебных заведениях горячо взялись за дело овладения высотами марксистско-ленинской науки. Невероятно вырос интерес среди преподавательских кадров вузов к научной работе, к подготовке диссертационных работ.

Для получения ученой степени кандидата наук требуется успешное прохождение аспирантуры в течение установленного срока (или сдачи соответствующих испытаний по кандидатскому минимуму) и публичная защита диссертации на избранную диссертантом (и согласованную с кафедрой, при которой происходит защита) тему.

Что требуется для того, чтобы диссертация была одобрена?

Диссертация на степень кандидата наук по кафедре марксизма-ленинизма должна свидетельствовать о высоком идейно-теоретическом уровне диссертанта, о достаточном овладении им марксистско-ленинской теорией на основе первоисточников марксизма-ленинизма, обнаруживать достаточные специальные знания по избранной теме и способность к самостоятельной научной работе.

Публикуемый список примерных тем кандидатских диссертационных работ разработан на основе глав и разделов «Краткого курса истории ВКП(б)» кафедрой марксизма-ленинизма Московского государственного института истории, философии, филологии (профессора Б. М. Волин, А. М. Гуревич, М. А. Москалев, К. А. Попов). Широкий список тем кандидатских диссертаций по диалектическому и историческому материализму, разработанный кафедрой диамата-истмата нашего Института, опубликован в № 5 журнала «Под знаменем марксизма» за этот год.

Выбор темы диссертации принадлежит исключительно диссертанту, и он в этом отношении, само собою понятно, не связан никаким списком. Лишь для навстречу неоднократно высказывавшимся диссертантами пожеланиям, кафедра для облегчения выбора тем разработала настоящий список. Но тема, избранная диссертантом, подлежит предварительному согласованию с кафедрой с точки зрения ее политической значимости, научного интереса (возможностей научной разработки) и актуальности.

Публикуемый список содержит в себе примерные темы, и кафедра полагает, что он подлежит дальнейшей разработке (особенно по послеоктябрьскому периоду), включению дополнительно новых тем (в частности построенных на местном историко-партийном материале) и т. д. Кафедра полагает, что и после такого обсуждения и направления список может являться только некоторым подспорьем для диссертантов, не стесняя выбора ими темы и за его границами.

**Кафедра марксизма-ленинизма Московского
государственного института истории, философии,
филологии**

СПИСОК ПРИМЕРНЫХ ТЕМ КАНДИДАТСКИХ ДИССЕРТАЦИЙ

I

Первые рабочие организации в России («Южно-российский союз рабочих» и «Северный союз русских рабочих»).

Маркс и Энгельс о России и русской революции.

Борьба Маркса и Энгельса против народничества.

Группа «Освобождение труда».

Марксистские кружки в России 80-х и начала 90-х годов.

Рабочее движение в России в 90-х годах XIX столетия.

Ленин о просветителях и революционном народничестве 70-х годов.

Борьба Ленина с либеральным народничеством 90-х годов.

Идейный разгром марксизмом народничества.

Борьба Плеханова и Ленина против субъективной социологии народничества.

Марксизм-ленинизм о роли личности в истории.

Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Борьба Ленина против «легального марксизма».

II

Батумская демонстрация 1902 года.

Всеобщая стачка рабочих юга России 1903 года.

Декабрьская стачка бакинских рабочих 1904 года.

Студенческое движение в начале XX столетия.

Начало революционной деятельности товарища Сталина (1897—1904 годы).

Земско-либеральное движение перед первой русской революцией.

Зубатовщина.

Ленинский план построения марксистской партии.

Борьба Ленина с «экономизмом».

Строительство некровской организации в России.

Разработка Лениным идеологических основ марксистской партии.

Разработка «Некрой» партийной программы.

II съезд РСДРП и образование Российской социал-демократической рабочей партии.

Борьба Ленина за партию после II съезда РСДРП (борьба внутри партии в период между II и III съездами РСДРП).

Разработка Лениным организационных основ марксистской партии.

Раскол РСДРП и II интернационал.

III

Русско-японская война и большевики.

Гапоновщина.

Армия и флот в первой русской революции.

Закавказье в революции 1905—1907 годов.

Разработка Лениным тактических основ марксистской партии.

Учение Ленина о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции.

Учение Ленина и Сталина о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Учение Ленина о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства.

История аграрной программы российской социал-демократии (1894—1906 годы).

III, большевистский съезд РСДРП.

Военная и боевая работа партии в 1905—1907 годах.

Советы рабочих депутатов в первой русской революции.

Всероссийская октябрьская политическая стачка 1905 года.
Декабрьское вооруженное восстание 1905 года.
Опыт думской тактики большевиков в первой русской революции.
Большевистская печать в период первой русской революции.
Товарищ Сталин в период первой русской революции.
Международное значение и влияние первой русской революции 1905—1907 годов.
ВКП(б) — партия нового типа.

IV

Буржуазная и мелкобуржуазная интеллигенция в период столыпинской реакции.
Борьба Ленина против богоскательства и богостроительства.
Сталыпинщина.
Илюханов в период столыпинской реакции.
Тактика большевиков в годы реакции.
Ликвидаторство и борьба с ним большевиков.
Отзовизм и борьба с ним большевиков.
Борьба партии против примиренчества и троцкизма в годы реакции.
Оформление большевиков в самостоятельную марксистскую партию (Пражская партийная конференция 1912 года).
Борьба Ленина с махизмом.
Разработка Лениным теоретических основ марксистской партии.
Роль общественных идей в развитии истории.
Диалектический материализм — мировоззрение марксистско-ленинской партии.
Метод Маркса и метод Гегеля.
Развитие, как переход количественных изменений в коренные качественные изменения.
Марксистско-ленинское учение о скачках в природе и человеческом обществе.
Развитие как «борьба» противоположностей.
Первичность материи, вторичность сознания.
Марксистско-ленинское учение о познаваемости мира и его закономерностей.
Теория познания диалектического материализма.
Общественное бытие и общественное сознание.
Материальная основа общества.
Учение марксизма-ленинизма о способах производства.
Борьба большевиков на международной арене в довоенный период.

V

Ленинские события.
Большевистская газета «Правда» (1912—1914 годы).
Большевики в IV государственной думе.
Работа партии в легальных организациях в годы реакции и нового революционного подъема.
Революционное движение в России накануне империалистической войны.
Марксистская программа по национальному вопросу (в работах Ленина и Сталина в период революционного подъема).

VI

Россия в мировой империалистической войне.
Борьба большевистской партии с социал-шовинизмом и центризмом в России в период империалистической войны.
Крах II интернационала.
Борьба большевиков в период империалистической войны за создание III Интернационала.
Циммервальдская и Кинтальская конференции.
Люксембургизм, отношение большевиков к левым во II интернационале.
Учение Ленина—Сталина о войне и ее типах.
Тактика большевистской партии в период империалистической войны.
Ленинская теория империализма.
Закон неравномерного развития капитализма.
Учение Ленина—Сталина о возможности победы социализма в одной стране.
Работа большевистских организаций в России в период империалистической войны.
Революционное движение в России в период империалистической войны.
Либеральная буржуазия в России в годы мировой империалистической войны.
Военно-промышленные комитеты и отношение к ним большевистской партии.
Партия большевиков в февральской революции.
Советы в после-февральские дни.

VII

Партия большевиков в февральско-мартовский период 1917 года.
Установка партии на переход к социалистической революции (Апрельские тезисы Ленина и Апрельская конференция).
Двоевластие, как своеобразие февральской революции.
Июльская демонстрация 1917 года.
Курс партии большевиков на подготовку вооруженного восстания (VI съезд партии).
Экономическая платформа большевиков перед Октябрем.
Подготовка партией большевиков Октябрьского восстания.
Октябрьское восстание в Петрограде.
Октябрьское восстание в Москве.
Первые месяцы строительства пролетарского государства.
Борьба большевистской партии за мир (брестский мир).
Ленинский план приступа к социалистическому строительству (хозяйственный план весны 1918 года).
Комбеды.
Левые эсеры, борьба с ними большевистской партии.
Первая советская Конституция.
Марксистско-ленинское учение о сущности и происхождении государства.
ВЧК — меч пролетарской диктатуры.
Советы, как государственная форма диктатуры пролетариата.
Товарищ Сталин в 1917 году.
Последнее ленинское подполье (1917 год).
Большевистская партия и Учредительное собрание.
Борьба Ленина, Сталина, большевистской партии со штрейкбрехерами в период подготовки и проведения Октябрьской революции (октябрь 1917 года — январь 1918 года).
Национальный вопрос в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции.
Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции.

VIII

Первый период гражданской войны (начало иностранной военной интервенции).
Военный коммунизм.
Партийное строительство в период гражданской войны.
Образование III Интернационала (I и II конгрессы Коминтерна).
Принятие новой партийной программы (VIII съезд партии).
Борьба партии с троцкизмом в период гражданской войны.
Борьба партии с «децистами» в период гражданской войны.
Поход Колчака и его разгром.
Поход Деникина и его разгром.
Товарищ Сталин в годы гражданской войны.
Война с белопанской Польшей.
Врангелевщина и ее разгром.
Японская интервенция на Дальнем Востоке.
Помощь международного пролетариата в борьбе Советской республики с интервентами.
Большевистское подполье в белогвардейском тылу в период гражданской войны.
Ленин и Красная Армия.
Военно-политический союз пролетариата и крестьянства в период гражданской войны.

IX

Экономическое и политическое положение страны после окончания гражданской войны.
Кронштадтский мятеж и его подавление.
Дискуссия в партии о профсоюзах.
Борьба партии с «рабочей оппозицией» при переходе к нэпу.
Ленинский кооперативный план.
Образование Союза ССР.
Национальный вопрос в восстановительный период (X и XII съезды партии).
Борьба с национал-уклонизмом в Грузии, на Украине и т. д.
Учение Ленина—Сталина о нэпе.
Классовая борьба в восстановительный период.
Борьба партии с троцкизмом в 1923—1924 годах.
Последние выступления и статьи Ленина.
Вопрос о социалистическом строительстве и победе социализма в нашей стране (XIV конференция и XIV съезд партии).
Борьба партии с «новой оппозицией» — Зиновьева—Каменева.
Сталинский план социалистической индустриализации страны.

X

Сталинский план коллективизации сельского хозяйства (XV съезд партии).
Борьба партии с троцкистско-зиновьевским блоком и его разгром. Политическое двурушничество.

Борьба партии с бухаринско-рыковской антипартийной группой и ее разгром.
Год великого перелома.
Начало массового колхозного движения.
Дальнейшее развитие товарищем Сталиным учения Ленина о возможности победы социализма в нашей стране.

XI

Ликвидация кулачества, как класса на базе сплошной коллективизации.
Борьба с искривлением политики партии в колхозном движении.
Развернутое наступление социализма по всему фронту.
Классовая борьба в годы первой пятилетки.
Вопросы идейно-политического и организационного руководства (XVII съезд партии).

С. М. Киров — руководитель ленинградских большевиков.
Первая пятилетка, борьба партии за ее выполнение.
Перерождение троцкистов и бухаринцев в белогвардейские банды убийц и шпионов и их ликвидация.

XII

Вторая империалистическая война.
Итоги выполнения плана второй пятилетки.
Стахановское движение.
Расцвет советской демократии.
Ликвидация бухаринско-троцкистских шпионов, вредителей, изменников родины.
Развертывание внутрипартийной демократии.
Социализм и государство.
Коммунизм и государство.
Ликвидация противоположности между трудом умственным и физическим.
Ликвидация противоположности между трудом промышленным и сельскохозяйственным.

Культурная революция в СССР.
Основная экономическая задача СССР в третьей пятилетке и ход ее выполнения.

История партийного устава.
Классы и классовая борьба в переходный период в СССР.
Ликвидация эксплуататорских классов в СССР.
Учение Ленина и Сталина об интеллигенции.
Марксистско-ленинское учение о коммунизме.
Учение Ленина и Сталина о государстве.
О двух фазах в развитии социалистического государства.
Учение товарища Сталина о победе коммунизма в нашей стране.
Учение Ленина и Сталина об уничтожении пережитков капитализма в сознании людей.

Учение Ленина и Сталина о кадрах.
Советский патриотизм.
Марксистско-ленинское учение о равенстве.
Роль партии в системе диктатуры рабочего класса.
Третий пятилетний план народного хозяйства, борьба партии за его выполнение.
Непримиримая борьба с оппортунистами в собственных рядах как закон развития партии.

Движущие силы советского общества.
Чему учит нас история ВКП(б).

* * *

Редакция «Исторического журнала», публикуя для обсуждения проект примерного списка тем кандидатских диссертаций по кафедре марксизма-ленинизма, просит читателей дать свои замечания по этому списку.

Редакция приглашает товарищей, работающих над диссертациями по вопросам марксизма-ленинизма, присылать свои работы или наиболее интересные и законченные главы работ для опубликования их на страницах журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Речь тов. МОЛОТОВА при открытии Всесоюзной Сельскохозяйственной Выставки 1-го августа 1939 года	1
М. АРЖАНОВ — О гениальном труде В. И. Ленина „Государство и революция“	6
И. ГОХБЕРГ — Революционный подъем в России накануне первой мировой империалистической войны	19
И. ПЛЫШЕВСКИЙ — Захват Манчжурии Японией в 1931 году	30
Н. ЮЩАК — Америка и Япония в борьбе за Тихий океан	42
М. ЗАХАРОВА — Томас Джефферсон и американская революция	57
А. ПОБЕДОНОСЦЕВ — Черкесия	70
А. БУКШТЕЙН — Парижское восстание 1358 года	83
В. ШЕВЧЕНКО — Восстания рабов и варварские войны в Тавриде	96
В. КАЛАШНИКОВА — Бабелф и „Заговор равных“	105

ИСТОРИЯ В ШКОЛЕ

А. БОРОВСКИЙ — Как находить литературу по истории СССР	113
Н. КУЗИН — Краеведение в преподавании истории СССР	118

БИБЛИОГРАФИЯ

С. ЧЕРНОМОРДИК — „Литературное наследие Г. В. Плеханова“	123
А. БОЧКАРЕВ, Н. МУРАХВЕР, Б. ТРЕТЬЯКОВ, З. КРОНЕНБЕРГ, В. ТИХОМИРОВ, П. ДРУЖИНИН, Ю. ЯМПОЛЬСКИЙ — Рецензия на сборник статей „Против исторической концепции М. Н. Покровского“. Изд. Академии наук СССР	133
К. ПОЛЗИКОВА-РУБЕЦ — Древний Египет в иллюстрациях	142

ХРОНИКА

А. ЗАМЯТИНА — Выставка к 150-летию французской буржуазной революции в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина	144
Кандидатские диссертации по кафедре марксизма-ленинизма	155

ОПЕЧАТКИ

В настоящем номере журнала в части тиража на стр. 117, левая колонка, 26 строка сверху, имеется пропуск; следует читать: «количество библиографических указателей, посвященных в той или иной мере истории отдельных народов и местностей, очень велико». На стр. 19, левая колонка, 11 строка сверху, следует читать: «насчитывавшая в 1910 году 67 тысяч миль, в 1914 году равнялась 73 тысячам миль».

Адрес редакции: ул. „Правды“, 24, комната 809, тел. Д 3-30-48, Д 3-36-50

Ответственный редактор—**Б. М. ВОЛИН**
Зам. редактора—**С. И. Гопкер**
Отв. секр.—**О. С. Вейланд**

Уполномоченный Главлита № А—14860 Изд. № 824 Зак. № 2281 Тираж 50 000
Материал сдан в набор 7 VII 1939 г. Подписан к печ. 26 VIII 1939 г. 10 печатн. л. 70 000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты „Правда“ имени Сталина. Москва, ул. „Правды“, 24.